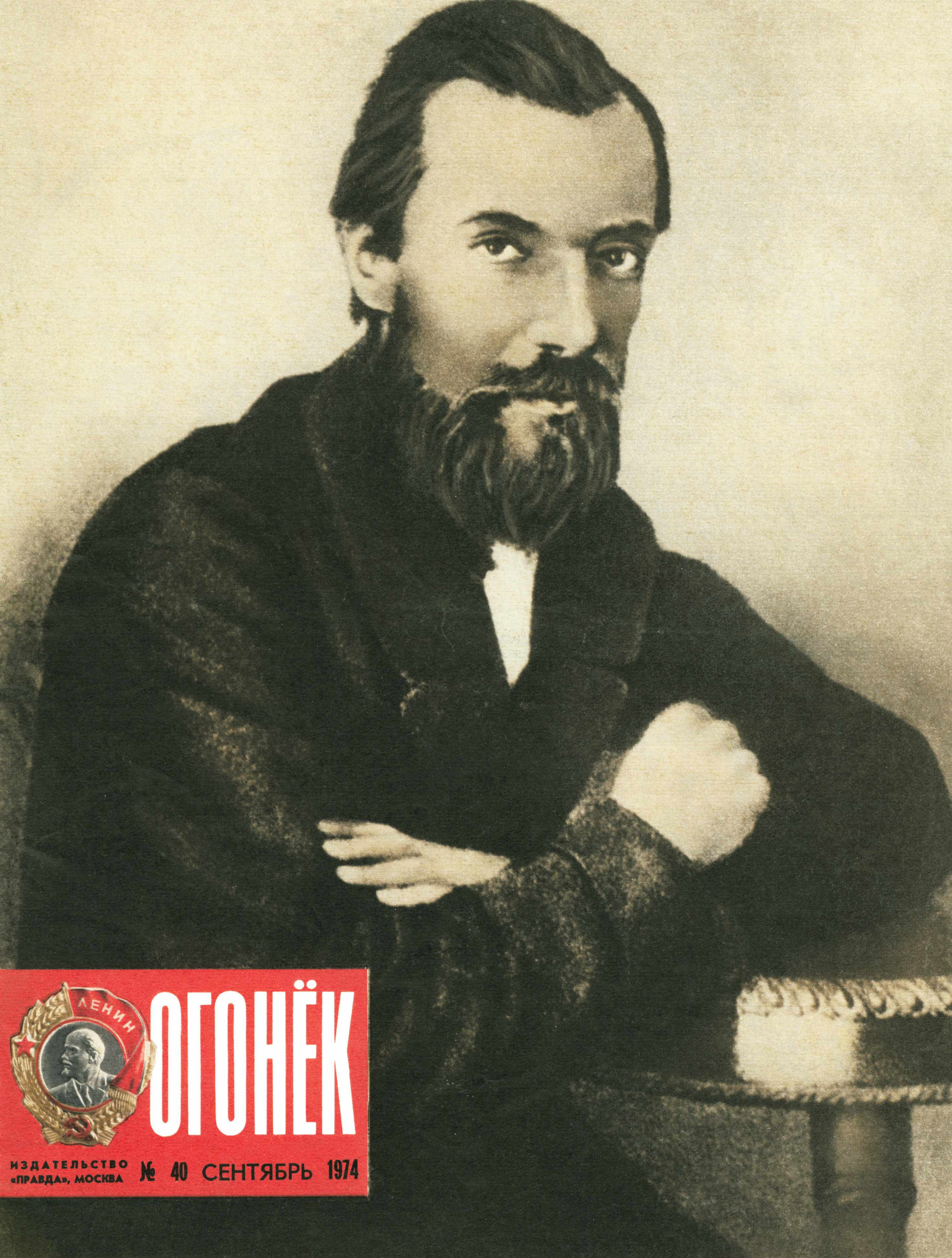

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 40 СЕНТЯБРЬ 1974

В совхозе «Звезда» сортируют картофель.

Братья Альбин и Валентин Шевчики—механизаторы из «Протасовщины» — работают сейчас на прессовании соломы.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 40 (2465)

28 СЕНТЯБРЯ 1974

«ОГОНЕК» НА ЖАТВЕ

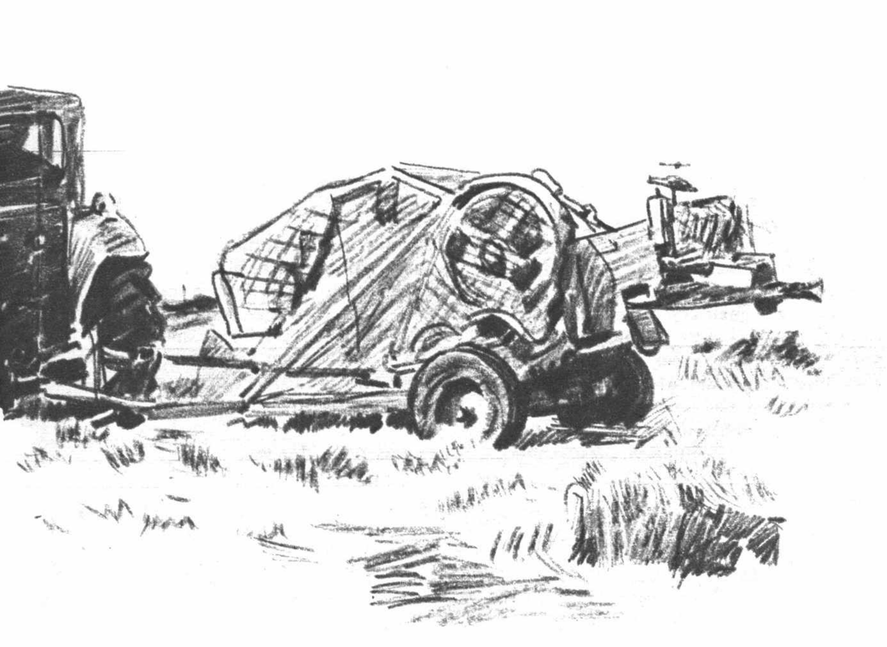

А. ЩЕРБАКОВ,
рисунки И. ПЧЕЛКО,
специальные корреспонденты «Огонька»

Механизатор Виктор Хильмончик из совхоза «Протасовщина».

КАРТОФЕЛЬНОЙ НИВЕ

Посылка была очень маленькой, но очень ценной. Александр Михайлович давно ждал ее, а дождавшись, тотчас принялся за дело. Посылка пришла от Марии Александровны Рухлядьевой из Истры, где находится Московское отделение Всесоюзного института растениеводства. Мария Александровна давно уже присылает главному агроному совхоза «Звезда» семенной материал нового, выведенного ею сорта картофеля «Истринский», а Александр Михайлович Вайтенок — сын агронома и, как говорят, агроном с босых ног — с гордостью показывает сейчас делянку с «Истринским» и называет цифры, в которые трудно даже поверить:

— В подсчете на гектар выходит более чем по пятисот центнеров.

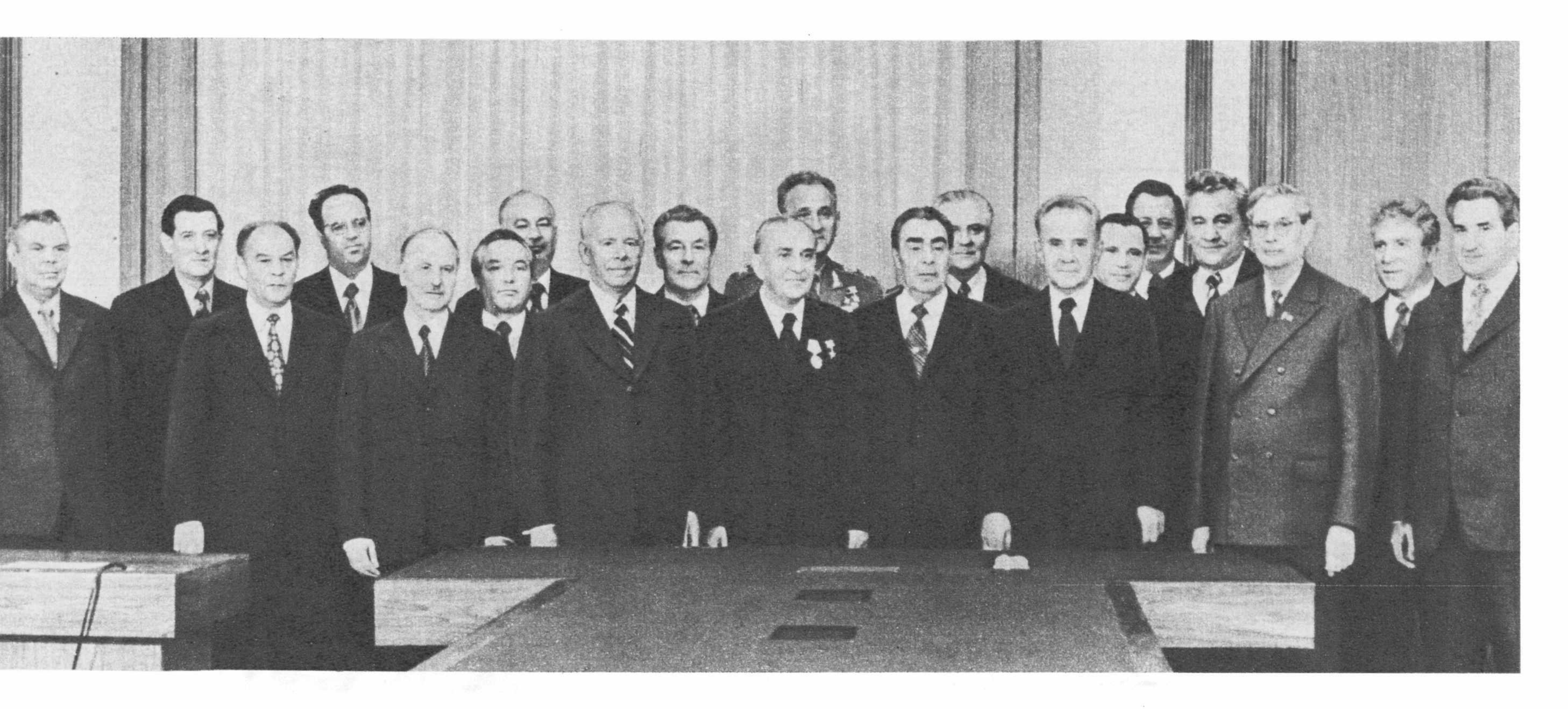
Кроме «Истринского», на опытных делянках у Вайтенка испытываются и другие новые сорта — «Аришка», «Янтарный», «Подарок домохозяйкам».

— Но ведь и белорусские сорта дают у вас совсем неплохие урожаи, не так ли?

— Это точно. «Темп», «Огонек» — хорошие сорта,— отвечает главный агроном. — И тем не менее надо искать, пробовать, постоянно внедрять что-то новое. Такое нынче время — иначе вперед не пойдешь.

Это говорит специалист из хозяйства, где первые опытные участки картофельного поля дают по 270 центнеров с гектара. Богатейший урожай! Но он высок именно потому, что в совхозе «Звезда», Гродненского района, творчески относятся ко всему, что связано с землей.

Осень сложная. Еще надо убрать люпин и гречиху, подоспели сроки озимого сева, не ждет зябь,

23 сентября в Кремле члену Политбюро ЦК КПСС, первому секретарю Московского горкома КПСС В. В. Гришину были вручены орден Ленина и золотая медаль «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда.

На снимке: руководители партии и правительства при вручении награды товарищу В. В. Гришину.

Фото А. Пахомова.

да и заготовка кормов не завершилась. И пора копать картофель. Как управиться со всеми этими работами, если действовать без инициативы и творчества, без постоянного напряженного поиска?

В дирекцию совхоза пришел звеньевой механизированного картофелеводческого звена Яцек Богдан.

— На полях моего звена картофель еще растет, — говорит он. — Гектар может дать примерно двенадцать центнеров прибавки. Значит, копать рано, а звено готово. Надо бы нас послать пока на участок к нашим соперникам, к Рекетю. У себя нам сеять с понедельника, так что субботу и воскресенье мы с Константином Владимировичем поборемся на его же поле...

Два дня поработал Богдан со своими механизаторами у звеньевого, с которым соревнуется, и не только помог ему, но и сам кое-чему поучился, потому что Рекетя подготовился к уборочной лучше, чем когда-либо. Отладил комбайн, внес усовершенствования в его конструкцию, приспособил другие ножи — это дало более высокую производительность и повысило качество копки. Детально продумана здесь и расстановка сил. Начальник второго участка Михаил Михайлович Зуй вместе с Рекетей распределили технику и на вывозке картофеля с поля и на сортировке, умело расставили людей, составили на все точные планы, выверили графики...

Творческий подход к делу характерен для всех хозяйств Гродненской области. В канун уборки картофеля в совхозе «Протасовщина», Щучинского района, собрались на областной семинар инженеры, агрономы, звеньевые механизированных звеньев — еще раз вникли в технику, детализировали приемы владения ею. А приемы эти безупречно отработаны здешними механизаторами. Главный агроном совхоза Валерий Михайлович Петрович познакомил специалистов с новым методом хранения картофеля в гуртах, обеспечивающим лучшую, чем прежде, вентиляцию, а следовательно, и более длительную сохранность клубней.

Совхоз «Протасовщина» по сравнению с прошлым годом широко шагнул вперед. Собрано в среднем по 170 центнеров с гектара, а урожайность поздних сортов выше по крайней мере на тридцать — сорок центнеров. Вот и сравните, если в прошлом году по совхозу вышло сто двадцать четыре...

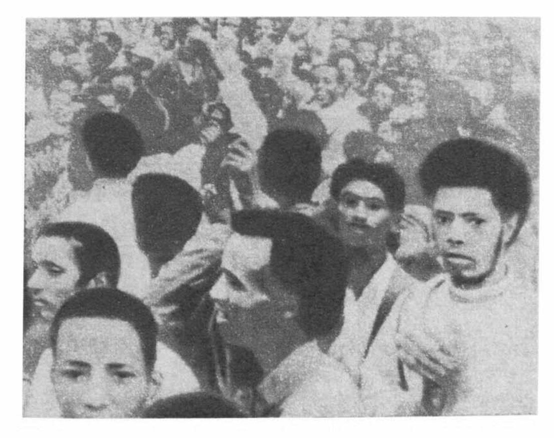
Гродненская область успешно развивает свое сельское хозяйство, в том числе и картофелеводство. Девяносто шесть процентов всех посевов здесь составляют белорусские районированные сорта — вкусные, хорошо развариваются. От года к году растет количество картофелеуборочных машин, минеральных удобрений. Повсеместно внедряется звеньевая система, когда механизаторы отвечают за весь цикл на закрепленном за ними картофельном поле — от подъема зяби до уборки клубней. А отсюда и ответственность и заинтересованность в результатах.

Нынче на Гродненщине превосходный урожай хлебов. По предварительным данным, в среднем около тридцати центнеров с гектара. Вслед за хлебной нивой поспела и картофельная. Высоко организованный ход уборки обещает хлебу доброе подкрепление.

Гродненская область.

Главный агроном совхоза «Звезда» Александр Вайтенок.

Демонстрация в Аддис-Абебе в поддержку действий координационного комитета.

Телефото АП — ТАСС.

НА ПОРОГЕ ПЕРЕМЕН

После краткой церемонии низложения бывший император Эфиопии Хайле Селассие I был отвезен из дворца «в специально отведенное место». Арестованы ближайшие родственники Хайле Селассие. Императорский дворец национализирован. У бывшей резиденции негуса стоят военные «джипы» с установленными на них артиллерийскими орудиями, а по улицам курсируют армейские и полицейские патрули.

Императору было предъявлено обвинение в присвоении народных средств. На счету Хайле Селассие в иностранных банках хранятся «десятки миллиардов долларов». После отказа императора вернуть эти деньги стране координационный комитет выступил с заявлением, в котором указывается: «Хайле Селассие I более не заслуживает доверия народа». На следующий день он был низложен. Так закончил свое 44-летнее правление император Эфиопии.

Вся власть перешла в руки координационного комитета вооруженных сил. Главой временного военного правительства назначен министр обороны генерал-лейтенант Аман Андом. Приостановлено действие конституции. Распущен парламент. Координационный комитет сообщил, что он сохранит власть до тех пор, пока демократическим путем не будет избран новый парламент. На престол призван наследный принц Асфа Восен, находящийся сейчас в Швейцарии. В заявлении координационного комитета говорится, что император отныне станет лишь номинальным главой государства.

Недовольство в Эфиопии возникло не сегодня и не вчера, оно зрело давно. В его основе лежат ухудшение экономического положения страны, инфляция, составляющая почти 15 процентов в год, безработица, нищета, а также сохранение в стране анахроничных феодальных порядков. Эфиопия — одна из беднейших стран Африки.

Начиная с 1973 года сильнейшая засуха охватила обширные районы Эфиопии. Она вызвала болезни и голод, от которых умерли около 100 тысяч человек. Массовый падеж скота и отсталая феодальная система землепользования довели крестьянство до полного обнищания. Однако император и высшие государственные чиновники ничего не предприняли, чтобы спасти от смерти голодающих людей. Все это не могло не вызвать протеста народных масс, требовавших коренных изменений в стране. Армия встала на сторону народа.

Координационный комитет вооруженных сил провозгласил равенство всех эфиопов и заявил, что ставит своей целью проведение аграрной реформы, интенсивное развитие промышленности, борьбу с неграмотностью, введение бесплатного начального образования. Эфиопия стоит на пороге серьезных перемен, которые постепенно ломают ее традиционный политический уклад.

В. ДУНАЕВ

ПРИЗРАК ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ

Сергей ЛОСЕВ

Среди американских политиков еще продолжаются стерильные дискуссии о том, переживают ли Соединенные Штаты экономический спад или это нечто из области досужих предположений. Видные американские экономисты между тем уже не сомневаются, что самый глубокий после второй мировой войны спад налицо и что просвета в конце туннеля не видно. Упрямая статистика подтверждает их выводы; волна банкротств нарастает угрожающими темпами, обрабатывающая промышленность работает лишь на 80 процентов своей мощности, резко свертывается жилищное строительство, выпуск автомашин за первые 8 месяцев этого года упал на 24 процента. Курс акций на нью-йоркской фондовой бирже с начала 1973 года снизился на 42 процента, а акции, выпущенные в обращение, обесценились на 500 миллиардов долларов.

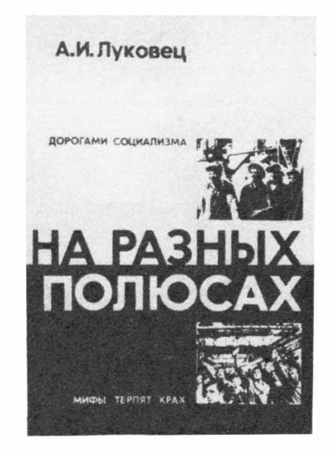
Конечно, государственно-монополистический капитализм США располагает немалыми резервами и возможностями. Однако использование рычагов воздействия на неблагоприятную конъюнктуру, которые обычно применялись ранее в аналогичных ситуациях, ныне связано с немалым риском. Дело в том, что новые неурядицы и потрясения постигли США в тот момент, когда бег инфляции стал неудержимым.

По словам нового президента США Дж. Форда, «хотя инфляция — отнюдь не новое явление в истории США, в такой острой форме, как сейчас, мы не сталкивались с ней ни разу за последние 27 лет. Розничные цены повышаются недопустимо высокими темпами на 11 процентов в год. Одни статистические данные не в состоянии показать, как страдает человек от инфляции. Холодные и безликие цифры и процентные выкладки не могут показать, как инфляция отражается на жизни наших людей...».

Пока рано судить о том, какие решения примет созванная 27 сентября в Белом доме конференция по проблемам борьбы с инфляцией. Если в рекомендациях совещания речь пойдет о каких-то крутых мерах, то, скорее всего, учитывая предстоящие в ноябре выборы в конгресс, они будут объявлены не тотчас же, а лишь в бюджетном послании президента в начале 1975 года. Директор Административно-бюджетного управления США Рой Эш предостерег бизнесменов против надежд на то, что это совещание в верхах позволит быстро справиться с инфляцией. Правительство фактически уже исключило возможность введения контроля над ценами и заработной платой.

Взят курс на резкое ограничение кредита — процентные ставки уже достигли рекордного уровня — и сокращение бюджетных расходов. Это приведет прежде всего к существенному свертыванию программ в области здравоохранения, просвещения и социального обеспечения. Что касается ассигнований на нужды Пентагона, то они по-прежнему остаются неприкосновенными, как священная корова, хотя, как известно, нынешняя спираль инфляции была закручена в результате огромных военных расходов в годы вьетнамской авантюры. Напоминая, что корни нынешней инфляции и депрессии следует искать «в болотах и джунглях Юго-Восточной Азии», где на протяжении ряда лет США безуспешно пытались подавить освободительное движение, газета «Нью-Йорк пост» отмечает, что непомерные военные ассигнования — одна из главных причин инфляции — не уменьшились и после прекращения войны во Вьетнаме; в дополнение к расходам на содержание американских войск как внутри страны, так и за границей США тратят 90 миллиардов долларов ежегодно на производство вооружений. По мнению газеты, обуздать инфляцию не удастся до тех пор, пока ежегодные ассигнования Пентагону не будут сокращены хотя бы на 25 миллиардов долларов. В условиях международной разрядки и улучшения советско-американских отношений это вполне возможно. Опыт претворения в жизнь Договора об ограничении систем противоракетной обороны убедительно показал, что взаимно согласованные шаги приносят реальный выигрыш обеим странам, не нанося ущерба национальной безопасности. Не удивительно, что общественность США одобрила решение направить на ратификацию новый протокол к этому договору и приветствует перспективы заключения долгосрочного соглашения об ограничении стратегических вооружений, рассматривая его не только как шаг к укреплению всеобщего мира и сдерживанию гонки вооружений, но и как эффективное средство борьбы против инфляции.

За экономическими мерами республиканского правительства пристально следят как в самих США, так и в странах «Общего рынка» и Японии. В западноевропейских столицах открыто выражают опасение, как бы политика ограничения кредита, оказывающая весьма медленное сдерживающее воздействие на темпы инфляции, не ускорила повторение трагедии, подобной великому кризису 1929 — 1930 годов, — на этот раз в условиях развала валютно-финансовой системы капиталистического мира и энергетического кризиса. Никто не берется предсказать, какие зловещие последствия имела бы эта цепная реакция для экономики ФРГ, Англии, Японии и других ведущих западных держав, переживающих сейчас депрессию. «Может быть, никогда еще со времени окончания второй мировой войны, — мрачно резюмирует французская «Монд», — капиталистический мир не находился в столь хаотическом состоянии в финансовом и экономическом отношениях... Вопрос в том, приведет ли это западную экономику к глубокой депрессии, похожей на депрессию 1930 года, о призраке которой уже открыто говорит международная печать».

ДВА МИРА — ДВА ПУТИ

«На разных полюсах»[1] — так называется книга, недавно вышедшая в издательстве «Мысль». Имя автора, журналиста-международника Алексея Луковца, хорошо знакомо читателям «Правды». Оно запомнилось еще по корреспонденциям из народной Польши, где рядом с этим именем стояло: «Наш соб. корр.». Без малого шесть лет жизни отдано автором этой стране, которую он любит, хорошо знает. И не случайно очерком «Флаги над Вислой» начинается это увлекательное путешествие в два мира.

Один мир нам очень близок: в нем живут наши добрые друзья. Сложилась и успешно развивается мировая социалистическая система, в орбите которой — треть человечества.

А на другом полюсе — иной мир, тот, что яростно отрицал рождение социализма и ведет с ним борьбу, тот, который сегодня вынужден признать его крепнущую силу и международный авторитет.

Книга «На разных полюсах» — результат наблюдений и размышлений человека, которому за последние полтора десятка лет довелось побывать в двадцати пяти странах нашей планеты. Автор спокойно и неторопливо ведет читателя из одной страны в другую, последовательно и очень аргументированно раскрывая различные стороны жизни.

«Дороги социализма» объединяют путешествие А. Луковца в девять социалистических государств. Многие из них он наблюдал на самых разных этапах становления, получив счастливую возможность сравнивать, что было тогда и что стало теперь. Ожили, заговорили страницы старых блокнотов и тех, что автор вел в последние годы, и герои давних дней вступили в диалог с современностью. Тема интернационализма, братской солидарности с Советским Союзом проходит через все повествование, главный герой которого человек-борец, человек-созидатель.

В летопись дружбы между нашими народами вписано немало памятных страниц. Событиями, знаменующими новый этап в развитии братской дружбы и всестороннего сотрудничества, стали визиты в социалистические страны советских партийно-правительственных делегаций во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и встречи с руководителями этих стран. Читатель найдет в книге А. Луковца репортажи, написанные свидетелем событий, которые уже сегодня принадлежат истории.

Но вот перевернута 261-я страница, и перед нами Америка. Встречи автора книги с мэром Нью-Йорка и деятелями негритянского движения сразу же вводят читателя в круг самых острых проблем США. Особенно интересны страницы об отношении различных слоев американского общества к нашей стране, о визите в США Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и развитии советско-американских отношений.

Новый, более здоровый международный политический климат, явившийся результатом объединенных усилий народов многих стран и успешного осуществления Программы мира, воздействует на жизнь капиталистических стран, о которых пишет журналист. Это Канада, где А. Луковец оказался первым советским журналистом, побывавшим на канадском севере. Это Федеративная Республика Германии, где ветер перемен отогнал тени прошлого и на арену активной жизни выступило поколение, не отягощенное кошмарными воспоминаниями войны. Это современная Франция, чьи отношения с Советским Союзом служат хорошим примером претворения в жизнь принципов мирного сосуществования государств независимо от их общественного строя, Австрия, народ которой сделал выводы из прошлого и хочет, чтобы страна шла по пути мира, независимости и прогресса. Наконец, это три государства Европейского Севера — Финляндия, Швеция и Дания, где в поисках решений назревших вопросов все чаще обращаются к возможностям, которые открывают перспективы сотрудничества на общеевропейской основе.

Написанная глубоко и увлеченно, книга Алексея Луковца, безусловно, поможет читателю лучше узнать и понять жизнь стран, о которых рассказывает автор.

Новелла ЦВЕТКОВА

[1] А. И. ЛУКОВЕЦ. «На разных полюсах». Издательство «Мысль». 1974 год.

Алексей Леонов, Владимир Шаталов, Томас Стаффорд.

«Союз» — «Аполлон»

А. РОМАНОВ

Фото автора.

В Хьюстоне, американском Центре пилотируемых полетов, находилась группа советских космонавтов и специалистов, принимающая участие в подготовке совместного советско-американского космического эксперимента по программе «Союз» — «Аполлон».

В течение трех недель советские и американские космонавты тренировались на макетах и тренажерах «Аполлона» и переходного шлюза.

Предстоящий международный эксперимент, осуществить который намерены ученые и космонавты СССР и США в 1975 году, является частью Соглашения о сотрудничестве между двумя странами в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях. В этом соглашении по праву важной и перспективной считается программа «Союз» — «Аполлон».

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Меньше года осталось до дня, когда стартом корабля «Союз» начнется экспериментальный полет советского и американского кораблей. Дата 15 июля 1975 года уже известна миллионам землян и прочно входит в историю космонавтики. В этот июльский день с космодрома Байконур, с того самого, с которого Юрий Гагарин проложил человечеству первую космическую трассу, в небо поднимется ракетоноситель с кораблем «Союз». Поднимется, чтобы на околоземной орбите встретиться с кораблем «Аполлон». Это

будет первое рукопожатие в космосе двух крупнейших космических держав.

Осуществление программы «Союз» — «Аполлон» требует решения многих технических и организационных проблем. Известно, например, что советский и американский летательные аппараты во многом отличаются друг от друга. В частности, они оснащены стыковочными узлами, которые не обеспечивают соединения в единый комплекс. Состав атмосферы и давление на борту «Союза» и «Аполлона» также не совпадают. У нас — все ближе к земным условиям. У американцев атмосфера в основном кислородная, а давление ниже, чем на советском корабле. Кроме того, они оборудованы и различными системами поиска и сближения.

Как же решаются проблемы совместного полета и стыковки кораблей?

Член-корреспондент АН СССР К. Д. Бушуев, технический директор проекта «Союз» — «Аполлон» с советской стороны, с которым мне не раз приходилось беседовать, рассказывает:

— В технические задачи предстоящего эксперимента входят: испытания совместимых систем стыковки кораблей, проверка техники перехода членов экипажа из одного корабля в другой, возможность работы представителей разных стран в совместном полете и, наконец, накопление опыта в организации подобных полетов, которым принадлежит будущее.

Уже создан и прошел первые испытания стыковочный агрегат. Для осуществления перехода космонавтов из корабля в корабль специально ради этого полета разработана и проходит завершающие испытания шлюзовая камера. Это позволит слабее почувствовать разницу составов атмосферы и давления в кораблях, которая все-таки остается существенной.

Исключительное внимание советские и американские специалисты уделяют безопасности полета. Самым тщательным образом продуманы и определены действия экипажей и наземных служб в случае непредусмотренных ситуаций, которые могут возникнуть во время полета.

Мы можем сказать, что работа советских и американских ученых, конструкторов и космонавтов идет вполне успешно и вступает в заключительную фазу...

А вот как оценивает положение Гленн Ланни, технический директор проекта «Аполлон» — «Союз» с американской стороны. Мне удалось встретиться с ним в Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина.

— Мы побывали в советском Центре управления космическими полетами, — сказал он. — Наша работа с советскими коллегами становится все более продуктивной. Это происходит по мере того, как каждая из сторон лучше усваивает, что именно следует ждать от новой встречи. Очень важны работы, связанные с системами поиска и сближения кораблей. Мы проводим тщательные испытания стыковочного агрегата, систем жизнеобеспечения. То же самое делают и советские коллеги. Сопоставление результатов поможет нам найти оптимальные решения. Много внимания уделяется и организационной схеме сотрудничества американского и советского Центров управления полетами во время предстоящего космического эксперимента.

КАК ВСЕ ЭТО БУДЕТ

Представим себе, что сегодня 15 июля будущего года. Советский космический корабль уже на околоземной орбите. Через семь с половиной часов после старта с мыса Канаверал стартует «Аполлон». На первом этапе летательные аппараты совершат автономные полеты. Экипажи их, попривыкнув к невесомости, проверив системы кораблей, начнут подготовку к проведению главной операции — стыковки. Через тридцать один час и тридцать минут после старта «Союза» в заранее назначенном районе околоземного пространства советский и американский корабли состыкуются.

— Так будет создан первый международный орбитальный комплекс с экипажем в пять человек, — говорит Алексей Леонов, командир первого экипажа корабля «Союз». — Программа совместного полета рассчитана на двое суток. За это время предполагается выполнить переходы и пять совместных научных экспериментов. В их числе «ультрафиолетовое поглощение», «микробный обмен», «универсальная печь» — плавление металла и наблюдение за его кристаллизацией в условиях невесомости — и «зонообразующие грибы».

После того как «Союз» и «Аполлон» расстыкуются, будет осуществлен эксперимент «солнечное затмение». «Аполлон» закроет своим корпусом солнечный диск, а экипаж «Союза» в этот момент сфотографирует его. Затем корабли продолжат полет в соответствии со своими планами...

НА ПУТИ К СТАРТУ

Особое внимание уделяется подготовке космонавтов. Ведь им предстоит осуществить замысел ученых, положить начало новому этапу в развитии пилотируемых полетов.

Алексей Леонов рассказывал о том, как советские космонавты и специалисты были гостями в Хьюстоне, в американском Центре подготовки пилотируемых полетов. В те дни космонавты рассмотрели и проверили во время тренировок на макете бортовые инструкции по проведению переходов из корабля в корабль. Также полезными были занятия в лаборатории на испытательном стенде по радиосвязи.

— Мы все пришли к выводу, — сказал в заключение Леонов, — что целесообразнее во время тренировок говорить нам на английском, а американским коллегам — на русском языке. В настоящее время мы знаем язык наших коллег настолько хорошо, что понимаем друг друга во время совместной работы.

Томас Стаффорд отмечает успех недавних тренировок в Центре подготовки космонавтов имени Юрия Гагарина. Обширная программа была рассчитана на 120 часов. Почти три недели велись встречи экипажей на комплексном тренажере корабля «Союз», на полноразмерном макете корабля «Союз», а также на тренажере стыковки и стенде радиосвязи. Космонавты слушали лекции по системам управления кораблем, кинофотооборудованию.

— В дни тренировок достигнут большой прогресс, — говорит Стаффорд. — Тренажеры, которыми располагает Звездный городок, прекрасные. На них приятно работать. Мы прорепетировали все те операции и процессы, которые произойдут во время полета кораблей «Аполлон» и «Союз». Мы все хотели бы полетать на советском корабле «Союз». И эта возможность нам предоставится в июле 1975 года.

Приведем еще несколько коротких интервью с советскими и американскими космонавтами о совместных тренировках.

Валерий Кубасов — бортинженер первого экипажа корабля «Союз»:

— Американские космонавты — высококвалифицированные специалисты. Работать с ними интересно. Обстановка непринужденности, тесного, заинтересованного сотрудничества — вот тот «микроклимат», что помогает в деле.

Дж. Лусма — член резервного экипажа корабля «Аполлон»:

— Мы нашли с русскими коллегами общий язык. Я надеюсь, что вместе со стыковкой двух космических аппаратов мы состыкуем и наши сердца. Ведь это так важно для установления мира на Земле.

Анатолий Филипченко — командир второго экипажа корабля «Союз»:

— Человека легче познать во время совместного труда. Больше года, как мы встречаемся с американскими коллегами. Это деловые, энергичные люди. Ничто человеческое им не чуждо. Мы вместе хотим положить начало новому направлению в развитии пилотируемых полетов. Эта большая цель нас воодушевляет.

Юджин Сернан — заместитель технического директора программы «Аполлон» — «Союз» с американской стороны:

— Я с удовольствием участвую в подготовке эксперимента. И как один из руководителей программы «Аполлон» — «Союз» и как космонавт. Предстоящий полет полезен не только для наших двух стран, но и для всего человечества.

Владимир Шаталов, руководитель подготовки советских космонавтов, перед отлетом в США сказал:

— К настоящему времени выполнена значительная часть работ, касающихся создания отдельных систем и их испытания, подготовки различной документации. Сроки выдерживаются.

Проведение совместного советско-американского эксперимента в космосе — важный этап в развитии мировой космонавтики. Он окажет положительное влияние на осуществление пилотируемых полетов в целях изучения и освоения околоземного пространства в интересах народов. И, бесспорно, сотрудничество в космосе двух крупнейших держав стало возможным благодаря разрядке международной напряженности. Народы планеты должны стремиться к тому, как говорил товарищ Л. И. Брежнев, чтобы и в космосе и на Земле происходили стыковки человеческих усилий и талантов, направленных на благо народов.

К этим словам Генерального секретаря ЦК КПСС, — сказал в заключение Владимир Шаталов, — прибавить нечего. Они выражают мысли всех народов планеты и, конечно же, всех участников предстоящего эксперимента.

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

НАЧАЛО

На украшенной сцене Колонного зала ленинградцы Анатолий Карпов и Виктор Корчной, два ярких представителя советской шахматной школы. В первой партии Корчной, как говорится, «поймал» Карпова на подготовленный домашний вариант. Любители статистики подсчитали: за последние три года Карпов из 150 партий проиграл всего четыре. Неужели он пострадает сразу в первой партии матча, на премьере? Его положение было действительно опасным, но Корчной не лучшим образом реализовал свое преимущество, и Карпов добился ничьей.

Во второй партии на теоретическую новинку «попался» Корчной. Даже знаменитое искусство защиты не могло спасти его. Карпов изящно, энергично, прямо по-алехински вел атаку.

Тут читатель может задать два вполне резонных вопроса: чем объяснить, что Карпов и Корчной «попались на вариант»? Почему они вообще шли на варианты, известные из практики? Многочисленные комментаторы могут делать лишь предположения, но точный ответ на это могут дать только Карпов и Корчной или их тренеры.

Второй вопрос: разве это искусство — то, что Карпов и Корчной «ловят» друг друга в дебюте? Конечно, не в этом основа творчества. И не в каждой партии «ловля» получается. Но искать и найти изъяны в дебютном репертуаре противника — это не запрещенный прием. «Поймать» — это ведь выражение шутливое. Улучшение любого варианта означает обогащение шахматной теории.

В третьей партии Корчной попал под позиционный пресс Карпова, но аккуратно вел защиту. Ничья.

В четвертой встрече многие гроссмейстеры согласились бы на ничью после 15—17 ходов. Но не такой характер у Карпова и у Корчного. Они и при ограниченном материале на доске продолжали вести борьбу с напряжением.

Карпов и Корчной соблюдают строгий режим: Карпов освежает себя стаканом чая и соком ровно в 18 часов 30 минут. Корчной подкрепляется в 20 часов, наливая из термоса чашку кофе. Все по Ботвиннику.

Чем же закончилась четвертая партия? Карпов признался, что неправильно оценил позицию. Неправильная оценка позиции привела к тому, что отложенная партия дала Корчному надежду сравнять счет. Зрители, судейская коллегия и Карпов ожидали продолжительного доигрывания. Но Корчной явился на доигрывание... без термоса. В чем дело? Когда главный арбитр матча вскрыл конверт, Карпов удивился и обрадовался: Корчной записал не сильнейший ход. И действительно, через три хода Корчной сам предложил ничью. Термос не понадобился.

В заключение еще одна важная информация. На матче присутствует вице-президент ФИДЕ, секретарь Югославского шахматного Союза, Б. Кажич. На вопрос, когда Фишер должен окончательно ответить, будет ли он защищать звание чемпиона мира или нет, Б. Кажич сказал: «В печати называются различные даты. Но скажу точно: согласно решению конгресса ФИДЕ, чемпион мира и претендент должны не позже 1 апреля прийти к соглашению, согласны ли они играть в матче 1975 года». В середине октября на матч Карпов — Корчной приедет президент ФИДЕ М. Эйве. Он и расскажет последние новости о Роберте Фишере...

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

К 50-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР И 200-ЛЕТИЮ ДОБРОВОЛЬНОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ К РОССИИ.

ДОРОГОЙ БРАТСКОЙ ДРУЖБЫ

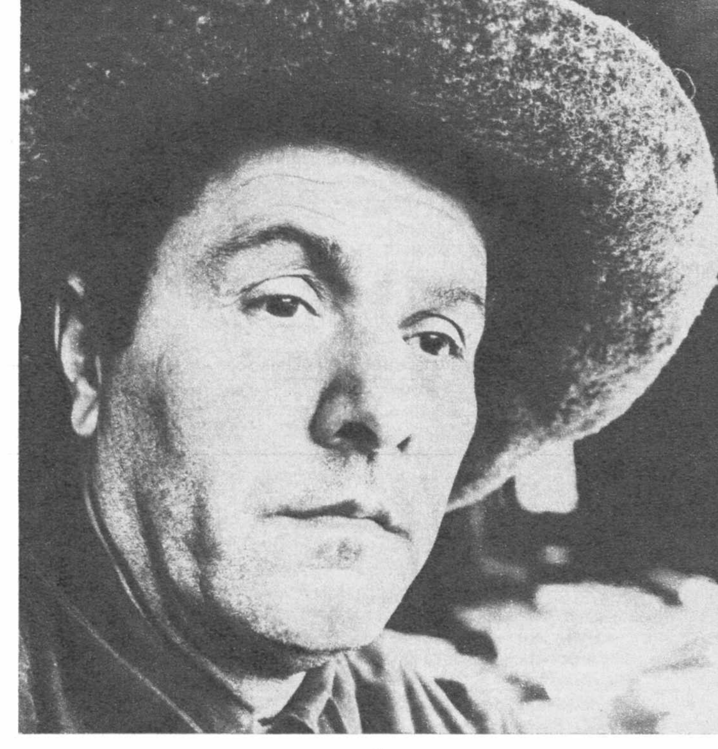

Фото Р. Дика (ТАСС), Ф. Мамонтова.

Более тридцати лет работает на заводе «Электроцинк» почетный металлург коммунист Исрапил Зейналов.

Б. Е. КАБАЛОЕВ, первый секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС

ВОПРОС. Поэт, певец Кавказа, очень точно сказал: «Путник может пространство измерить, лишь назад оглянувшись в пути...» Так вот, если оглянуться назад, как бы вы прокомментировали две цифры, которые ныне выделяются в праздничном убранстве республики, — 50 и 200?

Ответ. Да, республика наша в пути. И две эти цифры историческим водоразделом легли на нем. Два века вместе с Россией и полвека светлой дороги в семье советских народов, свободных, счастливых, равных среди равных, строящих коммунизм.

В ходе столетий, в совместных боевых походах крепла дружба осетинского и русского народов. И пришло время, когда русские и осетины уже навсегда породнились, породнились кровью в борьбе с общим врагом. Земельный голод, постоянные набеги крымского хана, агрессия Турции и Ирана побудили осетин просить помощи у могучего северного соседа. В 1774 году, двести лет назад, были завершены переговоры о добровольном присоединении Северной Осетии к России. Исторический акт этот, несомненно, имел большое прогрессивное значение для Осетии. Она приобщалась к экономике России, к передовой русской культуре. И тем не менее продолжала оставаться колониальной окраиной Российской империи.

Вы назвали две цифры — 50 и 200. Сегодня мы присоединяем к ним самую главную цифру нашей жизни, определившую судьбу народа, — годы, прошедшие с той октябрьской ночи, когда Ленин повел за собой миллионы людей, жаждавших воли, мира, земли. Эхо выстрелов «Авроры» набатным призывом разнеслось в горах Кавказа, и свободолюбивые сыны его вместе с русскими братьями под руководством партии большевиков бесстрашно сражались за установление и укрепление Советской власти. Тяжкой и кровопролитной была эта битва. Сегодня мы с благодарностью к Ленину, ленинской партии вспоминаем ее выдающихся деятелей, возглавивших эту борьбу, — Г. К. Орджоникидзе, С. М. Кирова и многих других самоотверженных революционеров. Сегодня мы с благодарностью вспоминаем, как в ту трудную пору протянули нам руку бескорыстной помощи братские народы и в первую очередь великий интернационалист — русский народ.

В 1924 году была образована автономная область — Северная Осетия, а в 1936 году она преобразована в Северо-Осетинскую АССР. Одна из отсталых и нищих окраин царской России впервые за свою многовековую историю получила государственность, стала полноправным членом многонациональной советской семьи. Говорят, что в малом видится великое. Мала территория нашей республики, немного жителей, но вся ее история за минувшие полвека — яркое свидетельство величия, справедливости, гуманности, мудрости ленинской национальной политики. Жизнь блестяще подтвердила прозорливость Ленина: «Советская Россия предоставляет автономию всем народам на ее территории и поддерживает образование ими местных республик, согласно принципу права каждого народа на самоопределение. Только этот принцип позволяет установить братские отношения, основанные на взаимопонимании и взаимном доверии, которые существуют между всеми нациями, входящими в Советскую Россию».

В короткий срок Северная Осетия стала индустриальной республикой с высокоразвитой промышленностью и сельским хозяйством. По сравнению с 1924 годом производство промышленной продукции возросло в 346 раз.

Когда-то горцы говорили, что у них земельные наделы столь малы, что их можно прикрыть буркой, а земля столь дорога, что стоимость места, на котором лежит бык, равна стоимости самого быка. Да и клочки земли нечем было обрабатывать. О тех мрачных временах сейчас напоминают лишь экспонаты краеведческого музея. По ленинскому декрету крестьяне Осетии получили сотни тысяч гектаров плодородных земель, ранее принадлежавших крупным феодалам-землевладельцам. К услугам нынешних хозяев этих земель — 5 400 тракторов, около 6 тысяч комбайнов, более 3 тысяч грузовых автомашин. С этих земель в минувшем году было собрано 320 тысяч тонн зерна — такого количества хлеба республика еще никогда не производила. На этих землях поднялись цветущие села с новыми домами, с электричеством, газом, школами, клубами...

ВОПРОС. Я листал давний путеводитель по Северной Осетии. Автор его спрашивал: чем знаменит этот край? И сам отвечал: это край величественных гор, покрытых вечными снегами и ледниками, край живописных ущелий и перевалов, альпийских лугов и строптивого Терека, знаменитых дорог — Военно-Грузинской и Военно-Осетинской, это край заманчивых туристских троп. Если вас, Билар Емазаевич, сейчас спросили бы: чем знаменита ваша республика,— что бы вы ответили?

Ответ. Я повторил бы все то, что сказано в путеводителе, и сказал бы: «Добро пожаловать, дорогие туристы, мы очень рады вам!» Но тут же и добавил бы: «Обратите внимание на тех, кто рядом с вами в купе вагона или в салоне самолета,— это люди, которых привели к нам не туристские маршруты, а маршруты пятилеток, маршруты год от года расширяющихся экономических связей Северной Осетии почти со всеми братскими союзными и автономными республиками, со всеми социалистическими и многими капиталистическими странами мира».

Линии высоковольтных электропередач, протянувшиеся над советской землей, снабжены нашими изоляторами; тракторы, мотоциклы, автомобили — нашими фарами; волжские автомобилестроители получают наши твердые сплавы; горняки Воркуты получают из нашей республики компоты, варенье, овощные консервы; иностранные фирмы охотно покупают североосетинский свинец; по электрочасам «Терек» сверяют время жители Монголии, ДРВ, Афганистана.

Но я должен тут же уточнить слова: «наши», «у нас». Северная Осетия никогда не достигла бы столь высоких темпов развития материального производства, такого уровня материального благосостояния трудящихся, если бы она пребывала в условиях национальной замкнутости. Лишь братское содружество советских народов умножает экономический потенциал страны в целом и каждой ее республики в отдельности.

«Экономика Советского Союза, — говорил Л. И. Брежнев,— это не сумма экономик отдельных республик и областей. Это уже давно единый хозяйственный организм, сложившийся на основе общих экономических целей и интересов всех наций и народностей».

В каждом нашем килограмме свинца, каравае хлеба, в каждой нашей электрофаре — труд людей, представляющих многие нации и народности СССР. Мы как-то провели своеобразный подсчет: что получила и что отправила республика в один ничем не примечательный день? В тот день Северная Осетия получила эшелон цемента из Новороссийска, сорок две цистерны бензина из Грозного, семьдесят два вагона пиломатериалов и круглого леса из Сибири и с Дальнего Востока, более сорока вагонов сортовой стали и металлоконструкций из Кривого Рога, тридцать вагонов комбайнов, запасных частей; минеральные удобрения из Ленинграда, Сумгаита, Гомеля.

В этот же день из Осетии в Кривой Рог и Запорожье ушли вагоны с цинком и свинцом. Крупнейший в Европе Бесланский маисовый комбинат отправил в Москву, Среднюю Азию, на Дальний Восток свыше десятка цистерн с кукурузным маслом, патокой, глюкозой. Вагоны с кухонной мебелью, газовыми плитами, часами отправили в Москву, Алма-Ату, Монголию. Шестнадцать вагонов автотракторного оборудования, разных приборов — в ГДР, Польшу, Болгарию, Чехословакию.

Вот какими новыми «туристскими» маршрутами славен ныне край седоглавого Казбека и белопенного Терека!

ВОПРОС. О судьбе народа иногда красноречивее цифр говорят судьбы его людей. Расскажите о некоторых примечательных судьбах сынов и дочерей республики.

Ответ. Начну с дочерей. На одном из международных симпозиумов крупный иностранный ученый никак не мог поверить, что его собеседница доктор наук С. Б. Дзугаева, автор исследований по проблемам мозга, которые опубликованы в США и Англии,— дочь горца из неизвестной ему Осетии.

Один из участков завода.

Герой Социалистического Труда Х. А. Албегов.

Или вот простая горянка из далекого горного аула Стур Дигора — Соня Кубадиевна Габеева. Ее муж погиб, защищая Родину от фашистов. На руках у вдовы осталось девять детей. Советская власть помогла ей дать всем детям образование, вывести их в люди. В этой семье выросло два преподавателя математики, два инженера, врач, специалисты сельского хозяйства, экономисты. А ведь старожилы Дигорского ущелья и сейчас поименно помнят трех первых грамотных своих земляков.

На сцене Большого театра СССР исполняет ведущие партии балерина Светлана Адырхаева. Мы в шутку говорим, что эту горянку из селения Хумалаг «похитила» Галина Уланова в дни Декады осетинской литературы и искусства в Москве. А ведь известно, как трудно было женщине Осетии переступить через многие стародедовские установления. Мы помним трагическую судьбу первой осетинской балерины Авроры Газдановой — ее признали в Москве, Париже, но не в Осетии. От нее отказались родные, и она вынуждена была покинуть отчий дом. Это было в начале века, когда у осетин бытовала поговорка: «Горянка умирает три раза: когда рождается, когда выходит замуж и когда действительно умирает». Замечу, что ныне более половины всех работающих в республике — женщины. Среди них — около двух тысяч депутатов местных Советов, шестьдесят четыре депутата Верховных Советов СССР, РСФСР и Северной Осетии.

Англичане восторженно писали о непревзойденном исполнителе роли Отелло, народном артисте СССР В. Тхапсаеве. Не многие знают, что путь крестьянского паренька из осетинского села Ардон к роли Отелло начинался в шахте. Он был шахтером на Сахалине, а потом рабочим сцены.

...Судьбы людские! Есть ведь и такие, что стали легендой. Вся страна знает правофланговых славной гвардии кукурузоводов Осетии — Харитона Албегова и Темирби Алагова. А дважды Герой Советского Союза, прославленный полководец, генерал армии Исса Плиев — он из крестьян села Батакоюрт, сожженного в 1919 году белогвардейцами. Тогда же по инициативе Ленина Совнарком оказал помощь этому осетинскому селу. А капитан крупнейшего в мире атомного ледокола «Арктика» Юрий Кучиев из горного аула Тиб, а Герой Советского Союза генерал армии Георгий Хетагуров! В рядах Советской Армии выросло тридцать четыре генерала-осетина.

ВОПРОС. Буржуазные идеологи, продолжая фальсифицировать ленинскую национальную политику нашей партии, порой прикрываются тогой «защитников малых народов». Вероятно, среди них окопались и так называемые «осетиноведы»?

Ответ. Как же, есть такие. Правда, они уже не смеют, как прежде, отрицать процветание нашей экономики, культуры, рост материального благосостояния людей. Не скажешь же, что белое — это черное. Только за последние три года в республике построено около четырехсот тысяч квадратных метров жилья, открыто еще семнадцать общеобразовательных школ на девять тысяч мест. До революции грамотность среди населения Осетии не превышала 9—10 процентов. Горцы, как о несбыточном счастье, мечтали увидеть своих детей среди учеников немногочисленных школ Осетии. Царский официоз в 1906 году утверждал, что всеобщая грамотность на Кавказе станет возможной через четыре столетия. Советской Северной Осетии для этого потребовалось лишь два десятилетия. Ныне вузы и средние учебные заведения республики ежегодно выпускают почти семь тысяч молодых специалистов. Вот один из типичных примеров: из бывшего села Христиановского вышли в советскую пору тринадцать профессоров, восемнадцать доцентов, шесть Героев Советского Союза, шесть лауреатов Ленинской и Государственной премий, три генерала.

Как же станешь при всем этом отрицать расцвет культуры Советской Осетии! Не «закроешь» же четыре вуза, двенадцать техникумов, осетинские театры, симфонический оркестр, Государственный ансамбль танца, родившиеся в Советской Осетии,— они известны не только всей Советской стране, но и во многих зарубежных государствах. И все же идеологические противники не унимаются. Из стана белогвардейских подонков, вышвырнутых в свое время с Кавказа, из стана предателей Родины, в пору войны перешедших к гитлеровцам, доносятся лицемерные причитания по поводу «опасной ассимиляции», «насильственной русификации». Дело дошло до того, что перед XXIV съездом КПСС радиоголоса из Мюнхена провокационно призывали представителей Дагестана, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии выступить на съезде... «с поправками» к национальной политике партии. Вот так, ни больше ни меньше!..

Что их не устраивает? Дружба советских народов, сцементированная кровью русских, украинских, белорусских солдат, насмерть дравшихся с фашистами в горах Кавказа, кровью осетин, сражавшихся за Родину против гитлеровцев на полях Украины, Белоруссии, Прибалтики, кровью семи братьев Газдановых, пяти братьев Калаговых... Наших идеологических противников не устраивает активизация процесса взаимообмена, взаимообогащения братских народов материальными и духовными ценностями. А мы рады этой активизации. Мы видим в ней наши сегодняшние свершения, наш завтрашний день.

Мы гордимся творческим влиянием русской культуры на деятельность прогрессивной части осетинской интеллигенции XIX — начала XX века. Мы гордимся тем, что наши земли освящены присутствием Пушкина, что наши скалы хранят тепло его рук. Какое это было большое торжество в городе Орджоникидзе, когда писатели братских республик приехали сюда, чтобы вместе с нами отметить 175-летие со дня рождения А. С. Пушкина, чтобы вместе с нами прийти на митинг в Пушкинском сквере столицы Северной Осетии! Мы гордимся тем, что на берегах Терека творили Лермонтов, Грибоедов, Горький, Серафимович.

Мы с благодарностью и глубокой признательностью вспоминаем, как Москва, Ленинград, Ростов готовили для нас национальные кадры инженеров, врачей, ученых, актеров... Я говорил о балерине Адырхаевой — ей было восемь лет, когда из осетинского села ее отвезли в Ленинград, в хореографическое училище. Я рассказывал вам о профессоре Дзугаевой — в научных лабораториях Москвы отшлифовывался ее талант.

Республика повседневно ощущает благотворное влияние языка и культуры русского народа на развитие культуры Северной Осетии. Русский язык стал для осетин вторым родным языком. Он позволил им приобщиться к сокровищам мировой науки и культуры.

Обо всем этом от имени своего народа депутат из Осетии говорил недавно с трибуны сессии Верховного Совета СССР. Нам известно, что нашим «сердобольным защитникам» это очень не понравилось. И все с тех же позиций: «насильственная русификация». На сей раз от этой мифической «русификации» решено «спасать»... Коста Хетагурова. Будто неведомо, как свято чтут память Коста не только в Северной Осетии, но и по всей стране, неведомо, что день его рождения торжественно отмечают литераторы Москвы, Ленинграда, Киева. Будто не знают они, что имя основоположника осетинской литературы носят в Орджоникидзе театр, университет, улица. К юбилею республики в нашем театре поставлена опера «Коста», а в Москве в эти дни завершается новое трехтомное академическое издание полного собрания сочинений Хетагурова.

...Стоит в парке столицы Северной Осетии строгий памятник Коста, и золотом высечены на мраморе стихи, писанные кровью сердца поэта: «Я счастия не знал, но я готов свободу, которой я привык, как счастьем, дорожить, отдать за шаг один, который бы народу я мог когда-нибудь к свободе проложить».

Дорога к свободе, о которой мечтал наш Коста, проложена партией коммунистов. Под ее руководством в одном строю со своими братьями, ленинской дорогой дружбы шагает и народ Северной Осетии.

ЭСТАФЕТА БЕЗ ФИНИША

Ю. КРИВОНОСОВ

Фото А. БОЧИНИНА.

«Трехгорка»... Первый поворот жизни моей, первая запись в трудовой книжке, первая получка... Был страшно горд, что начал сам зарабатывать, — мечтал об этом давно, потому что каждый день видел на одном здании барельеф с изображением рабочего и словами: «Вся наша надежда покоится на тех людях, которые сами себя кормят». Потом была гордость оттого, что, получая паспорт, прочитал в графе «социальное положение» — рабочий. Суровые годы военной юности нашей... Отсюда, с «Трехгорки», ушел на войну, но сюда не вернулся. Что ж, просто вторая любовь оказалась сильнее первой. Вторая, журналистика,— уже навсегда. И пусть простит меня «Трехгорка» за неверность мою, за долгую разлуку: почти четверть века не был тут, так уж получилось: почему-то всегда опаздывал, и писал о ней кто-то другой. А без дела вроде бы и неудобно идти, только людей от работы отрывать.

Но теперь вот, в год стосемидесятипятилетия «Трехгорки» — а по всей форме, так ордена Ленина и Трудового Красного Знамени комбината «Трехгорная мануфактура» имени Дзержинского,— редакция поручила мне, бывшему здешнему рабочему, рассказать читателям о сегодняшнем дне славного юбиляра. Но у меня вряд ли получится только о сегодняшнем...

Внешне здесь почти ничего не изменилось. Та же проходная, прилепившаяся к корпусу ткацкой фабрики. На красном кирпиче стены — белый мрамор мемориальной доски с именами четырнадцати рабочих, расстрелянных тут царскими палачами в декабре тысяча девятьсот пятого.

Когда-то, в первый день учебы, нас, фабзайцев набора 1942 года, привели сюда, чтобы познакомить со славным революционным прошлым комбината. Традиция эта живет и поныне: первый урок — история «Трехгорки». Есть толстая и тяжелая, роскошно изданная книга, называется она длинно: «Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых, годы 1799—1915». Автор ее, укрывшийся за инициалами П. Т., историограф этой семьи П. Терентьев из кожи вон лез, расписывая добродетельность и деловитость сего купеческого рода. И мануфактуру-то они создали, покончив с пивоварением, претившим их богобоязненным взглядам, и для рабочих-то были родней родителей. Только встает за строками книги страшная картина лютой эксплуатации рабочих, явившейся источником и материальной базой развития капитализма в России от самого его зарождения. И не случайно именно Пресня стала центром декабрьского вооруженного восстания и дольше всех держалась против регулярного царского войска.

В книге, содержащей пятьсот страниц, об этом сказано скороговоркой: «Декабрьские события, прокатившиеся грозной волной по всей Руси, всюду оставляли за собою тяжелые следы разрушения. Несомненно, гребень этой волны нигде не подымался так высоко, как на Пресне, в жизни которой фабрики Прохоровской мануфактуры с их многотысячным населением играют первенствующую роль... С самого начала декабря по 18-й его день Пресня баррикадами и кордонами была совершенно отрезана от остальной Москвы, и правительственная власть абсолютно здесь отсутствовала... Правление Мануфактуры видело, что декабрьские события на Пресне не были плодом не коренного фабричного населения, в значительной мере покинувшего Москву в дни волнений...» По словам автора, на самой «Трехгорке» были чуть ли не полная тишина и порядок, уважительное отношение к начальству, и совсем уж непонятно, почему да зачем артиллерия карателей всадила в мануфактуру пятьсот двадцать семь тяжелых снарядов.

Декабрьские бои были итогом долгой и упорной борьбы текстильщиков за свои права: им предшествовали массовые стачки и забастовки. Здесь в 1892 году был создан один из первых в Москве социал-демократических кружков. В дни первой русской революции на «Трехгорке» организуется штаб по руководству вооруженным восстанием на Пресне, формируются боевые дружины, принявшие активное участие в баррикадных боях. На прядильной фабрике и в химической лаборатории изготовлялось оружие и взрывчатые вещества. Одиннадцать дней держалась «Пресненская республика», вписавшая славную страницу в летопись борьбы рабочего класса России. После подавления восстания началась кровавая расправа над рабочими — участниками революционных боев.

В конторе «Трехгорки» заседал военно-полевой суд. Десятки рабочих предприятия были отправлены в ссылку и на каторгу, четырнадцать молодых рабочих расстреляли прямо во дворе мануфактуры.

Пятнадцать лет спустя, 25 декабря 1920 года, в письме к рабочим Красной Пресни В. И. Ленин напишет:

«До вооруженного восстания в декабре 1905 г. народ в России оказывался неспособным на массовую, вооруженную борьбу с эксплуататорами.

После декабря это был уже не тот народ. Он переродился. Он получил боевое крещенье. Он закалился в восстании. Он подготовил ряды бойцов, которые победили в 1917 г...».

Крепкая дружба связывала вождя революции с трехгорцами — пять раз приезжал сюда В. И. Ленин, выступал с речами, рассказывал о положении в стране, давал практические советы, вселял в рабочих уверенность в победе над силами контрреволюции. Трехгорцы четыре раза избирали Ленина депутатом Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов. До сих пор депутатский мандат по округу № 1 выписывается на имя В. И. Ленина — бессмертного депутата рабочих комбината «Трехгорная мануфактура».

...Да, вроде бы и не изменилась внешне моя «Трехгорка» — те же корпуса, все производства на своих местах, а вот ведь на каждом шагу при ближайшем рассмотрении видишь множество нового. Возле ткацкой фабрики большой котлован — закладывается новый корпус. Это последнее расширение — больше двигаться некуда: территория комбината мала, и дальнейшие реконструкции пойдут за счет сноса старых зданий и новой «начинки» цехов. В строящемся корпусе установят современные бесчелночные автоматические станки. Такие уже появились в одном из цехов ткацкой — сразу стало свободно и шум значительно уменьшился. Светло, просторно — красота.

Отделочная фабрика тоже несколько обстроилась, и реконструкция тут закончена — все машины новые, современные, хотя внешне и похожие на те, что я помню. И также вылетают из них ленты материи с только что отпечатанным рисунком и исчезают в щелях потолка — там, на втором этаже, товар просушат, обработают, смотают в штуки и на тележках увезут в складальное.

Потолки стали выше, вентиляция хорошая — и запаха тяжелого нет, и рубашка к телу не липнет. И на всех машинах идут цветастые рисунки — разные, но все веселые, мирные. А помнится другое: гнали в огромном количестве камуфляжный узор — для маскхалатов и накидок, ткани красили главным образом в защитный «гимнастерочный» цвет, и через отбелку в основном шла марля — комбинат работал для фронта. Механические мастерские параллельно с ремонтными деталями точили снаряды и мины — целые штабеля их высились во дворе; взамен увозимых тут же появлялись новые, словом, было в войну вроде и не текстильное предприятие, а целый оружейный завод. 440 миллионов метров ткани дала в те годы «Трехгорка». В 1944 году комбинат наградили орденом Трудового Красного Знамени: «За успешное выполнение заданий правительства по снабжению Красной Армии вещевым довольствием и выполнение специальных заданий командования Красной Армии». Мне на том торжестве присутствовать уже не довелось: несколькими месяцами ранее «Трехгорка» проводила большую группу своих комсомольцев на фронт. Вероятно, поэтому и потрясло меня сейчас обилие и веселая пестрота нынешних тканей, качество которых во многом зависит, кроме художников и граверов, от мастерства раклистов — иначе говоря, печатников.

Мы загляделись на работу одного раклиста, на его спокойные, неторопливые движения. Бывает вот так, что сразу расположишься к человеку. Подошли, разговорились. Иван Тимофеевич Марков отдал «Трехгорке» почти всю жизнь. Пятнадцатилетним парнишкой в 1936 году окончил ФЗУ при комбинате и пришел в цех. С тех пор и печатает материю.

— Сколько же вы ее наработали?

— Да я как-то никогда не подсчитывал. Если не лень, сами потрудитесь: каждый месяц двести

Так мы работаем...

пятьдесят — двести восемьдесят тысяч метров. Тридцать восемь лет за вычетом четырех военных.

— А что за специальность была у вас на войне?

— Сначала автоматчик, потом танкист. Начинал от Старой Руссы, потом Сталинград — до конца обороны, а завершал в Прибалтике. Отвоевался — и опять сюда.

— Не надоедает печатать-то?

— Так ведь не одно и то же — рисунки все время меняются, да и техника обновляется. Машины у нас сменились, их тоже надо осваивать. А недавно в Москве была выставка текстильного оборудования, так я новые печатные машины в тонкостях осмотрел и даже поработал на них. Хорошая профессия разве надоест?

Стали мы с Марковым вспоминать старых мастеров. Всех он помнит и моих учителей тоже — я ведь тут же, в отделочной, работал, в ремонтно-механическом цехе. Мастером нашим токарным был Василий Иванович Семенов, пожилой уже человек, вернее, таким казался мне, мальчишке. Лет пятьдесят тогда Семенову было. Учил он сурово — долго держал меня на каких-то заклепках. Надоели они мне хуже горькой редьки. А над слесарями бригадирствовал Шведов. Смотрел он, смотрел на мою тоску и сказал мастеру:

— Слышь, Вась, дай-ка ты ему резьбу нарезать, пускай себя токарем почувствует...

Разговор наш работе не помеха — машина отлажена, Марков краешком глаза ее все время под прицелом держит,— и мы продолжаем вспоминать общих знакомых, войну. А вокруг столпились юные пэтэушники, проходящие у Маркова практику, из того же нашего ФЗУ, только по-другому теперь именующегося, долговязые и длиннорукие мальчишки с мушкетерскими прическами. Слушают нас разинув рты, и, видать, для них война такая же далекая история, как для нас тогда революция. И вот только теперь я подумал, как это недавно все было! А ведь для мастера моего, Василия Ивановича, революция тоже была где-то рядом. Он еще на старой «Трехгорке» работал, на «Прохоровке»! При нем ведь создавалось все то, что нам уже казалось существовавшим испокон веку — комсомольские ячейки, пионерские отряды. Он читал, наверное, и первый номер комбинатской многотиражки «Без бога и хозяина», переименованной потом в «Знамя «Трехгорки». На его глазах разворачивались годы первых пятилеток, массовое стахановское движение.

А Марков появился здесь уже в год сплошного ударничества на комбинате. Много этапов прошла «Трехгорка», чтобы сегодняшние мальчишки могли стать на твердый фундамент современного производства. За то, чтобы их жизнь была светлой, отдали свои жизни около двухсот трехгорцев, павших смертью храбрых на фронтах Отечественной войны. Имена их высечены на мраморных плитах, установленных у входа в каждую из фабрик. Сделано это по инициативе комсомольцев и на средства, заработанные ими на субботниках. В литейно-механическом цехе мемориальная плита хранит имя Анатолия Живова, рабочего, сына рабочего, потомственного трехгорца. Весной 1944 года он, девятнадцатилетний юноша, повторил подвиг Александра Матросова. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Мы встречались с Толей на комсомольских собраниях и вместе, в одной группе добровольцев, уходили на фронт. Еще в Москве распределили нас всех по разным частям, и суждено мне было потом встретить только одного моего друга — соседа по станку Вальку Тагаца. Мы как-то умудрились разыскать друг друга, и полевая почта исправно приносила мне треугольнички, по которым я следил за Валькиным продвижением по рекам и каналам Европы, пока его бронекатер не пробился под самый Берлин. Вряд ли знает об этом кто на «Трехгорке» — много было ее посланцев на фронтах — 1 300 человек. Сейчас Валентин — главный инженер одного из московских заводов. А сколько воспитанников нашей комсомольской организации выросло в командиров производства! Помню нашего комсорга Капу Сурину, спросил о ней сейчас в парткоме, а она, оказывается, рядом, на фабрике имени Капранова, заместителем директора.

...А так отдыхаем.

На смену им пришло новое поколение, пришло, как обычно, через ФЗУ — прославленную кузницу кадров «Трехгорки»: восемь с половиной тысяч квалифицированных рабочих дало комбинату это училище. Теперь оно именуется ПТУ № 106, но характер его остался прежним.

Окончила его и Валентина Александровна Погибелева — первый на «Трехгорке» Герой Социалистического Труда. Несмотря на столь высокое звание, все ее зовут просто Валей, потому что она еще очень молодая, маленькая и смешливая. Даже невозможно поверить, что простояла (а точнее сказать, проходила) она за станками уже двадцать один год.

— Жили мы на Хорошевке, неподалеку от комбината, и так уж у нас во дворе повелось, что все девчата шли на «Трехгорку», это у нас было вроде как наследственное...— рассказывает Валентина Александровна.— Пошла и я с двумя подружками, когда подросла. Пятнадцать лет мне исполнилось, надо было маме помогать. Отец погиб ополченцем под Ельней еще в сорок первом, я его почти и не помню. Знаю, что до войны он работал каменщиком, дома строил. Мама пошла рабочей в трест озеленения — трое нас у нее было. Она город наш украшала, чтобы людям весело жилось в папиных домах... Сейчас уж пенсионерка. Ну, а тогда я в ФЗУ опоздала, занятия с месяц как начались. Пришлось догонять. Так вот и стала прядильщицей. Не сразу, конечно. Из училища ходила на практику в цеха. Попала к помощнику мастера Василию Демьяновичу Козлову. Учила меня еще и Мария Алексеевна Мариненкова, женщина добрая и спокойная, но и боевая: во время войны партизанкой была. Никогда не прикрикнет, не повысит голоса, разве только чтоб станки перекричать. Учила нас обходить машины, помогала их убирать — тоже дело не простое. В нашей работе хитрости никакой нет, все зависит от скорости и сноровки — как приемы освоил. Мне ведь тоже не так-то легко все далось, порой трудновато приходилось.

Валентина Александровна Погибелева с молодыми ткачихами.

— Ну, а какое у вас самое яркое воспоминание за все эти годы?

— Яркого много было, но, пожалуй, особенно запомнился пятьдесят восьмой год, когда в партию вступала. Радовалась я очень, что рекомендации мне дали мои учителя Козлов и Мариненкова, ну, а третью, как полагается, комсомол.

Праздник у меня двойной тогда вышел — получила я партбилет, а через два дня ушла в роддом и родила Игоря, старшенького своего. Теперь-то он уж десятиклассник... Много у меня здесь праздников было, светло жилось, хоть труд наш и нелегкий. Но за труд и уважение...

Валентина Погибелева — член бюро райкома партии. В этом году за досрочное выполнение пятилетнего задания получила она звание Героя, выполнила пятилетку еще двадцатого декабря прошлого года. Восьмую пятилетку тоже завершила досрочно, и тогда наградили ее орденом Трудового Красного Знамени. На комбинате личные планы девятой пятилетки выполнили уже свыше трехсот рабочих, а около семисот завершили планы четвертого года.

Спрашиваю Валентину Александровну: может быть, есть все же какой-то секрет в ее успехах?

— Ну какой же секрет? Положено нам по норме обслуживать тысячу двести восемьдесят веретен, а мы взяли на шестьсот сорок больше. И потом, смежные профессии осваиваем. Не только мы, кадровики, но и молодежь. Вот со мной в одной смене Галя Васина работает. Она как раз в тот год родилась, когда я на «Трехгорку» пришла. Стаж у нее уже четыре года. Хорошая девочка, старательная. Вот мы с ней и выходим на смены то на пятый этаж, то на третий — на прядильные машины или на прядильно-крутильные — в зависимости от потребности производства. В шутку мы это называем ходить с этажа на этаж...

Мы тоже походили по прядильной фабрике с этажа на этаж, по дороге обогащаясь огромным количеством информации, так как на лестнице вывешено множество объявлений, лозунгов, призывов. «Коллектив прядильной фабрики отработает в 1974 году два дня на сэкономленном сырье и материалах»... «Третья смена приготовительного цеха поздравляет Стефаненко М. с совершеннолетием и желает большого счастья и успехов в учебе»... Много интересного мы здесь прочитали, а еще больше увидели в цехах, где уже установлено новейшее оборудование, позволившее повысить производительность труда больше чем на треть. А там, где машины еще старые, в проходах лежат детали, узлы новых, чтобы быстро перемонтировать.

Идет коренная реконструкция фабрики, которая завершится в следующем году. И если сегодняшним рабочим приходится переучиваться на новую технику, то завтрашние прядильщицы — девочки из ПТУ — осваивают ее, как свою ровесницу, им с нее и начинать. И для этого ходят они в цеха на практику, и восемнадцать из них учит Валентина Погибелева — Герой Социалистического Труда, маленькая работящая и смешливая женщина, умеющая быть удивительно серьезной и сосредоточенной. Одна из более чем тысячного отряда коммунистов «Трехгорки», отряда, зародившегося в суровую пору свирепейшей реакции в 1907 году и насчитывавшего тогда в своих рядах лишь десять рабочих-большевиков.

...Поколение за поколением ковали славу этого старейшего предприятия страны. От тех умельцев, что принесли первую известность пресненской мануфактуре, завоевав золотые медали за свои ткани еще в прошлом веке на выставках в Париже, Антверпене, Чикаго, идет эстафета в сегодняшний день. За 175 лет «Трехгорка» выработала двенадцать миллиардов метров тканей. Этого было бы достаточно, чтобы одеть все нынешнее человечество.

Бегут, прядутся нити, сплетаются в светлую ленту, искусством художника, рабочего, инженера превращается эта лента в пеструю радугу, украшающую жизнь людей. И передается из поколения в поколение эстафета мастерства и умения, эстафета рабочей гордости, славы и чести, эстафета, финиш которой не обозначен!..

К 150-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
И. С. НИКИТИНА

Я Руси сын!..

Н. СКАТОВ,
доктор филологических наук

В 1853 году «Воронежские губернские ведомости» вопреки традиции такого рода изданий впервые опубликовали стихотворение Никитина. Это была «Русь».

...Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью.

Почти тут же его перепечатавшие столичные «Санкт-Петербургские ведомости» писали: «Не правда ли, что-то знакомое слышится в этом стихотворении, в чувстве, которым оно проникнуто, в приемах, в фактуре стиха? Неужели в г. Никитине суждено воскреснуть Кольцову?» Конечно, аналогия казалась соблазнительной. Не слишком давно умер Кольцов, а воронежская глубинка снова обнадеживала. Родившийся 21 сентября 1824 года, Никитин был моложе Кольцова всего на пятнадцать лет, и тоже происходил из семьи воронежского торговца, и тоже шел в своей жизни и в своем творчестве путем тяжким. Но суждено-то было в русской поэзии уже не Кольцову воскреснуть, а родиться Никитину.

Кажется, Мопассан говорил в свое время, что самые счастливые из писателей те, кого помещают в книгах для детского чтения. Никитина помещают — да не год и не два: более ста лет уже поколение за поколением с детства заучивают его стихи. И есть в этих стихах нечто такое, что заставляет потом помнить их всю жизнь.

В конце прошлого века Лев Толстой сказал о Никитине: «Его оценка в будущем, и с течением времени его будут ценить более и более. Никитин переживет многих, даже более крупных поэтов». Почему же «даже более крупных», но «переживет» и — можно теперь уже сказать — пережил? Потому что, как всегда в русской литературе, в самом лучшем ее самоотверженном, подвижническом начале поэзия здесь не оказывалась лишь поэзией, а соединялась с жизнью кровно. И не о том речь только, что поэзия поверялась жизнью. Нет, и жизнь поверялась поэзией и опять-таки не отвлеченная вообще жизнь, а жизнь собственная, своя судьба. «В этой личности,— заметил о Никитине один старый критик,— чувствуется своеобразный закал, какая-то оседлая, почвенная внутренняя культура и выдержка. Никитин — один из самых цельных и мужественных русских людей». А молодой Иван Бунин в 1894 году статью свою о Никитине назвал так, как будто и речь-то шла не о поэте: «Памяти сильного человека». Но это было определением и самой сути и поэзии никитинской.

Биограф поэта М. Ф. Де-Пуле писал, вспоминая о первой встрече с Никитиным: «Я, как и многие другие, был изумлен тем, что не нашел в нем того, что ожидал. Хотелось, надо правду сказать, найти в нем нечто вроде мужичка или молодого парня в длинном сюртуке или подстриженного в кружок, а оказалось совсем не то». Очень консервативному Де-Пуле и «многим другим» представителям дворянского Воронежа хотелось видеть привычный облик «человека из народа». Однако уже учившийся в приходском и в уездном духовном училище, а затем и в духовной семинарии, уже знавший латынь и читавший по-французски, Никитин действительно был «совсем не то». Можно сказать еще и об энергичном самообразовании и о социальном самовоспитании в духе идей Белинского. И все это вопреки суровым жизненным университетам, которые довелось пройти Никитину.

Торговые дела его отца, человека деспотичного, а впоследствии жестоко пившего (правда, заметим в скобках — усердного чтеца «священных» книг, имевшего библиотеку, хорошо знавшего старинных писателей до Пушкина), пришли в упадок, и, как когда-то Кольцов, молодой Никитин взваливает на себя весь тяжкий воз жизни, торгово-деловой и мещански-семейной, став содержателем постоялого двора — «дворником». «Продавая извозчикам овес и сено, я обдумывал прочитанные мною и поразившие меня строки, обдумывал их в грязной избе, нередко под крик и песни разгулявшихся мужиков. Сердце мое обливалось кровью от грязных сцен, но с помощью доброй воли я не развратил своей души».

Воля действительно нужна была громадная, чтобы при всем этом и вопреки всему этому писать стихи, заслужить признание критиков, завоевать любовь читателей. Свидетельством замечательной цельности его натуры было стремление служить «высокому», оставаясь вместе с тем на почве практической жизни. В 1859 году, получив наконец возможность оставить «дворничество», Никитин вкладывает все свои небольшие, выработанные долгими годами деньги в книжный магазин и библиотеку при нем — в дело, о котором так мечтал и до которого не дожил другой воронежский торговец — Алексей Кольцов. Однако богатырский организм Никитина, надорванный трудом и лишениями, уже не выдерживал. Весной 1861 года поэт слег, а 16 октября того же года умер. Похоронен он был в Воронеже, рядом с Кольцовым.

Становление Никитина-человека находило прямое выражение в становлении Никитина-поэта. Поэтическая зрелость пришла к Никитину во второй половине 50-х годов. Нужны были могучие, подлинно богатырские усилия, чтобы на новой основе объединить высокое и низкое, поэзию и прозу, красоту и жизнь. Такой питающей почвой для Никитина стала жизнь народа и народная поэзия: «Надо научиться нашим литераторам говорить с народом. Для этого нужен огромный талант и родство с народным духом». Однако это «родство с народным духом» было у Никитина иным, чем, скажем, у Кольцова. Никитин вплотную подходил к поэтическим открытиям народной жизни, которые были сделаны Некрасовым, а кое в чем эти открытия и предугадывал. Такова, например, знаменитая никитинская «Песня бобыля». Герой песни уже не просто традиционный образ бесталанной головы: человек в ней социально и индивидуально опознан и осознан, противоречив и сложен.

Ни кола, ни двора,
Зипун — весь пожиток...
Эх, живи — не тужи,
Умрешь — не убыток!

Богачу-дураку
И с казной не спится;
Бобыль гол как сокол,
Поет-веселится.

Еще у Кольцова герой в основном выражает судьбу как данность, не могущую быть осужденной. У Никитина предстает социальная судьба, которая может и должна быть осуждена. Таков и известный «Пахарь». Может быть, точнее других определил это, скоро ставшее хрестоматийным стихотворение близкий одно время к Никитину консервативно настроенный А. П. Нордштейн, с тревогой наблюдавший за изменениями, совершавшимися в поэзии Никитина. «Я опять о «Пахаре»,— пишет он поэту.— В нем не предмет коммунистский, а мысль коммунистская... Отчего же и цензура не пропустила? Вы думаете, что никто не писал о горькой доле бедного земледельца? Писали очень много и многие поэты, и цензура пропускала потому, что эти поэты требовали только сочувствия бедняку». Решительную оппози-

ционность стихов сам Никитин отчетливо осознавал: «Жаль, если цензура не пропустит «Пахаря». Я, как умел, смягчил истину; не так бы нужно писать, но лучше написать что-нибудь, нежели ничего, о нашем бедном пахаре».

Новизна никитинского «Пахаря» особенно явственна при сравнении с «Песней пахаря» Кольцова. В никитинской песне совсем не только безотчетливое горе-тоска. Его песня включает и взгляд на мужицкую долю со стороны, аналитическую «коммунистскую» мысль. И в другом его стихотворении, «Соха», причитания мужика, мужицкий стон, мужицкое слово все время переходят у Никитина в причитание о мужике, в слово о нем:

Ты, соха ли, наша матушка,
Горькой бедности помощница,
Неизменная кормилица,
Вековечная работница!

Никитин известен как один из самых примечательных певцов природы. Однако в молодости поэт охотно уходил в природу как условно красивую и противостоявшую тщете и безобразию жизни. Природа в известном смысле становилась бегством от действительности.

Не то — «Утро», с детства заученное всеми нами. Здесь подлинно эпичная картина пробуждения мира, целого утра на всем белом свете, победно нарастающего шествия от тишины и безмолвия к звукам, к хору, к жизни, к солнцу:

Вот и солнце встает, из-за пашен блестит,
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки ракит
Золотыми потоками хлынуло.

Едет пахарь с сохой, едет — песню поет;
По плечу молодцу все тяжелое...

Низкая, казалось бы («пахарь с сохой»), натура вошла у Никитина в стихи о природе равноправно и естественно, как носительница жизни и красоты. И, наконец, становясь лирическим финалом, звучит своя задушевная нота, постоянная скорбная нота никитинской поэзии, но просветленная, находящая разрешение:

Не боли ты, душа! отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

Жизнь человеческая и жизнь природы сливаются здесь в единое гармоническое целое. Это тема, которая повторится в некрасовском «Зеленом шуме»: не бегство в природу от жизни, а разрешение в ней, с нею и по ее законам противоречий человеческого существования, мучений и борений утомленного духа. Здесь есть выход к первоосновам бытия, отличающий большую и именно русскую поэзию. «Он,— писал об Иване Никитине Бунин,— в числе тех великих, кем создан весь своеобразный склад русской литературы, ее свежесть, ее великая в простоте художественность, ее сильный простой язык, ее реализм в самом лучшем смысле этого слова. Все гениальные ее представители — люди, крепко связанные с своей почвой, с своею землею, получающие от нее свою мощь и крепость. Так был связан с нею и Никитин, и от нее был силен в жизни и в творчестве».

Вот почему с полным правом он мог сказать гордо:

— Я Руси сын!

Дом в Воронеже, где жил и умер И. С. Никитин.

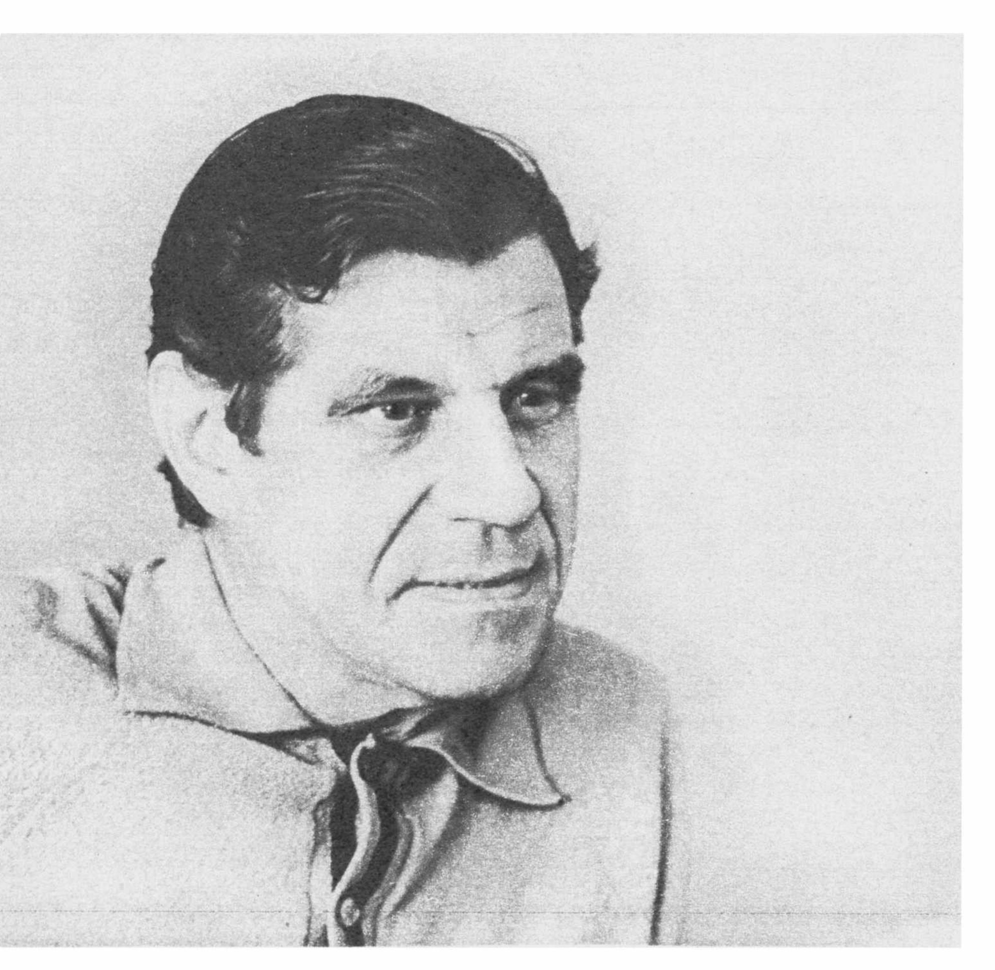
Иллюстрации художника А. АПСИТА (Петрова) (1880—1944) к произведениям И. С. Никитина.

Деревенская свадьба

Купец на пчельнике

Ветеран печатного дела — директор типографии М. С. Ванюков.

Учителя и ученики: Е. В. Савчук, Е. П. Швецкий и М. П. Архипов.

К. ЧЕРЕВКОВ

Имени Ивана

Мне повезло: в Доме книги на Невском я купил последний экземпляр монографии «Илья Глазунов». Это было великолепно оформленное издание: красочная обложка придавала книге вид строгий и нарядный, цветные репродукции были великолепны — настоящие шедевры полиграфического искусства. Выходные данные, помещенные на последней странице, сообщали, что полиграфические работы производились в типографии № 3 имени Ивана Федорова под наблюдением заслуженного работника культуры РСФСР М. С. Ванюкова. Далее перечислялись операторы, фотографы, цветные и тоновые травильщики, наборщики, печатники, переплетчики — люди, которые работали над монографией. Их имена стоят рядом с именами художников и редакторов издательства.

Адрес, указанный в альбоме, мне знаком: Звенигородская улица, 11.

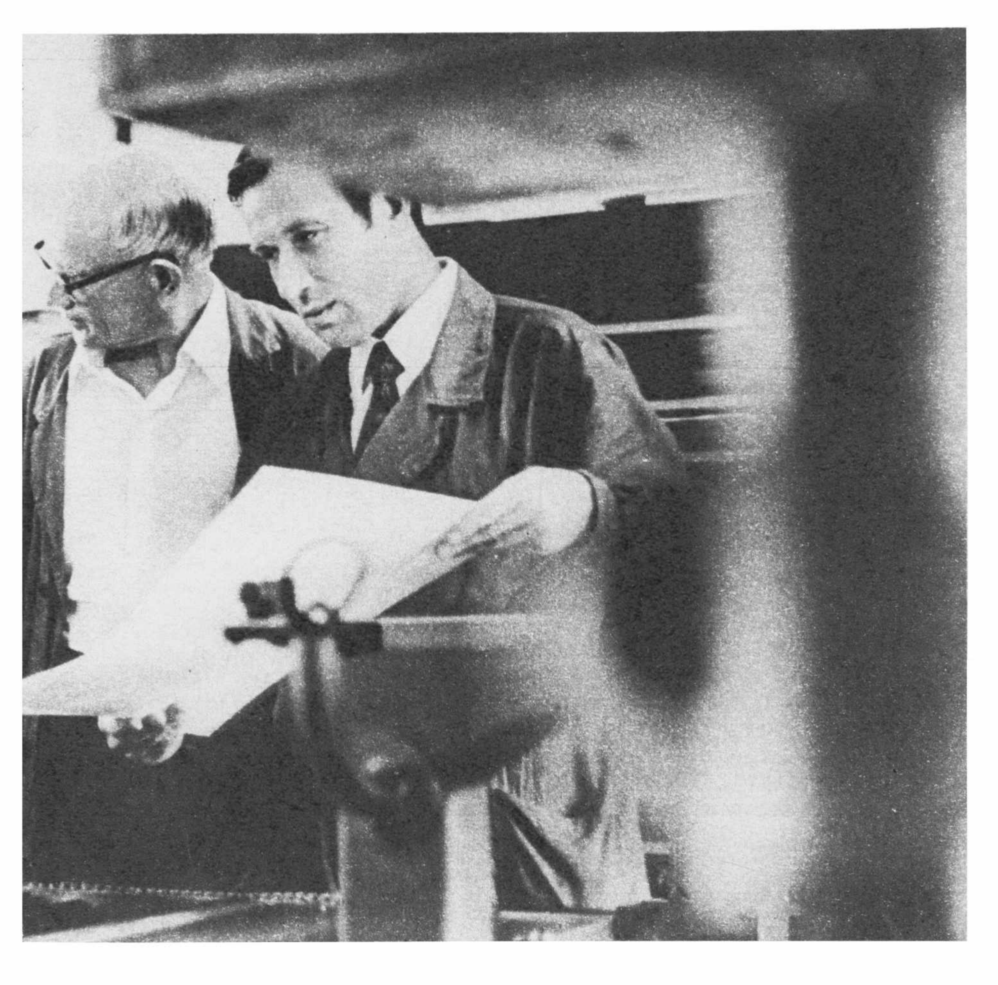
Давненько не был здесь, перемен много — аккуратный фасад, реконструированные производственные корпуса.

Михаила Семеновича Ванюкова знаю уже не один десяток лет — был он корреспондентом «Ленинградской правды», работником отдела печати горкома партии, мастером и начальником крупного цеха на «Печатном дворе». И вот уже несколько лет — директор типографии имени Ивана Федорова.

Ванюков по какому-то срочному делу уехал в Смольный, и я беседую с Алексеем Карловичем Шварцкопфом — главным инженером, человеком такой же неуемной энергии, как и директор. В его кабинете на длинном и широком столе — книги, красочные альбомы, репродукции с картин из экспозиций Эрмитажа, Русского музея, шедевры мировой живописи, хранящиеся в разных музеях нашей страны.

Мастерство умельцев-федоровцев характерно своим многообразием. Ни одна книга, ни один альбом не похожи на предыдущие. Совершенствуя технологию производства, работники типографии выпускают книги необычных, самых сложных форматов, подсказанных фантазией художников и редакторов. В этом убеждаешься, взяв в руки монографии: «Дейнека», «Юон», «Пименов», «Машков», вышедшие в большой серии «Мастера советской живописи». Невозможно не залюбоваться красками древнерусской иконописи в альбоме известного искусствоведа М. В. Алпатова. Выражая благодарность директору и тем мастерам, которые выполняли этот заказ, М. В. Алпатов писал: «...Мною выпущено много книг по древнерусской живописи, но по художественному качеству цветных воспроизведений, точности колорита древнерусских шедевров — это самое лучшее. Мне очень радостно, что в нашей отечественной типографии удалось добиться воспроизведения более высокого качества, чем в лучших зарубежных. Поздравляю вас с успехом!»

Десятки изданий увенчаны дипломами различных выставок за великолепное полиграфическое исполнение. Сложным экзаменом для типографии оказался альбом индийских и персидских миниатюр. Сделан он филигранно и с таким блеском, что Эрмитаж с удовольствием разослал его в крупнейшие музеи мира. Вскоре посыпались отзывы. «Все мы под большим впечатлением высокого уровня воспроизводства миниатюр. Репродукции прекрасны и достойны самой высокой похвалы»,— пишут ученые восточного

В цехе глубокой печати.

Здесь одевают книги;
главный художник типографии Ю. Ф. Комаров, хозяйка переплетного цеха З. А. Соколова и контролер Т. И. Яковлева.

Фото Н. АНАНЬЕВА

ФЕДОРОВА

отдела Британского музея. Столь же высоко оценивают работу типографии французы, немцы, датчане, американцы, венгры, румыны. Многие из них здесь побывали и остались самого высокого мнения об этом предприятии: всюду хирургическая чистота, мягкий, равномерный свет, кондиционированный воздух, температура и влажность поддерживаются автоматически.

Но при всей технической оснащенности решающее слово всегда за людьми. Беседуя с ними, убеждаешься, с какой любовью создают они эти чудесные книги. К профессии полиграфиста каждый из них приобщался по-своему, но, избрав ее, уже никогда не оставлял.

— Если бы не война, быть мне корабелом,— рассказывает травильщик Михаил Петрович Архипов.— С третьего курса судостроительного техникума ушел на фронт, а закончил войну под Берлином. После демобилизации потянуло меня к спокойному, как тогда казалось, делу — полиграфии.

— Ну и как? Не жалеете?

— Что вы! Интереснейшая профессия! Всю жизнь прикасаешься к творчеству великих мастеров. У меня, как и у других наших товарищей, постоянные пропуска в Эрмитаж и Русский музей. Изучаем не только экспозиции, но и запасники. Это очень помогает приблизить копии к оригиналу. Мне повезло и с учителем — им был Евгений Петрович Швецкий, он в цехе с 1931-го, человек открытой души, секретов своих не таил, учил терпеливо, как родного сына.

О себе Архипов помалкивает, а ведь ему доверяют самые сложные поручения, и свою личную пятилетку он уже завершил. Об этом я узнал из «молнии», которая висела у входа в цех. Не сказал Архипов и о том, что у него, как и у Швецкого, тоже есть ученики. С одним, или, вернее, с одной из них, Еленой Владимировной Савчук, я познакомился у мольберта, когда она накладывала краски на цинковую пластинку. Специальность ее — цветной травильщик, и в работе Елены Владимировны просматривается архиповский почерк.

В печатном цехе я встретил технолога Юрия Васильевича Саксина. Когда-то он начинал учеником печатника, теперь в совершенстве владеет сложнейшей технологией цветной художественной печати, имеющей свою специфику — в каждом отдельном случае технический процесс строго индивидуален, неповторим. Без истинно творческого отношения к репродукции картин, гравюр, рисунков успеха не достигнешь.

Саксин обратил мое внимание на чету Веселовых. Владимир Иванович и Ольга Николаевна обладают огромным опытом — пришли в типографию после окончания ремесленного училища в 1946 году. Рабочие места у них рядом, легко советоваться, помогать друг другу. И всегда Веселовы в одной смене. Трудится в типографии и их сын.

Федоровцы имеют в Эрмитаже свою, оснащенную современной техникой лабораторию, в которой производится фотосъемка картин. Научные сотрудники музея читают лекции в типографской художественной студии, где рабочие расширяют свои познания, развивают эстетический вкус. В цехах часто можно встретить мастеров советской живописи — шедевры полиграфии создаются в творческом контакте с художниками. Эта добрая традиция зародилась давно. В типографии неоднократно бывали И. Репин, Н. Рерих, А. Бенуа, И. Билибин... И, думается, совсем не случайно книги и альбомы здесь издаются с таким совершенством, что становятся подлинными произведениями полиграфического искусства. Потому-то и испытываешь ощущение праздника, беря в руки художественное многокрасочное издание умельцев типографии имени Ивана Федорова.

В. Родд — среди офицеров Советской Армии. 1944 год.

Театр «Огонек»

Борис ФИЛИППОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

В январе 1943 года у журнала «Огонек» появился театральный тезка: под таким же, излучающим свет и тепло названием возник в Москве фронтовой театр миниатюр и начал свою работу — вначале это был репетиционный период, в газоубежище дома № 12 по улице Горького... А уже в марте вступил коллектив в беспокойную походную жизнь.

Преимуществом «Огонька» являлась его мобильность. Труппа состояла всего из семи актеров, одного баяниста и «директрисы» Г. П. Клочковской, энергичной молодой женщины, обладавшей незаурядными административными способностями.

Женский состав «Огонька» был представлен артистками Г. П. Гонтарь и З. И. Броварской. Впоследствии Броварская была удостоена почетного звания народной артистки Белорусской ССР. Что же касается Галины Павловны Гонтарь, то ее послевоенная жизнь связана с Московским гастрольным театром комедии, который давал выездные спектакли в рабочих клубах и домах культуры. Галина Павловна не была артисткой «второго сорта»: все, кто работал с нею, отмечали ее сценический талант, но главным в ней было нежелание отказаться от поездок в «глубинку» — туда, где профессиональный театр принимают как подлинное чудо искусства. Она работала до последнего вздоха и умерла во время спектакля, не доиграв свою роль до конца...

В составе труппы прочно обосновались еще два актера: В. Н. Балашов, который впоследствии приобрел широкую известность, став диктором Всесоюзного радиовещания, а также Ф. А. Липскеров — он стал популярным конферансье столичной эстрады, автором и режиссером многих эстрадных номеров... Над первой программой «Огонька» работал режиссер МХАТа И. М. Раевский. В дальнейшем же художественным руководителем фронтового театра стал Б. Г. Голубовский, ныне главный режиссер Московского театра имени Н. В. Гоголя.

За время своих поездок на фронт театр выступил в воинских частях 475 раз. В программу каждого спектакля входило 2—3 водевиля, несколько интермедий, художественное чтение, вокальные и хореографические номера. Заканчивались спектакли традиционной «прощальной песенкой» в исполнении всех актеров.

В репертуаре «Огонька» использовались не только скетчи, интермедии и монологи советских драматургов, но и классика. Одним из главных авторов «Огонька» был Чехов; его «Ночь перед судом» прошла в театре 231 раз, «Жених и папенька» — 137 раз.

Вспоминая пройденный им путь актера-фронтовика, В. Н. Балашов говорит:

— Мы очень любили свой маленький театр и относились к нему именно как к театру, несмотря на то, что наши выступления часто выглядели лишь как концерты. Мы были одержимы идеей именно Фронтового театра. Никто из нас и не представлял себе жизни в каком-то другом театре, ибо в то время нами владела потребность творить, работать только для фронтового зрителя! Мы во многом отличались от театральных бригад, выезжающих в армию на короткое время: наша работа носила постоянный характер.

Еще более категорично утверждает театральную природу «Огонька» Ф. А. Липскеров.

— Конечно,— говорит он,— «Огонек» был театром! Хоть и маленьким, но настоящим театром... Он включал все необходимые компоненты, свойственные всякому театру: во-первых, постоянную труппу, во-вторых, свой «оркестр» — эту роль выполнял баянист Сергей Козеев,— и, наконец, мы имели собственного «персонального» директора, а также режиссуру, ставившую спектакли.

Пребывание актеров в «миниатюрном театре» с его вроде бы ограниченными возможностями, а в то же время необходимостью играть в любых условиях требовало от каждого из участников подлинного универсализма. Известная поговорка «Швец, и жнец, и на дуде игрец» могла быть отнесена здесь к каждому актеру. Так, например, Г. П. Гонтарь выступала не только как драматическая артистка, но еще была исполнительницей песен советских композиторов под аккомпанемент гитары; участвовала она и в хореографических номерах. Липскеров конферировал и играл скетчи, пел куплеты, показывал фокусы и даже вместе с Балашовым «угадывал» мысли на расстоянии, выступая в жанре так называемой «мнемотехники».

И, конечно, все без исключения артисты были рабочими сцены: оборудовали площадку для выступления, перетаскивали оформление, реквизит и костюмы, помогали друг другу гримироваться.

Для всех участников «Огонька» были сшиты своеобразные походные униформы,— они должны были придавать артистам театра «военизированный» вид. В этих мундирах каждый выглядел по крайней мере как офицер некоей неизвестной армии. И при первой же поездке на Юго-Западный фронт, когда актеры в сопровождении бравого старшины гордо шагали в своем новом облачении, местное население приняло их за вражеский десант, попавший в плен!

— Нам грозили кулаками и всячески выражали свое презрение,— рассказывал Ф. А. Липскеров.— А один старичок радостно перекрестился: «Поймали курощупов!»

В Политуправлении фронта актерам также посоветовали появляться на сцене или эстраде в «нормальных» костюмах.

— А как обстоит дело с репертуаром? — спросили у артистов.

Узнав, что в программе преобладают номера, «зовущие в бой», политработники посоветовали театру «перевооружиться».

— Воевать мы уже научились! Дайте что-нибудь пободрее, повеселее!.. Напомните нам о мирной жизни, во имя которой мы воюем.

С конца 1943 года и до осени 1944 года в составе театра находились две колоритные фигуры, придававшие театру интернациональный характер.

Негритянский актер Вейланд Родд приехал из США в Советский Союз в начале тридцатых годов. Он знал, что только в нашей стране почувствует себя свободным человеком.

Вейланд Родд должен был сниматься в фильме, задуманном великим советским кинорежиссером Сергеем Эйзенштейном; некоторое время работал в театре имени В. Мейерхольда, а в дальнейшем — в театре Ленинского комсомола и театре имени К. С. Станиславского. Русский язык он так хорошо изучил, что смог окончить в Москве режиссерский факультет ГИТИСа. В начале войны Родд женился на молодой актрисе американке Жилени Лолите Марксипти, ученице знаменитого Н. П. Смирнова-Сокольского; на эстраде ей всегда сопутствовал успех, особенно когда она исполняла песенки на русском языке.

Участие двух иностранных артистов в составе фронтового театра «Огонек» придавало его выступлениям особое значение, очень радовало людей во фронтовой обстановке. Некоторые даже не сразу верили в «подлинность» негритянского артиста: не скрывается ли, мол, в его облике наш загримированный соотечественник! Были случаи, когда красноармейцы предлагали актерам побывать в бане, чтобы убедиться в «несмываемой» окраске кожи Вейланда Родда.

Тимофей Степанович Хлыстов, старший по возрасту актер, перенесший тяготы всех поездок «Огонька» на суше и на море, так вспоминал отдельные эпизоды фронтовых гастролей:

«После концерта в одном из полков мы попали на заминированную дорогу. Лишь случайность спасла нас от беды. А на Украинском фронте нас послали в одну из частей без сопровождающего офицера, сказав, что возницы знают дорогу. Но это было не так. Проехали километров десять и заплутали. Дальше, не зная пути, ехать опасно. Решили переночевать на соломе, а утром решить, как быть дальше. Через некоторое время узнали, что немцы деревню лишь недавно оставили. Нам здорово повезло, что мы с ними не повстречались!..

Как-то мы отправились на очередной концерт на итальянской трофейной машине. Шел дождь. По мокрой, скользкой траве наша трофейная начала выделывать всевозможные трюки; шофер едва успел остановиться у обрыва...

С чем только не приходилось встречаться! Нас бомбили, обстреливали орудийным и минометным огнем, но погибнуть по глупой случайности от автомобильной аварии было бы обидно! А сколько было таких аварий, в особенности в ночное время, когда машины передвигались, не включая фары!»

Незабываемые впечатления у актеров «Огонька» оставили поездки на Северный флот.

На юге театр присутствовал при торжественном возвращении Черноморского флота в свою родную базу — Севастополь.

В праздник Победы под кровлей Центрального Дома работников искусств обязательно встречаются участники фронтовых артистических бригад. В гости к ним приходят их армейские друзья. И все они добрым словом вспоминают актеров, приезжавших в Действующую армию, в том числе «Огонек», честно выполнявший свой гражданский долг в самые трудные годы жизни нашей Родины.

Отрывок из книги Б. М. Филиппова «Музы на фронте», подготавливаемой издательством «Советская Россия».

Ашот ГАРНАКЕРЬЯН

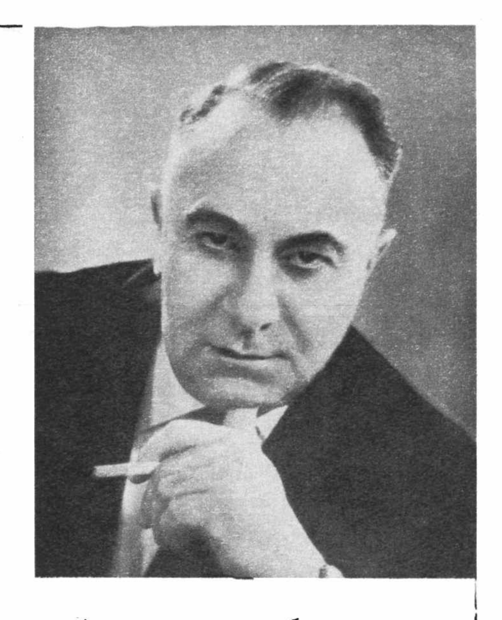
ПОЭМА

И я улетел бы в космос,
В другие б миры скорей!
Но травы в июльских росах
Милее млечных путей.
Как звезды, цветы в долине,
Горят светляки крылато...
О мир этот синий-синий,
Влекущий всю жизнь куда-то!
И я хочу на Венеру,
К Сатурну,
К далеким звездам.
Но слишком Земле я верен,
И весь для Земли я создан.
Я тоже немного Фауст,
Не гётевский, а другой,
Я тайны узнать стараюсь
Земли, мне столь дорогой,
Не до конца понятной,
Не узнанной до конца,
Космически неохватной,
Тревожащей нам сердца.
Время нещадно старит
И дней обрывает нить.
А кто мне секрет подарит,
Чтоб молодость возвратить?
Ищу его дни и ночи
Лишь на Земле моей милой,
В листве, что в тиши лопочет,
В разливах зари малиновой
И в щебете птиц, что летом
На все голоса трезвонят.
Секрет этот близко где-то,
Найти б и рукою тронуть,
Чтоб чувствовать
Сил избыток,
Возврат невозвратных лет.
Не колдовской напиток —
Мне нужен Земли секрет.

* * *

Житейский огромен хаос!
Земное не исчерпав,
Искал неземное Фауст,
Фантазии волю дав.
О сумрачный Мефистофель...
Я холоден к сатане!
Но Маргариты профиль
Еще досмотреть бы мне.
Мне б тысячу лет глядеться
В разрез твоих светлых глаз,
Понять, где лукавит сердце
И правда где без прикрас.
Есть мудрецы такие,
Что знают все о любви.
А я в глаза голубые
С грустью смотрю твои.
Мне не понять вовеки,
Что скрыто в них от меня.
О эти нежные веки,
В ресницах искры огня!
Любимых губ очертанья,
С березкою схожий стан.
Я вечный пленник незнанья,
И взгляд мой застит туман.
Глаза твои смотрят чисто,
Глазам твоим верить можно.

ЖАЖДА

Но сердце
В потемках мглистых
Запрятано так надежно.
А как же в него проникнуть,
В чужое проникнуть сердце?
Мне хочется громко крикнуть:
Найдите такое средство!
Бросают красивых, стройных
Не ради богинь небесных.
Влюбляются в недостойных,
В бесчестных, неинтересных.
Покинув мужей умнейших,
Уходят к глупцам ничтожным...
О логика странных женщин,
Понять разве их возможно?!

* * *

Я ничего не знаю
О тайнах самых простых:
Трава зеленеет к маю
На пастбищах луговых,
Вода в реке голубеет,
Внезапен молний зигзаг...
Что человек умеет?
Так много и мало так.
Пределы земного! Эту
Любовь я
С другой сравню ли?
Меня и мою планету
Мчит время быстрее пули.
Пределы земного! Сколько
Загадок во мгле сокрыто!
И жить я хотел бы долго
Не ради услады сытой.
Рвануться б сквозь мрак
Незнанья
К тому, что свежо
И ново.
Безвестному дать названье,
Бесспорное взвесить снова.
Мне ничего не ясно,
Все в тайну
Всю жизнь рядится.
Ну почему же красным
Тюльпан по весне родится?
И красится в цвет зеленый
Пригорок
И каждый склон?
Пусть тысячу раз ученый
Откроет любой закон,
Причину любых явлений
Сумеет он разгадать,
С ребяческим удивленьем
Смотрю я на мир опять.
Я знаю, что Тимирязев
Дал точный ответ на это.
Но вот над цветочной вазой
Склонился и жду ответа;
Кто чайную розу выдумал,
Ее аромат густой?
Природа, тебе завидую,
Любуюсь всю жизнь тобой.
Ученому ясно многое,
А для поэта, увы,
Останется тайной строгою
Рождение синевы.

И сказочное оперение
Фазана в лесной глуши
Лишь вызовет удивление
В глубинах моей души.
Все ясно с луной как будто —
На снимках обычный вид,
Склонившись над лунным грунтом,
Ученый мудрец сидит,
А для меня сиянье
Луны — это дивный миг,
И первая ночь свиданья,
И твой озаренный лик.
Откуда берут восходы
Сияние золотое?
Редчайшие переходы
Из синего в голубое,
И густоту, и сочность,
И мягкость полутонов,
Пусть все объяснят мне точно,
Но это превыше слов.
Я вечно в плену загадок,
Со мною незнанья грусть.
Как привести в порядок
Вихри смятенных чувств?
Во всем со дня сотворенья
Живут новизна и новость.
Откуда же у сирени
Берется ее лиловость?
И удивительно нежный
Разрез ее лепестков?
В ромашке откуда снежность?
А может быть, от снегов?
Как копится яд змеиный?
Как вяжется мед пчелиный?
Но при таком незнаньи
Как приобщился ты
К высокому пониманью
Гармонии и красоты?
А красота откуда
Берет свою красоту?
Нигде не ищу я чуда,
Реальность во всем я чту.
И сам я тоже причастен
К рождению красоты,
К сверканью земного счастья,
К полетам людской мечты.

Хожу по земле ли, плаваю,
Кочую по небесам,
Но душу свою я дьяволу
Не продал и не продам.
И, может, сгорю, исчезну
В поисках красоты
И унесу я в бездну
Родимой земли черты.
Ведь по дороге к счастью
Не первый я сгину, нет,
Как мотылек, летящий
На ярко блеснувший свет.
Умом я сумел значенье
Нелегких истин постичь.
Движение, превращение,
Круговорот частиц
И таинство расщепления,
Где новшествам нет границ.
Пределы земного! Вот где
Ищу я свое призванье.
И руку тяну к природе:
Развей же мое незнанье!

Какой-то ничтожный вирус,
Не найденный микроскопом,
Грозится бедою миру,
Бредет по невидимым тропам.
Невидимый, затаенный,
Смертельные вьет он нити...
И кто-то молит ученых:
Спасите ее, спасите!
Лекарства стоят уныло
На тумбочке у кровати,
На спинке резного стула
Лежит неподвижно платье.
Звенят за окном трамваи,
Летит реактивный гром.
А ей все равно:
Трава ли
Цветет,
Мороз за окном.
Метро под землей грохочет,
Звезда над землей горит.
Но жизнь ее все короче.
Все медленней сердца ритм.
От этой слепой болезни
Спасение где искать?
Все жалобы бесполезны.
И некого обвинять.
И все же я обвиняю,
Есть в этом вина моя.
Ведь ничего не знаю
Об этой болезни я.
Когда-нибудь будут люди,
Чья мысль в глубину стремится,
Как от простой простуды,
От лютой беды лечиться.
Пока же мы горько плачем,
Друзей и родных теряем,
Мы здесь ничего не значим,
Еще ничего не знаем.

* * *

Я математик, физик,
Строитель, скульптор, поэт.
Мне видится коммунизма
Вдали сигналящий свет.
Я реки соединяю,
Дворцы могу воздвигать.
Но как же я мало знаю,
О чем бы хотелось знать!
Я стронций открыл
И атом
Заставил людям служить!
Но степь, что побита градом,
Как к жизни мне возвратить?
Как сладить мне
С черной бурей,
Стихию взнуздать мне как,
Которая свет лазури
В слепой превращает мрак?
Да, сердце мое в разведке,
Не рвется оно к покою,
Ведь даже строенье клетки —
Загадка для нас с тобою.
В ней тайна рожденья жизни
И тайна безжалостной смерти.

А кто этот день приблизит,
День праздника на планете?
Возможное, невозможное
Отбито резкой чертой.
И тайна самая сложная,—
Что я человек живой.
Земля наша — космос тоже,
Изученный еще мало.
Она мне всего дороже,
Она моей болью стала.
Я Фауст!
Я доктор Фауст,
Мне больше б успеть
С годами.
Я землю свою стараюсь
С другими связать мирами.
Я землю познать стараюсь
И мчусь в глубину галактик.
Я — Фауст,
Я — доктор Фауст,
Я — фантазер, я — практик.
А может, я — антифауст?
И антимиры зачем мне?
Я Землю узнать стараюсь,
Мне так повелело время.
Как вечность, бездонна
Звездность,
Откуда не слышно звона,
Но мы улетаем в космос
Во имя всего земного.
Земля — мой источник счастья,
Мой лекарь,
Мое спасенье.
Молюсь листве шелестящей
В тени тополей осенних.

* * *

Земля моя!
Край, где реки
Текут серебра светлее,
Где ранней весны побеги
Все гуще, все веселее.
Кто первым промолвил слово —
Придумал кто первым чудо?
Откуда талант Толстого?
И пушкинский дар откуда?
Земли красотой плененный,
Я нежно в нее влюблен.
Пусть тысячу раз ученый
Откроет любой закон,
Причину любых явлений
Сумеет он разгадать.
С ребяческим удивлением
Смотрю я на мир опять.
Земля моя!
Всех открытий
Не счесть, торопящих время...
И жду я все новых наитий,
Прозрений и озарений.
Я — Фауст,
Я — антифауст.
Весь — поиск,
Кровинкой каждой
Я Землю познать стараюсь
Почти с неземною жаждой!

ДЖОКОНДА В МОСКВЕ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

«Живопись в состоянии сообщить свои конечные результаты всем поколениям вселенной».

Леонардо да Винчи.

Джоконда. Самая знаменитая. Самая загадочная картина мира. Самая, самая, самая. Писать о ней страшно, ибо поэты, прозаики и искусствоведы сочинили о ней не одну сотню книг. Не счесть изданий, где самым тщательным образом изучается каждая пядь этой картины, история ее создания. Есть исследования, где подвергается сомнению само название картины, дата ее написания, даже место, город, где великий Леонардо встретил свою модель... И, однако, Джоконда есть Джоконда! Вот уже без малого пять веков как миллионы людей любуются этим шедевром мирового искусства. Что же касается сочинений о Моне Лизе, то о них очень метко сказал в конце прошлого века Габриэль Сейаль: «Теперь поэты не шлют ей больше своих произведений. Я не решаюсь больше говорить о ней, опасаясь, что это будет банальностью». Заметим, правда, что Сейаль все же написал очередную книгу о Леонардо, где немало места уделено Джоконде.

Москва встретила Джоконду восторженно. Москвичи и гости столицы полтора месяца осаждали Музей изобразительных искусств, и очередь любителей живописи не иссякала ни на минуту. Каждый день от зари до позднего вечера тысячи, тысячи посетителей Моны Лизы ждали встречи с ней.

Встреча. Пятнадцать секунд... Пятнадцать секунд отпущено по строгому регламенту на этот миг. «Раз. Два. Три...» — отбивает мгновения сердце. В огромном пуленепробиваемом стекле вижу, как в зеркале, лица людей. Глаза, устремленные к Джоконде. Они дождались. Дождались этого свидания. Долгие, долгие, долгие часы очереди. И вот наконец Она. Единственная, неповторимая.

Джоконда.

Лепет людской. Шепот. Шорох платьев. Тихие шаги. Жадно, ненасытно глядят люди на творение Леонардо.

— Ни одного мазка,— слышу я слова.— Нет мазков. Как живая.

Льется, льется на нас золотистый, теплый свет итальянского летнего вечера. Ни одна репродукция не донесет и тысячной доли очарования, колдовства живописи да Винчи. Сфумато... Неповторимая манера живописца, изобретенная им, требовала небывалых усилий, времени, огромной концентрации воли, расчета. Мощи дарования. Это было не просто гениальное умение передавать все волшебство светотени, названное «дымкой». Нет, это было нечто более значительное. Это была новая красота.

Тревожно, немного печально, неотрывно глядит девушка в джинсах на Джоконду. Седой мужчина прижал к груди шляпу и весь вытянулся, устремился к Моне Лизе. Он что-то вспомнил, и я вижу слезы на его глазах... Бинокли. Бинокли. Люди хотят быть ближе к Джоконде. Рассмотреть поры ее кожи, ресницы, блики зрачков. Они будто ощущают дыхание Моны Лизы. Они, подобно Вазари, чувствуют, что «глаза Джоконды имеют тот блеск и ту влажность, какие обычно видны у живого человека,.. а в углублении шеи при внимательном взгляде можно видеть биение пульса». И они это видят и слышат. И это не чудо. Таково мастерство Леонардо.

Пристально, чуть-чуть устало, мягко, все понимая, глядит на людей Джоконда... Не одна сотня лет прошла с тех пор, как она родилась, стала вечно живой с последним прикосновением кисти Леонардо. Я словно вижу это последнее касание. Нежное прикосновение шелковой кисти. Мастер сам не знал, конец ли это. Он чувствовал уже давно, что Джоконда живет помимо его воли. Он просто боялся расстаться с ней. Потерять часть самого себя. Столько он отдал сокровенного, самого святого, что хранил в самых глубоких тайниках души! Мона Лиза была его плотью. Частью его самого. Ведь он писал «малый мир» — Человека!

Полтора месяца ни на миг не прерывался поток зрителей. Более трехсот тысяч человек встретились с Джокондой. Но, как говорится, всему, даже самому доброму, приходит конец. Наступила пора прощания с Моной Лизой.

Пьер Коньям, директор парижского Лувра, приехал в воскресенье днем в Музей изобразительных искусств имени Пушкина, к директору Ирине Александровне Антоновой. Уже на пороге кабинета он был окружен представителями прессы, кино, телевидения. Мы с Дмитрием Бальтерманцем ждали своей очереди. Необычайно деликатно, с каким-то особенным, чисто французским изяществом Пьер Коньям — высокий, стройный человек, очень похожий на знаменитого Атоса,— отказывал всем подряд в одной лишь единственной просьбе: присутствовать завтра, в понедельник, 29 июля 1974 года, на акте передачи Джоконды, когда шедевр Леонардо будет возвращен владельцам.

— Мосье,— любезно говорил очередному журналисту Коньям,— мы дали слово нашим коллегам в Париже, что не будем пускать никого, никого из посторонних в момент акта передачи Моны Лизы. И пока мы твердо держали свое слово во время всего долгого путешествия Джоконды. Ведь приемка этого великого шедевра Леонардо не церемония, не торжество, а деловой процесс, требующий полной сосредоточенности и тишины.

Когда я вошел в кабинет к Ирине Александровне Антоновой, у меня был, наверное, не самый веселый вид. Ведь я тоже выслушал Коньяма, и Бальтерманц, грустно похлопав меня по плечу, уехал в редакцию.

— Я бы хотел показать Пьеру Коньяму публикации нашего журнала, посвященные шедеврам Лувра и других французских музеев,— сказал я Ирине Александровне.

— Где журналы? — спросила Антонова.

Я положил на стол с десяток номеров «Огонька» с цветными вкладками, посвященными творчеству Пуссена, Шардена, Делакруа, Жерико, Эдуарда Мане, Ренуара, Дега, Бурделя, Матисса, Пикассо, со статьями Чегодаева, Алпатова, Прокофьева и других авторов.

Ирина Александровна представила меня главному хранителю картинной галереи Лувра Мишелю Лаклоту, плотному, коренастому, энергичному мужчине. Я рассказал ему о том, что редакции удалось за последние годы довольно объемно и подробно познакомить читателя с шедеврами собраний Лувра и других музеев Франции. Более полуста репродукций было опубликовано на цветных вкладках, и наш читатель получил для своих домашних собраний большую коллекцию репродукций прекрасных творений французских мастеров. Мишель Лаклот внимательно слушал...

Наконец Пьер Коньям вошел в кабинет. Началось обсуждение протокола завтрашней передачи. Установлено точное время вскрытия сейфа-витрины с Джокондой, час отбытия специальных машин на аэродром и многое, многое другое. Особое внимание уделялось тщательной проверке состояния, сохранности картины после сорокапятидневного пребывания в Москве. Шел серьезный, доверительный разговор. Представители Лувра и нашего музея понимали друг друга с полуслова. Это была беседа друзей, профессионалов, влюбленных в искусство и посвятивших всю свою жизнь служению благородному делу приобщения миллионов людей к прекрасному.

В конце концов все проблемы были решены, и наступила минутная пауза. Коньям подошел к Лаклоту. Тот что-то сказал ему, подвел к столу, где лежали журналы... Через какой-то миг улыбающийся директор Лувра перелистывал «Огонек», рассматривал цветные вкладки, на которых были опубликованы жемчужины собрания его музея, других коллекций Франции, шедевры французских мастеров из экспозиций Эрмитажа, Музея изобразительных искусств... Он попросил подойти своих коллег и с удовольствием показал им большую репродукцию «Свобода на баррикадах» Эжена Делакруа и потом нашу очаровательную «Жанну Самари» Ренуара. Коньям стал расспрашивать, сколько человек читает и смотрит журнал. Я ответил, что если каждый экземпляр видят хотя бы пять человек, то, думается, миллионов десять.

— Это великолепно! — воскликнул Пьер Коньям.

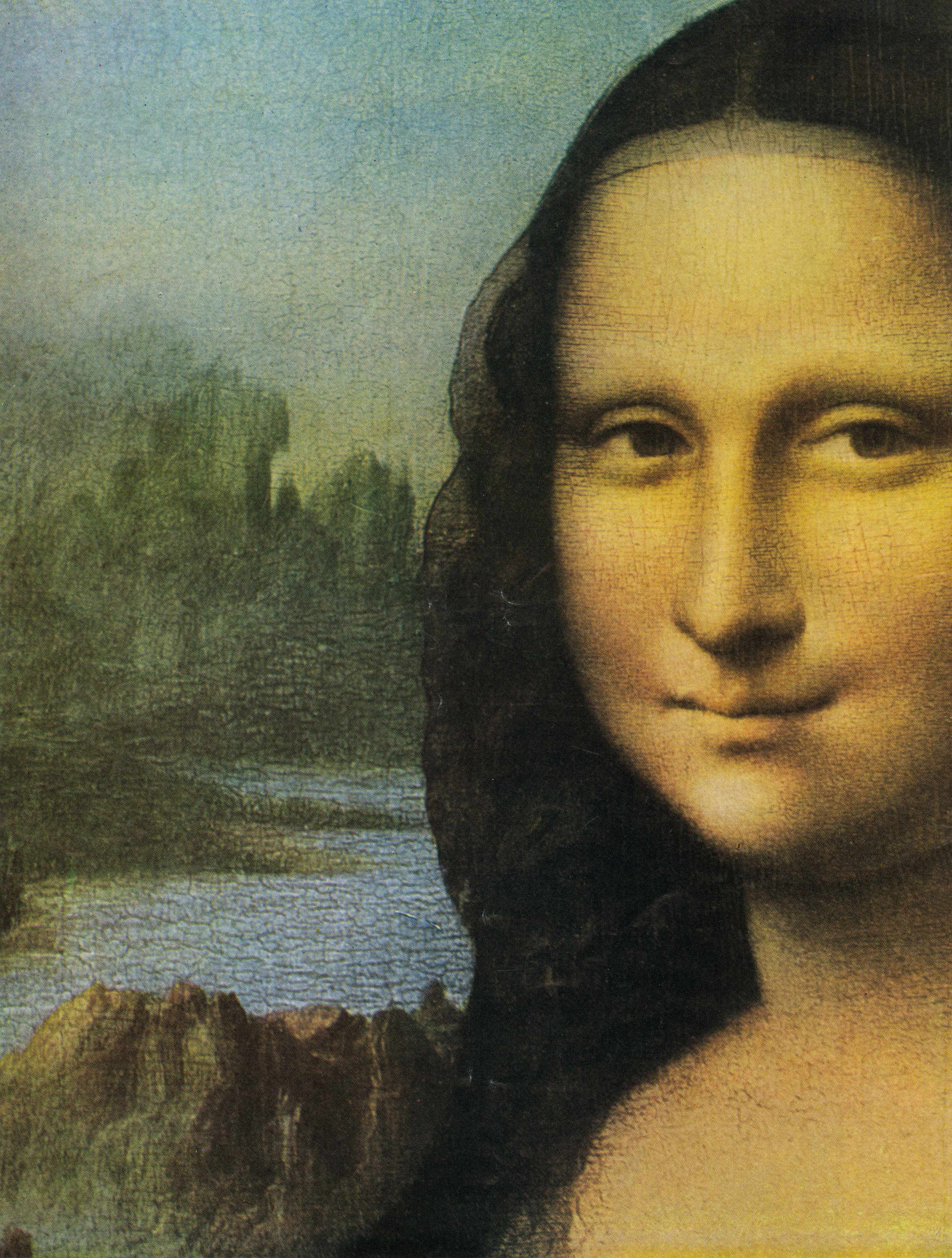
Прошу его рассказать нашим читателям о Лувре, Джоконде, московских впечатлениях, о культурных связях.

— Должен признаться,— говорит Пьер Коньям,— что во всем мире шедевры из собраний Лувра и других французских музеев пользуются заслуженной репутацией, но я хочу подчеркнуть, что здесь, в Москве, в Советском Союзе, этот успех имеет особое, символическое значение. Это объясняется тем, что не только между нашими странами, нашими великими народами, но и между нашими культурами — французской и русской,— между нашими музеями уже столетиями существует прочнейшая, особая, близкая взаимосвязь. Ведь Эрмитаж и Лувр — музеи-братья. Эрмитаж, созданный не без участия французских философов, послужил как бы моделью для нашего Лувра. Поэтому тот успех, который имела в Москве Джоконда, стал как бы символом дружбы между нашими странами, народами, исчисляемой столетиями. Пребывание Моны Лизы в Москве — это, если хотите, жест самого высокого доверия народа Франции к народу России, народам Советского Союза. Джоконда — главное французское сокровище. Эта картина была украшением, гордостью коллекции французских королей. Джоконда — главная жемчужина Лувра, его символ. Если хотите, сам Лувр! Поэтому мы придаем такое значение «визиту» Джоконды в вашу столицу. Поэтому нам так дорог огромный успех творения Леонардо да Винчи в вашей столице. Ведь обмен нашими культурными ценностями, происходящий

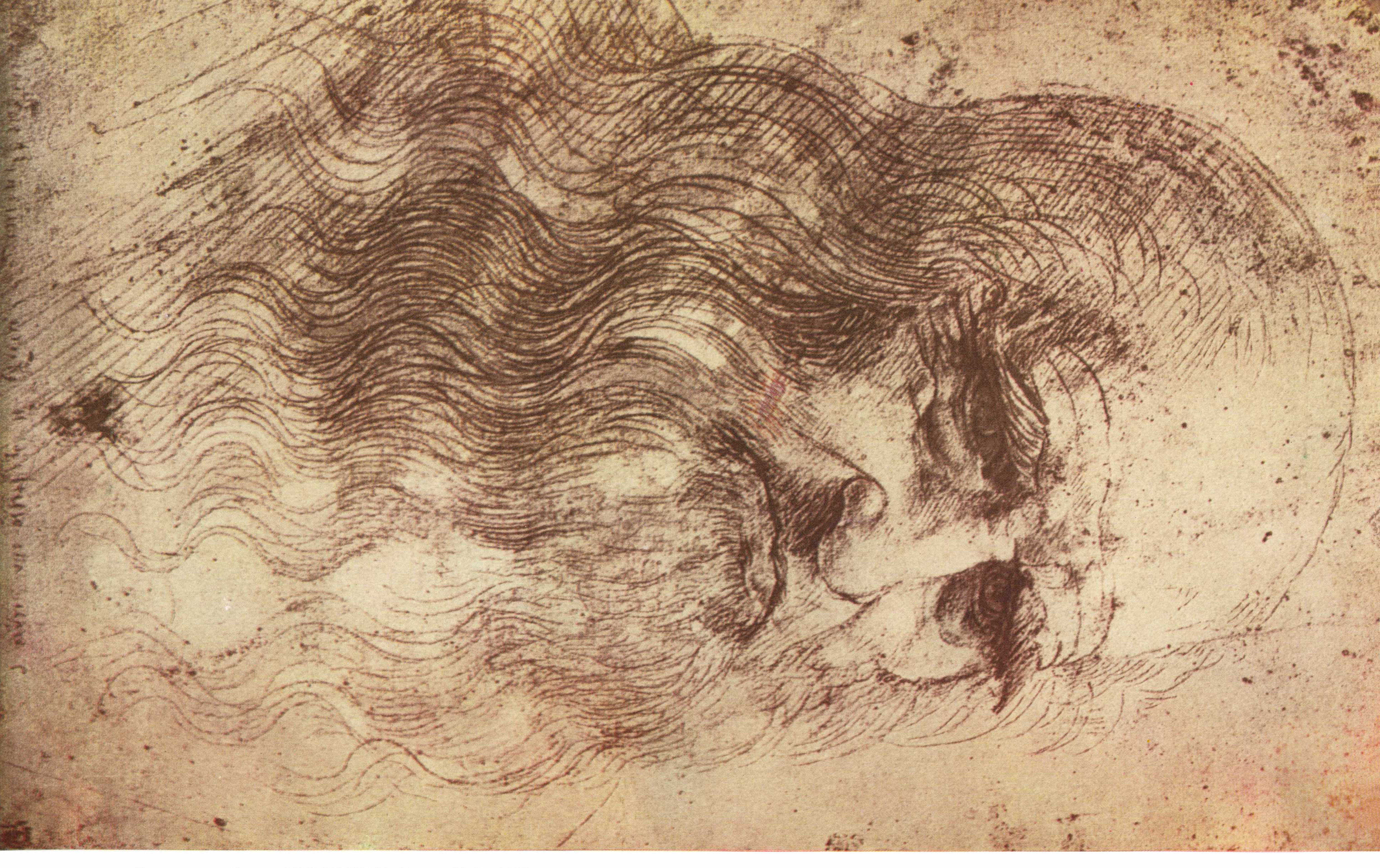
Леонардо да Винчи. 1452—1519. ДЖОКОНДА. Около 1503.

Лувр. Париж.

На развороте вкладки: ДЖОКОНДА. Фрагмент.

Леонардо да Винчи. АВТОПОРТРЕТ. Около 1510—1513. Турин.

по плану, необычайно плодотворен. Мне хочется рассказать вам о том великолепном триумфе, который имели экспозиции из собраний советских музеев во Франции, вызвавшие восторг и признательность широкого французского зрителя и самых тонких знатоков искусства. Дело в том, что любая выставка из России — событие, радость для Франции. И это вполне объяснимо: слишком многое нас связывает. Во время короткого пребывания в вашей замечательной Москве мне удалось посетить лишь один музей, конечно, кроме того прекрасного дома, в котором мы сейчас беседуем. Итак, я побывал лишь в одном музее, который чрезвычайно дорог мне, впрочем, как и любому человеку Земли. Это дом Льва Толстого на Кропоткинской улице. Там все дышит историей, там ощущаешь присутствие великого русского писателя. Все живет им. Мне любезно преподнесли — и это для меня большое счастье — две розы из сада Толстого. Я привезу их в Париж как драгоценную реликвию и вложу в одну из самых любимых и священных для меня книг — «Анну Каренину»... Толстой, Гоголь, Тургенев, Достоевский для меня, для французов не просто гениальные, великие писатели планеты. Это — наше детство, это связано с юностью, со становлением характера, с душой нашей культуры, с формированием видения мира. Поэтому русская литература рождает такие глубокие чувства. В заключение мне хочется сказать, что мы всегда с радостью готовы участвовать в любой большой и малой выставке в Москве и охотно ждем в гости ваши экспозиции.

Я прошу Пьера Коньяма написать несколько слов читателям. Вот они: «На память читателям журнала «Огонек» об успехе выставки Джоконды в Москве. Пьер Коньям. 28 июля 1974 года».

И снова за столом у Ирины Александровны заседает совет по эвакуации Джоконды. И снова звучат слова «эскорт машин», «Джоконлер», «влажность», «аэродром», и снова царит атмосфера дружбы и полного взаимопонимания. Но разговор окончен, я закрываю блокнот и... И тут происходит то, что забыть невозможно. Ирина Александровна подходит ко мне и негромко говорит: «Пьер Коньям просил передать, что он приглашает вас завтра в девять часов тридцать минут. Вы будете присутствовать при акте передачи Джоконды».

Не один раз я приходил с очередью в зал, где экспонировалась Мона Лиза. Эти минуты незабываемы... Июльский летний день. Там, за полупрозрачными занавесями, теплый ветер чуть колышет ветви деревьев. За высокими окнами музея шумит, ворчит наш суетный двадцатый век. Но сегодня рядом с нами живая женщина из шестнадцатого века.

Живая... Это подтверждается фантастическим контрастом между сияющим ликом Джоконды, стереоскопически объемным, ярким, и призрачными отражениями фигур зрителей, проходящих в очереди, отражающихся в темном озере пуленепробиваемого стекла.

XX век. Вот он пристально, порою восторженно, порою смятенно всматривается в далекий, далекий XVI век.

Люди... Вот они, улыбаясь и хмурясь, подгоняемые строгим регламентом, глядят, глядят на свою сестру. Живые на живую. И я на миг представил себе встречу человека двадцать второго века с опусами модернистского искусства наших дней. О чем подумает этот бесконечно далекий зритель, увидев кучу мятой жести, битого стекла, комков гипса с вызывающей надписью на этикетке — «Человек»? Какие ассоциации, какие мысли родятся у него в душе? Чего стоят после такой воображаемой встречи все самые мудрые слова умнейших знатоков современного искусства о форме, экспрессии, динамике! Порою мне кажется, что все эти громкие фразы — лишь попытки оправдать убожество, бессилие духа.

Леонардо да Винчи предложил нам встречу с нашим «вчера». Он показал нам Человека своего времени со всеми его слабостями, во всем его величии и сложности. И мы через тьму веков волею, властью гения Леонардо переносимся в Италию, во Флоренцию начала шестнадцатого века и зрим этот великий «малый мир».

— Посмотри, как она провожает нас взглядом,— слышу я трепетный шепот. И снова вижу слезы. Рядом бьются горячие сердца моих современников. Может быть, эти обрывки слов, эти невольные слезы на глазах взрослых людей кому-нибудь покажутся наивными, сентиментальными. Но это не так! Тысячу раз нет. Представьте себе хоть на миг ту бурю чувств, то смущение души, которое возникает у думающего зрителя от этой встречи с Джокондой. С гением Леонардо да Винчи.

Встреча с гением. Как она проста! Ведь эти классики — люди самые демократичные, самые доступные всем. Самые щедрые. Они рады отдать тебе все свои сокровища, все свои богатства. Взаймы навсегда, безвозвратно. Бери, приходи, раскрой книгу, коснись клавиш фортепьяно, приблизься к картине. И в то же мгновение ты познакомишься с шедевром литературы, музыки, искусства. Почувствуешь пожатие маленькой энергичной руки Пушкина. Тебя обнимет и прижмет к груди пылкий Моцарт. Ты увидишь прозрачное мерцание светлых, мудрых глаз Леонардо. Только приди! Ты будешь счастлив и станешь богаче. А если невольно уронишь слезу, это не беда! И пусть завидуют тебе хладнокровные и несентиментальные люди, которые ухитряются не волноваться, глядя на живопись Рафаэля или Рублева, слушая музыку Бетховена или Чайковского, стихи Байрона или Блока. Слава тебе, наш зритель, слушатель, читатель, стоящий в очередях за подпиской на собрания сочинений Бальзака и Достоевского, спрашивающий лишний билет на спектакли театра «Ла Скала» или Островского в Малом театре, в любую непогоду выстаивающий в длинных хвостах на выставки сокровищ Тутанхамона, произведений французских импрессионистов или Кустодиева. Наш зритель и читатель — смеющийся и проливающий слезы, радующийся каждой встрече с истинным искусством!

— Здравствуй, Джоконда! — еле слышно молвит юноша. Он стоит с девушкой, прижавшись к деревянным поручням.

— Проходите, проходите! — говорят им, а они стоят, стоят, очарованные Моной Лизой...

Джоконда. Она испытующе глядит на каждого, не пропуская ни одного из этой, словно длящейся веками очереди. И буквально любой из нас чувствует на себе этот пристальный взгляд. Посмотрите, как, подобно подсолнечникам, поворачиваются лица людей, как светлеют лики зрителей в эти считанные секунды. И внутренний диалог потом неотвратимо долго будет звучать в душе каждого. Такова магия кисти Леонардо. Много раз я слышал, как люди молодые говорили: «До свидания, Джоконда». Люди постарше: «Прощай, Джоконда». Она близка, необходима людям. Как воздух или звезды. Мона Лиза стала частью нашей жизни.

«Планета Джоконда»... Она не записана ни в одном звездном атласе мира. Но она есть! Это светило взошло в славном итальянском городе Флоренции в начале шестнадцатого века. Не многим творениям человеческого гения удалось преодолеть земное притяжение и выйти на орбиту вечности. Превратиться в часть природы. Стать подобными утренним или вечерним зорям. Весне или зиме. Пению птиц. За всю историю нашей планеты не так много зажглось таких вот рукотворных планет. Среди них — лучезарная Беатриче Данте, сияющий Фауст Гете, лучистая Джульетта Шекспира, светоносная Татьяна Пушкина, сверкающий Дон-Кихот Сервантеса и, конечно, золотистая, мерцающая Джоконда Леонардо да Винчи...

Подумайте хоть на миг о том пламени, о том звездном веществе, кипящем в обыкновенной, хрупкой человеческой груди, о той невероятной температуре горения, которая могла дать вечный огонь новой планете. Не тугоплавкая сталь — обыкновенная плоть людская хранила раскаленную плазму сердец этих великих ускорителей, выводящих на небесную орбиту новые светила. Чего стоило Рембрандту или Толстому, Гойе или Гоголю, Баху или Мусоргскому носить в себе каждодневно, ежесекундно этот страшный, все пожирающий огонь? Вдумайтесь. Вчитайтесь. Всмотритесь. Попытайтесь ближе изучить биографии великих творцов, среди которых был и Леонардо. Вы увидите страшную битву, борьбу этих людей с собою, со своими слабостями, с мраком. Вас поразит чудовищный, нечеловеческий труд, труд и еще раз труд — единственная дорога к свету. Вы еще и еще раз проникнетесь великой благодарностью к этим порою счастливым, а порою самым несчастным представителям рода человеческого.

Леонардо да Винчи... Подобно радуге, ярка, мозаична, разноцветна судьба мастера. Его жизнь полна скитаний, встреч с поразительными людьми, событиями. Чем сильнее волнение, чем круче волны, чем жестче ураганы, сметающие все на своем пути, тем спокойнее глубины бездонного океана — искусства Леонардо. Испытав крушение всех своих надежд в Милане, увидев гибель своих творений, ощутив тщету всяческих планов и расчетов, да Винчи в начале нового, шестнадцатого века прибывает в воспитавшую его, но не признавшую в нем гения Флоренцию. Корабль жизни потрепан житейскими невзгодами: на пороге пятидесятилетия величайший художник своего времени не создал себе сколько-нибудь устойчивого достатка. Он продолжает зависеть, как это было всю жизнь, от причуд и фантазий сиятельных, могущественных заказчиков, порою не находящих средств рассчитаться сполна и во-время с медленно работающим художником, вечно занятым бесконечными научными изысканиями. И вот Леонардо, отмеривший полвека на жизненном пути, создает свой шедевр — Джоконду. Картину, начатую накануне этой суровой даты после многих неспокойно прожитых лет, осененных потерями, неудачами, а порой катастрофами. Перед его глазами неотступно стоит образ гибнущей «Тайной вечери» — труда всей его жизни, в который он вложил весь свой опыт, всю силу любви и ненависти. В его ушах еще звучат крики пьяной солдатни, расстреливающей из арбалетов его монумент — «Коня». Он не может забыть десятки начатых и неоконченных картин, этих нерожденных его детей. Внешне он спокоен. Но одному богу известно, какой пламень съедает его душу... И вот Леонардо пишет Мону Лизу, супругу флорентийского купца Джоконда. Попробуйте найти хоть след житейских бурь, пережитых живописцем, в этом портрете. Внешне, при беглом взгляде, картина — царство тишины и гармонии. Но, подобно вулкану, скрывающему под слоем остывшей лавы и пепла кипящую, раскаленную магму, так и Джоконда — эта добродетельная, в скромной одежде дама — скрывает за улыбчивой маской душу трепетную, глубокую. Ум острый, все постигающий.

Тайна улыбки Джоконды. О ней написаны десятки книг. Думается, что не меньшая загадка — взор Моны Лизы. Леонардо придавал особое значение глазам человека. Восторженно звучит его «Похвала глазу»:

«О превосходнейший из всех вещей, созданных богом! Какие хвалы могут выразить твое благородство? Какие народы, какие языки способны описать твои подлинные действия?.. Но какая польза распространяться мне в столь высоком и пространном рассуждении? Что не совершается посредством глаза?»

Глаза — зеркало души. И да Винчи, который считал, что «хороший живописец должен писать две главные вещи: человека и представления его души», в Джоконде создал неповторимый по сложности, тонкости психологический портрет Человека. Невозможно описать словами состояние, которое придал Моне Лизе Леонардо: настолько неуловимы, зашифрованы трепетные движения ее души. Мы не знаем, что будет через миг с Моной Лизой — рассмеется она или заплачет, разгневается или будет продолжать улыбаться. Мне представляется, что довольно точным эпиграфом к «Джоконде» могут служить слова французского философа Бейля, сказанные им по другому поводу в семнадцатом веке:

«При виде слабостей человеческих не знаешь, право, что уместнее — плакать или смеяться?»

Попытайтесь пристальнее посмотреть в глаза Моны Лизы, и вам станет не по себе от ее понимающего, оценивающего и сочувствующего вашим, именно вашим слабостям взгляда. Это не значит, что Джоконда осуждает или презирает вас. Нет. Она просто все видит. Так же остро и глубоко, как видел мир сам Леонардо, который вложил в портрет весь свой опыт, всю свою мудрость.

До нас не дошел ни один живописный автопортрет Леонардо. Известен лишь рисунок, сделанный через несколько лет после создания

Джоконды. Это по меньшей мере странно, зная любовь да Винчи к самоанализу. Однако, думается, была весьма веская причина, помешавшая художнику писать автопортреты. Мастер был необычайно скрытен и осторожен. Он имел на то основания. Не раз в его жизнь вторгались доносы, клевета. Он знал отлично нравы своего века. Как легко низвергались и уходили из жизни люди, более могущественные, чем он! И вот Леонардо надел маску, непроницаемую маску придворного. Он отлично музицировал, писал стихи, сочинял занятные шутки. Словом, делал все, чтобы никто не мог предположить всю глубину его неприятия пустейшего мира княжьих дворов, хоровода льстецов, клятвопреступников, наушников, чванливых гордецов, развратников и циников. Он все видел и... молчал. Тысячи страниц его записей, научных исследований, написанные справа налево, зеркально, не говорят нам ни слова о властьпредержащих, о герцогах, князьях, папах — тиранах, порою играющих в любовь к искусству, и трудно понять, чего здесь больше: тщеславия или жажды к стяжательству. На глазах да Винчи происходили кровавые убийства, страшные по вероломству, предательству; он изучил философию Макиавелли, с которым встречался, служа у Цезаря Борджа. Он узнал всю меру цинизма власти и имел все основания презирать своих высоких повелителей. Может быть, поэтому Леонардо не написал ни одного портрета своих светлейших меценатов. Ни Лоренцо Медичи Великолепный, ни Лодовико Моро, ни Цезарь Борджа, ни папа Лев X не удостоились стать моделью да Винчи. Возможно, художник не хотел раскрывать свое глубоко затаенное «я». Он был слишком честен, чтобы льстить или лгать. Мастер изливал свое чувство неприязни к нравам дворов, к грехам рода человеческого в безымянных карикатурах, блестящих рисунках, которыми он на несколько веков опережает Гойю и Домье.

Все эти свойства характера Леонардо, сложность его судьбы помешали нам увидеть его автопортреты, ибо более всего именно в автопортретах художников раскрывается их миропонимание, приятие или неприятие времени, в котором они творят. И единственный автопортрет Леонардо, написанный на закате лет, не оставляет сомнений в его восприятии мира. Скорбное, усталое лицо мудреца, все познавшего, видевшего мишурный блеск дворов, наблюдавшего крушение бессовестных властолюбцев. Это он написал:

«Сколько ушло императоров и сколько князей, и не осталось о них никакого воспоминания! И сколько было тех, кто жил в бедности, без денег, чтобы обогатиться доблестью!»

Леонардо любил людей, любил жизнь.

«Живопись — немая поэзия»,— говорил он. «Живопись в состоянии сообщить свои конечные результаты всем поколениям вселенной».

Всем поколениям вселенной... К ним обращена Джоконда — вершина творчества Леонардо. Его завещание людям. Четыре года он писал Мону Лизу и не закончил портрет. Так рассказывает Вазари. Леонардо встретил Джоконду на пороге своего пятидесятилетия. Только начинался новый, шестнадцатый век. 1503 год (это предположительная дата создания Джоконды). Леонардо решает написать обобщенный образ Человека, своего современника. Возможно, это решение пришло не сразу. Но месяц за месяцем, все более проникаясь этой идеей, мне думается, художник приходил к желанию создать живой образ человека, придавая ему, вольно или невольно, много черт своего характера, передавая Джоконде свой взгляд на мир — мудрый, несколько иронический. Многих исследователей поражает, почему купец дель Джокондо не заставил художника оставить ему портрет супруги; они считают это чуть ли не аргументом того, что художник изобразил не Джоконду. Мне представляется, что флорентийский негоциант был немало удивлен. Он не узнал в мудрой богине свою молодую милую жену. Слишком величав и торжественен показался ему портрет. С другой стороны, художник, вложив столько своего в этот образ, не мог расстаться с Джокондой и увез ее из Флоренции в дальнейшие скитания. Так портрет Джоконды попал вместе с автором во Францию. Король Франциск I, покровительствовавший Леонардо, после смерти мастера приобрел портрет, и он в конце концов оказался в Лувре, став гордостью крупнейшего музея.

...29 июля 1974 года. Понедельник. В половине десятого утра прохожу мимо многочисленной охраны по пустым залам Музея изобразительных искусств.

Кабинет директора. Особая, праздничная и в то же время деловая атмосфера. Цветы и волнение, неизбежное волнение.

Вскоре представители Лувра во главе с Пьером Коньямом и Ирина Александровна Антонова с сотрудниками Музея изобразительных искусств имени Пушкина входят через небольшую потайную дверь в помещение, находящееся позади зала, где экспонировалась Джоконда.

Святая святых. Огромный сейф, весом в четыре с половиной тонны, обтянутый плотной зеленоватой тканью. Рядом на постаменте серебристый контейнер из светлого металла — простой маленький ящик. Его тщательно осматривают. Он пуст. Гулко звучат удары по его металлическим стенам. Заботливые руки выстилают ложе белоснежным пластиком.

Открывается огромная бронированная дверь сейфа — серебряная, с золотистыми ручками, похожая на деталь космического корабля. Несколько ключей. Щелкают затворы замка. Через боковую дверь проверяют, как висит картина. В темно-вишневом сумраке поблескивает золотая рама. Четыре человека осторожно, бережно снимают картину с темно-красной бархатной стены.

В квадратный образовавшийся провал виден пустой, безлюдный зал, деревянные поручни, отлакированные сотнями, тысячами рук зрителей. Еще миг — и картина в раме оборачивается к свету.

Джоконда... Вот она! В лучах московского утра. Золотая... В тончайшей паутине кракелюр — трещин. Еще одно мгновение, и я вижу обратную сторону картины. Доску с четырьмя поперечными перекладинами. Старое, благородное дерево.

Пьер Коньям и Мишель Лаклот осторожно берут простые, самые прозаические отвертки. Раздается сухой щелк, и вдруг массивная рама отделяется от доски.

Мона Лиза... Без рамы. Без стекла. Беззащитная. Без тяжелых золотых одежд. Простая узкая деревянная рамка — вот весь ее убор. Простая. Доступная. В двух шагах...

Как в полусне, слышу голос Пьера Коньяма и переводчицы:

— Смотрите, мосье. Вот ваши минуты...

В какой-то миг я увидел рядом бездонные темные бархатные глаза Джоконды. Она улыбалась моему волнению. В мягком свете Мона Лиза, казалось, сама излучала золотистое сияние. Поражала удивительная нежность тончайшей лепки формы, но не это было главным. В трепетном мерцании лучистого московского утра, в эти минуты, ограниченные строгим регламентом, наполненные какой-то напряженной, почти праздничной суетой, Джоконда, окруженная десятком волнующихся людей, особенно остро предстала передо мной в своем бессмертии.

Великий покой и тишина царили в картине. С ослепительной яркостью вдруг представилась несчетная вереница лет, событий, людей, промелькнувших перед глазами Моны Лизы.

Джоконда спокойно, пожалуй, задумчиво взирала на нас. Предельно простая, в скромной, почти вдовьей одежде. Такая доступная и непостижимая в этой своей открытости.

Вдруг Джоконда исчезла, и я увидел, что все склонились над картиной, лежащей на большом столе. Началось священнодействие замеров. И снова я услышал загадочное слово «Джокондер».

Мое время кончилось. Я вышел в большой зал. На месте, где еще полчаса тому назад была Джоконда, в провале стены сейфа, на темновишневом бархате, служившем фоном для картины, обозначился ровный квадрат слепящего голубого света. Видны были переплеты окна и деревья, беззвучно шумящие под порывами ветра. Вечная, неумирающая жизнь бурлила за стенами музея.

Пустой зал. Только вчера он был полон людей. Нескончаемая вереница зрителей, как река, вливалась в широкие двери и, удерживаемая поручнями, как шлюзами, текла, текла к Джоконде, на миг задерживала свой бег и нехотя, медленно исчезала у выхода. Только отлакированные до блеска поручни барьеров хранят следы человеческих чувств.

Наконец Коньям, Антонова и их коллеги выходят из маленькой, скрытой двери в зал, проходят в кабинет Ирины Александровны. «Джокондер»,— слышу я снова. Спрашиваю. Оказывается, так называется аппарат, специально изобретенный для обмеров состояния доски, на которой написана Мона Лиза. Он имеет девять точек касания, точно измеряющих отклонения от нормы «волны», то есть кривизны доски. Старое дерево изменило свой первоначальный рельеф, и важно, чтобы эти изменения не усугублялись. К счастью, «Джокондер» показал, что доска абсолютно не подверглась никаким деформациям. Все счастливы!

Ирина Александровна Антонова показывает Пьеру Коньяму письмо, написанное одним из многочисленных почитателей Джоконды:

«Уважаемые товарищи!

Когда Вы будете отправлять в обратный путь Джоконду, прошу Вас, купите две розы и вложите их вместе с ней. Пускай она едет домой с цветами.

Почему, спросите Вы, пришла мне в голову эта мысль?

28 июня в 9 часов 45 минут я вошла в первый зал Вашего музея...

Ольга Миренко».

Глаза Пьера Коньяма на миг стали влажными. Он немедля сел за стол, попросил лист бумаги и написал:

«Мадам!

В момент, когда Джоконда покидает Москву, я хочу Вам сказать, как я тронут Вашим жестом. Эти две розы, которые Вы посвятили Моне Лизе, я обещаю Вам, будут сопровождать ее в Париж. От всей глубины своего сердца и от имени Лувра я Вас благодарю!

Пьер Коньям.

29 июля 1974 года».

Он с нежностью принял из рук Ирины Александровны алую и белую розы.

Наступают минуты расставания. Сотни людей ждут Джоконду. Гранитные ступени Музея изобразительных искусств. Трещат камеры телевидения. Суетятся операторы кинохроники, радио. Над всей этой пестрой каруселью лазоревое июльское небо. Неспешно, величаво плывут облака.

Ждут. Ждут.

Но вот в темном прямоугольнике выхода появились люди, несущие контейнер. Она? Нет, это ящик с портретом французского короля Франциска Первого, приобретшего Джоконду. Потом выносят второй контейнер, поменьше. Оказывается, это рама Франциска. Потом большая группа сотрудников ставит в машину массивный синий контейнер. Это рама Джоконды. И вот, наконец, маленький, серебристый контейнер. Антонова и Коньям принимают его и торжественно помогают нести к специальной машине. На контейнер кладут осторожно две розы — алую и белую.

Пьер Коньям просит разрешения сказать несколько слов. Он обращается к сотрудникам музея, ко всем провожающим, к многочисленным представителям прессы, радио и телевидения:

— Перед тем как покинуть Музей, Москву, Советский Союз, я хочу от всего сердца поблагодарить всех за ту замечательную встречу, за ту помощь, которая была оказана нам здесь. Я хочу вас заверить, что Лувр будет всегда хранить самую добрую память о московском Музее изобразительных искусств, о его прекрасных людях. До скорого свидания!

Далеко, далеко в Париже, в старом Лувре, проснулась Джоконда. Она улыбнулась утреннему солнцу, знакомым стенам музея, светлым бликам на паркете. Долгие переезды окончены. Она дома. Мона Лиза вздохнула, вспомнив все тепло последних встреч.

Скоро откроются тяжелые двери Лувра, и снова к ней придут люди.

«Всем поколениям вселенной», — мысленно завещал Джоконду великий Леонардо. И она рада встречать все новые и новые поколения граждан Земли. Встречать улыбкой...

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

Этот небольшой любительский снимок несколько необычен. Мы привыкли к фотографиям А. П. Чехова, на которых он заснят один. Сохранилось очень мало снимков, где писатель запечатлен в бытовой обстановке.

Рядом с Антоном Павловичем здесь сидит в свое время широко известный литератор и этнограф Сергей Васильевич Максимов (1831—1901 гг.).

Начиная с 50-х годов он совершил ряд длительных путешествий по России (в том числе пешеходное). В 1854 году выпустил книгу «Крестьянские посиделки в Костромской губернии», получившую одобрение И. С. Тургенева. Принимал участие как этнограф в экспедиции по побережью Белого моря и Ледовитого океана. В 1860—1861 годах обследовал Амурскую область и Маньчжурию. В книге «Сибирь и каторга» (1871 г.) им собраны обширные материалы по этнографии, истории и статистике царской каторги.

Чехов познакомился с Максимовым в январе 1891 года в Петербурге на именинах артиста П. М. Свободина. Потом они часто встречались, обменивались фотокарточками. На одной из них, подаренной Антону Павловичу, Максимов написал: «Благословен умело и смело грядый по нехоженным и мало ведомым путям родной страны! Приветствует от души Молодого Товарища Антона Павловича Чехова Усталый странник. 7 января 1892 г. СПб.».

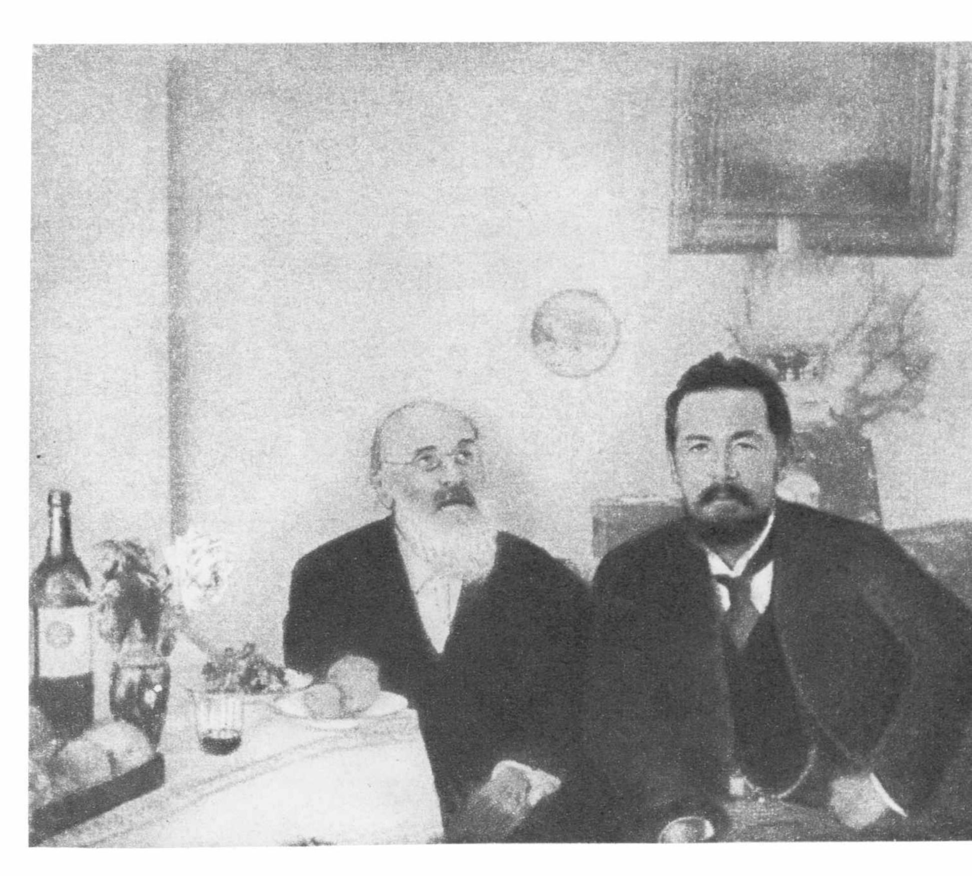
В эти годы А. П. Чехов усиленно работал над книгой «Остров Сахалин». Беседы с Максимовым, очевидно, помогали ему в работе. В письме из Богимова брата Ивана он просит привезти из своей библиотеки книгу Максимова «Сибирь и каторга».

После переезда Чехова в Ялту их связь не прервалась. Будучи в гостях у Антона Павловича, Максимов подарил ему свою последнюю работу «Нечистая, неведомая и крестная сила» с такой надписью: «Всегда милому и очень дорогому Антону Павловичу Чехову на добрую память ялтинской встречи от любящего автора — 7 сентября 1899 года. Аутка».

Через несколько дней Чехов и Максимов встретились на квартире начальницы Ялтинской женской гимназии Варвары Константиновны Харкеевич, где и был сделан этот впервые публикуемый снимок.

Упомянутые книги и фотографии хранятся в фондах Таганрогского литературного музея А. П. Чехова.

И. СЕЛЬВАНЮК,
старший научный сотрудник
Таганрогского литературного музея А. П. Чехова

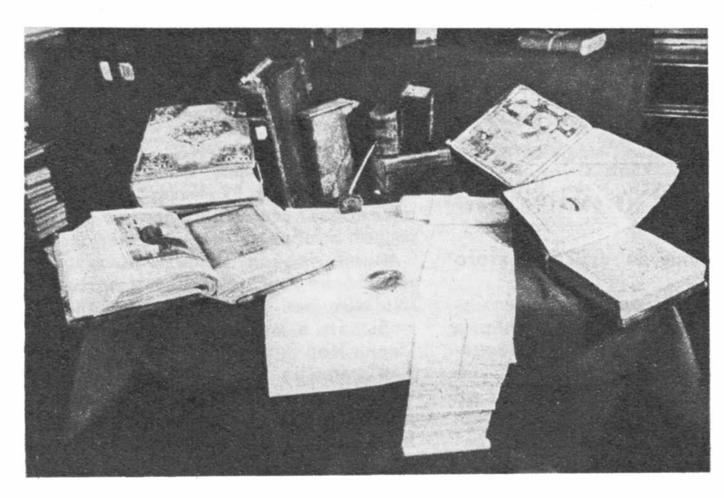

■

КНИЖНОЕ БОГАТСТВО ПУШКИНСКОГО ДОМА

Основатель и главный консультант Древлехранилища доктор филологических наук В. И. Малышев (в центре) со своими учениками.

Рукописи Древлехранилища Пушкинского Дома.

На двери скромная дощечка с надписью: «Древлехранилище». Большая светлая комната с окнами на Неву сплошь заставлена массивными старинными шкафами. А там бесценные богатства — древнерусские рукописи, собранные за 25 лет в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР при непосредственном участии и под руководством заслуженного деятеля науки, доктора филологических наук Владимира Ивановича Малышева.

Древлехранилище Пушкинского Дома — самое молодое собрание рукописей в нашей стране, но их здесь уже более семи тысяч.

Многие литературные и исторические памятники представлены несколькими списками, а такие произведения, как Пустозерский сборник с автографами протопопа Аввакума и его «соузника» инока Епифания (из собрания И. Н. Заволоко, пенсионера из Риги, подарившего свою коллекцию хранилищу) и книга, написанная сподвижником «огнепального» протопопа, попом Лазарем, сохранились лишь в единственном списке. В хранилище находятся также Евангелие XIV века галицко-волынского письма, второй список высокопоэтического произведения Древней Руси «Слово о погибели Русской земли», Евангелие XVII века, переписанное сестрой Петра I царевной Софьей Алексеевной и украшенное замечательными миниатюрами мастеров Оружейной палаты.

Здесь хранятся автографы многих видных деятелей прошлого: Петра I, патриарха Никона, известного сибирского землепроходца XVII века Алексея Толбузина и других. Очень важны материалы о зарубежных связях России XII—XIX веков.

Такую удивительную коллекцию древних рукописей В. И. Малышеву помогли собрать сотрудники Сектора древнерусской литературы, возглавляемого академиком Д. С. Лихачевым, доцент Ленинградского университета Н. С. Демкова и ее ученики — студенты филологического факультета. На поиск рукописей и книг ежегодно направляются археографические экспедиции. Древлехранилище продолжает пополняться рукописями, которые охотно присылают коллекционеры.

Доктор филологических наук
Г. МОИСЕЕВА

Ленинград.

РОЖДЕННЫЙ ВЕЛИКОЙ

Николай Островский. 1918 год.

И. Е. ГЛУЩЕНКО, академик ВАСХНИЛ

Иван Евдокимович Глущенко, ученый-биолог, в 30-х годах — комсомольский работник на Украине, делится воспоминаниями о своих встречах с выдающимся советским писателем.

В моих руках копия письма от 3 июля 1934 года, оригинал которого я несколько лет тому назад передал в Сочинский музей Н. А. Островского:

«СЕКРЕТАРИАТУ ЦК ЛКСМУ
Копия: Генеральному секретарю тов. АНДРЕЕВУ С. И.
Дорогие товарищи!
Группа тт., знающих лично писателя Н. А. Островского, его работу и тяжелое состояние его здоровья и условий работы, обращается к вам с просьбой отметить к 15-летнему юбилею ЛКСМУ, как образец большевистской закалки, работу Н. А. Островского и провести в жизнь следующие мероприятия (Островский парализован):
1. Отметить почетной грамотой Н. Островского как активного участника гражданской войны на Украине.
2. Премировать тов. Островского пишущей машинкой или предоставить ему возможность приобрести ее по плановой цене и в первоочередном порядке.
3. Предложить ЦЛК предоставить Островскому место в санатории Мацеста на 6 недель ежегодно.
4. Обратиться в Наркомсобес УССР с просьбой об увеличении Островскому персональной пенсии до 200—250 руб. в месяц...
Отмечаем, что Н. Островский посвятил 15-летию ЛКСМУ свою книгу «Как закалялась сталь», отмеченную, между прочим, генсекретарем ЛКСМ тов. Косаревым и многочисленными рецензиями в журналах.
Книга эта выйдет к 1 июля сего года в издании органа ЦК ЛКСМУ «Молодой большевик».
1. М. В. Паньков, член КП(б)У с 1918 г. парт. б. 0751619
2. А. А. Жигирева, член партии Ленинград. организации с 1911 г. парт. б. 016424
3. И. П. Феденев, член ВКП(б) с 1904 г. парт. б. 33511
4. Н. Н. Лисицын, член ВКП(б) с 1918 г. парт. б. 1755923
5. М. Е. Карась, член КП(б)У с 1927 г. парт. б. 11760641 б. член ЛКСМУ с 1922 г.».

Я проследил за судьбой этого письма.

25 июля 1934 года ЦК комсомола Украины ходатайствовал перед Народным комиссариатом социального обеспечения УССР об увеличении пенсии писателю до 200 рублей (Островский получал 50 рублей). При этом ЦК дал следующую характеристику Островскому:

«Островский был до 1927 г. на руководящей комсомольской районной, городской и окружной работе.
Николай Островский с 15-летнего возраста добровольно уходит в армию, работает в должности телефониста комендантской роты Шепетовского ревкома, затем принимает активное участие в производстве обысков, проводимых ревкомом, в реквизиции имущества у городской буржуазии, эвакуации ревкома перед наступлением белополяков, участвовал в отрядах по перевозке и охране имущества Опродкомдива и ревкома, участвует в боях с белополяками, получил ранение и по выздоровлении снова включается в боевую работу отрядов по борьбе с бандитизмом, принимает участие в работе продотрядов, затем работает военкомом батальона всевобуча.
В 1927 г. после активной работы в комсомоле здоровье Островского окончательно было подорвано, у него отняло руки и ноги, затем он полностью потерял зрение.
В 1931 году Островский, будучи прикованным к постели, связывается через своих товарищей с журналом «Молодая гвардия», работает над комсомольской тематикой и вскоре продиктовал большое художественное произведение, роман в двух частях «Как закалялась сталь», освещающий яркие эпизоды из участия комсомола Украины в гражданской войне».

Секретарь ЦК комсомола Украины С. Андреев взял Островского под личную опеку, заботился о его здоровье, обязывал комсомольскую печать и издательство «Молодий більшовик» чаще рассказывать о жизни и творчестве Островского. Н. Островский был избран делегатом IX съезда комсомола Украины, во время которого выступил по радио со своей знаменитой речью «Мужество рождается в борьбе».

* * *

«Как закалялась сталь» я прочел впервые в 1934 году. Я тогда заведовал сельхозотделом Винницкого обкома комсомола.

Книгу прочел залпом. Была она интересна для меня еще и потому, что как раз тогда мне довелось побывать в местах, где действовал Павка Корчагин.

Я написал письмо Островскому о своем впечатлении от прочитанной книги, о ее значении для нашей молодежи, важности для комсомольцев Подолии. Вскоре пришло письмо, и в нем — фотоснимок с надписью: «Ванюше Глущенко. Н. Островский. Сочи, 20/VI—34 г.».

Увидеть Николая Островского мне удалось только в июне 1935

Н. Островский (крайний слева) — секретарь Берездовского райкома комсомола и военный комиссар батальона всевобуча — среди членов Берездовского райпарткома. 1923 год.

БУРЕЙ

года, когда я приехал по путевке в Сочи.

Как только устроился, написал Островскому коротенькое письмо. На второй день почтальон вручает открытку:

«Дорогой товарищ Ваня. Приезжай до 10/VI в любой день с 11 часов до 4 часов дня. Буду рад с тобой побалакать. С комприветом Н. Островский».

Направляюсь по адресу. Вот и Ореховая улица, № 47. Тихий, зеленый дворик. В глубине его под тенистым деревом стоит железная кровать, на ней неподвижная человеческая фигура.

— Очень рад встретиться с тобой, — сказал Островский. — Твой приход напомнил мне о родных местах. Рассказывай подробнее о делах и людях. Меня очень интересует сегодняшняя жизнь комсомолии Винничины.

Начинается разговор о наших буднях, о границе, о Шепетовке, об обкомовцах.

Я всматриваюсь в лицо Николая Алексеевича, хочется запомнить его черты. Высокий лоб. Густые, темные волосы. Двигается только кисть левой руки и два пальца правой руки. Остальное все сковано, неподвижно.

Наша беседа затянулась. Спрашиваю, не устал ли.

— Мне одиночество переносить нелегко. Гостей не только глубоко уважаю, но очень ценю. Для меня они — животворящий воздух. Без встреч с товарищами вряд ли родилась бы моя книга. Недавно меня навестил Григорий Иванович, — рассказывает Островский о встрече с председателем ЦИК Украины Г. И. Петровским. — Говорил он со мной, как отец с сыном. Интересовался подробностями — от моей творческой работы до бытовых мелочей. Я этой встречи никогда не забуду. Она влила в меня новые силы.

Первая моя беседа с Островским длилась два часа. Я стал прощаться, но Николай Алексеевич взял с меня слово, что я обязательно навещу его под конец отпуска. Во время нашего разговора подошла сестра писателя — Екатерина Алексеевна. Николай познакомил нас и попросил ее принести книгу «Як гартувалась сталь». Продиктовал надпись: «Ванюше Глущенко от автора. Н. Островский. Сочи, 10/VI—35 г.».

Островский писать собственной рукой давно уже не мог. Сестра достала печать-факсимиле, которая всегда находилась при Островском, в кармане его неизменной гимнастерки, и оттиснула на книге как авторскую подпись.

Первого июля 1935 года произошла моя вторая встреча с Островским. На этот раз беседа протекала в домике. Я обратил внимание на сверкающую чистоту и порядок. Островский тогда заговорил о матери:

— Знаешь, я очень люблю свою мать. Она передала мне свою необычайную энергию, свою силу жизни. Моя мать — большая труженица, настоящая пролетарка. Ты, конечно, читал «Мать» Горького. Я вижу много общих черт у нее с Ниловной...

Несколько раз за время разговора писатель возвращался к тому, что его книгу читатели и даже критики расценивают как автобиографию.

— Неприятно мне, что роман воспринимают как мемуары, как документацию пройденного автором пути. Надо помнить, что это художественное произведение, а если так, значит, автор имеет право на вымысел. Несомненно, в романе много автобиографического материала. Особенно много во второй его части. Однако книга — не моя биография. Я хочу, чтобы читатели это знали. В противном случае меня могут справедливо упрекнуть в отсутствии большевистской скромности, а это для меня было бы очень больно. Критики, журналисты обычно пишут триста слов обо мне и лишь в конце вспоминают, что вот этот человек написал книгу. Хочется наоборот: пусть пишут о книге триста слов, а обо мне одно. Ведь я молодой писатель. Несомненно, допускаю множество ошибок. И следует не восхвалять меня, а вскрывать мои ошибки с тем, чтобы я мог учиться, мог их исправлять и не допускать в новой работе.

Наша затянувшаяся встреча подходит к концу. Моя тетрадка заполнена скорописью беседы. С разрешения автора просматриваю некоторые письма и фотографии. Отдельные копии этих материалов увожу с собой как большую драгоценность.

22 августа 1935 года сообщаю Островскому о том, что винницкая газета «Молодий більшовик» посвятила писателю страницу, что готовлю еще страницу для центральной газеты «Комсомолець України».

9 сентября того же года в газете «Комсомолець України» выходит целая полоса, посвященная Николаю Островскому.

Вскоре я получаю напечатанную в издательстве «Молодая гвардия» по полному тексту рукописи книгу «Как закалялась сталь». Надпись на ней гласит: «Ванюше Глущенко на дружескую память от автора. Н. Островский. Сочи. Ноябрь, 1935 г.».

* * *

Прошли годы, а молодые, проницательные глаза Н. А. Островского и по сей день глядят на меня с подаренного им портрета. Прошли десятилетия, но его книгу с зеленой веткой и серебристым штыком на переплете, с пожелтевшими от времени страницами перелистываю с волнением и гордостью. Книгу читали и нередко возвращались к ней снова мои сын и дочь. Сегодня ее читают мои внуки. И с таким же интересом, как я читал ее в первый раз сорок лет назад.

Сочи, 1935 год

И. Ф. КИРЮШКИН

Из воспоминаний участника гражданской войны, впоследствии журналиста, публикуемых издательством «Молодая гвардия» в сборнике, посвященном Н. А. Островскому.

Познакомился я с Николаем Алексеевичем в начале 1935 года, когда приехал в Сочи редактировать городскую газету. Островский позвонил в редакцию, извинился, что сам не может прийти, пригласил меня к себе.

В тот же день отправился я на наше первое свидание.

— Подойди, пожалуйста, ближе. Дай пожать твою руку,— услышал я, переступив порог, мягкий голос.— Будем на «ты», ведь мы из одного теста: ты — чапаевец, а я — буденовец. Позволь задержать твою руку в своей — так я лучше чувствую собеседника...

Островский спросил, участвовал ли я в отражении «психической» атаки белогвардейцев, когда чапаевская дивизия громила колчаковцев под Уфой летом 1919 года. Выслушав утвердительный ответ (я был тогда командиром взвода в Пугачевском полку), Островский продолжал:

— А помнишь у Фурманова в «Чапаеве»: черными колоннами, безмолвно шли в наступление офицерские батальоны, чтобы вплотную подойти к измученным цепям и внезапным ударом переколоть, перестрелять, уничтожить. Фурманов назвал эту встречу ужасной... Что ты чувствовал, видя перед собой беляков, идущих с винтовками наперевес?

— Только бы не осечка! Одна эта мысль сверлила мозг,— ответил я скороговоркой. Ответил так потому, что это переживание оставило след на всю жизнь.— А осечки иной раз случались. И оттого, что попадались плохие патроны, и от небрежного обращения с оружием.

— Однако осечек не произошло: ни в патронах, ни в сердцах чапаевцев,— произнес Островский, сжимая мою руку.— Вот так-то, друг, бойцы и закаляли себя...

После этой встречи я не раз бывал у Островского, и однажды он передал мне машинописный текст, просил прочитать и, если написанное окажется подходящим, напечатать в «Сочинской правде». Это были первые главы «Рожденных бурей». Мы читали их в редакции коллективно, делились впечатлениями о прочитанном и немедленно сообщали писателю наше мнение. Он просил каждый раз сказать конкретно, как мы оцениваем изображение того или другого действующего лица, удачно ли написана такая-то сцена, понятен или нет идейный замысел автора, хорошо ли просматривается сюжетная линия произведения. И под конец всегда напоминал: «Я охотно выслушаю любые замечания и предложения и, если нужно будет, исправлю все сам».

Пять первых глав романа «Рожденные бурей» увидели впервые свет на страницах «Сочинской правды» с 24 апреля по 18 июня 1935 года. Интерес к новому произведению Николая Островского был огромен. Многие газеты, даже в самых отдаленных районах страны, перепечатывали публикуемые нами отрывки.

У меня сохранилась протокольная запись заседания бюро Сочинского горкома партии, состоявшегося на квартире писателя 16 мая 1935 года. Островский выступил тогда с творческим отчетом.

Он сказал, что задача советских писателей — создать образ молодого революционера нашей эпохи, эпохи пролетарской революции. Кто должен быть героем наших книг? Молодежь, которая боролась вместе с отцами за Советскую власть, а теперь строит социализм. Люди прекрасные, мужественные, героические.

Надо было видеть и слышать, с какой страстью и убежденностью были сказаны эти слова. Мы, члены бюро горкома партии, слушая отчет коммуниста Островского, как бы учились у него партийности.

Островский говорил, что свою работу он строит по плану. Правда, пятилетки у него нет — он не рискует задумывать на столь долгий срок. Он планирует на год. За этот отрезок времени писатель рассчитывал закончить первую часть романа «Рожденные бурей», выполнить работу над кинофильмом по роману «Как закалялась сталь», начать писать книгу для детей «Детство Павки».

Н. А. Островский в кругу родных и близких. Москва, 1936 год.

После доклада, как водится, были вопросы и ответы, прения. На вопрос о творческом настроении писатель ответил: «Настроение у меня замечательное. Ведь я имею все возможности для плодотворной творческой работы: ясную голову и много друзей».

Бюро горкома партии, озабоченное большой перегрузкой Островского, обязало его работать не больше восьми часов в сутки и непременно использовать предоставленный ему отпуск. Этот пункт постановления Островский не выполнил, ибо, как он не раз говорил, одни лечатся отдыхом, другие — трудом.

В корреспонденции «Так закаляется сталь», которую я написал для газеты «Известия» после заседания бюро горкома партии (она напечатана 22 мая 1935 года), были приведены слова друга Островского, сочинского врача Павловского о том, что за 33 года своей врачебной практики он впервые встретил человека, в котором так необычно сочетаются слабость тела с необыкновенной мощью воли к жизни, к творчеству.

В октябре 1935 года Островского наградили орденом Ленина. Он был безмерно счастлив. Поздравительные телеграммы ему прислали Михаил Иванович Калинин, Надежда Константиновна Крупская, Александр Косарев, Михаил Кольцов, Мате Залка, друзья и многочисленные почитатели таланта писателя. Особенно тронула Островского телеграмма Марии Ильиничны и Дмитрия Ильича Ульяновых. Они писали, что заслуженная высокая награда завоевана могучей волей и настоящим большевистским упорством: «Гордимся и радуемся высокому качеству доброй стали».

Островский был взят на военный учет, и ему было присвоено звание бригадного комиссара. И вот однажды (это было уже в Москве) он надевает гимнастерку с ромбом на петлицах и разрешает мне пригласить фотографа, чтобы сняться в окружении близких. Съемка удалась. Этот снимок я бережно храню.

Весной 1936 года Островский по совету врачей выезжает из Москвы в Сочи. Накопленный материал переплавляется писателем в заключительные главы первой части «Рожденных бурей». Я узнал, что Николай Алексеевич послал машинописный текст романа на отзыв в газету «Правда». В письме от 25 августа он просил: «Если книга, по мнению работников «Правды», скучна, неинтересна, неувлекательна, неспособна послужить нашей молодежи, ее большевистскому воспитанию, то пусть «Правда» скажет мне об этом раньше, чем я эту книгу напечатаю».

11 октября в «Правде» был напечатан подвалом отрывок из «Рожденных бурей», и это служило высокой аттестацией новому произведению.

НЕПРЕКЛОННОСТЬ

Юрий ЗУБКОВ

Все начинается с того, что профессор Щеглов энергично входит в кабинет доктора Скуратова и наотмашь ударяет его по лицу... Учитель бьет своего ученика. Позднее Иван Иванович Щеглов признает: и звание коммуниста и моральные принципы нашего общежития должны были бы удержать его от рукоприкладства, но... Иначе поступить, если душит гнев на некогда любимого ученика, презревшего именно эти принципы социалистического общежития, забывшего долг врача, чувство ответственности перед учителем, занявшегося вымогательством взяток у больных, да еще от имени как раз этого самого учителя, хирурга с огромным авторитетом, Щеглов просто не может!.. И мы, зрители, понимая и принимая из ряда вон выходящий поступок Щеглова, горячо ему аплодируем.

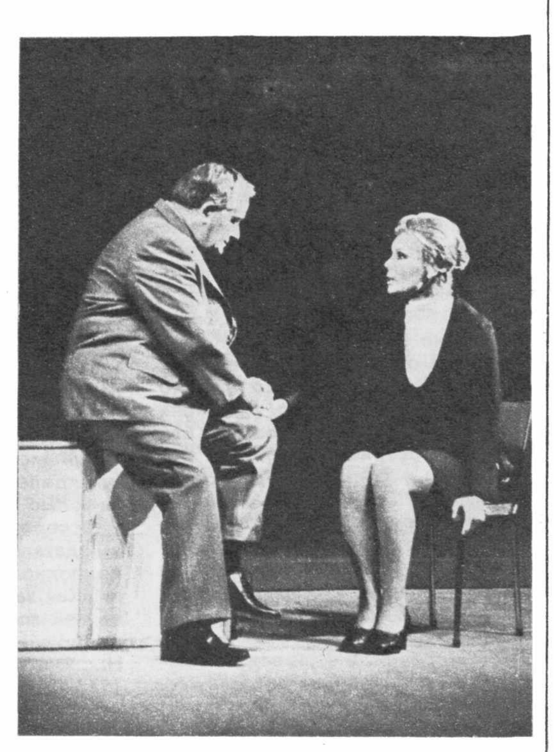
Сила пьесы С. Михалкова «Пощечина» и спектакля, поставленного Театром сатиры (руководитель постановки В. Плучек), состоит прежде всего в раскрытии внутренней враждебности доктора Скуратова нашему обществу, нашему нравственному миру, нашему образу жизни. Он выродок. Но, концентрируя подлейшие черты: собственничество, стяжательство,— Скуратов стремится приспособиться, превратить невыгодные для него обстоятельства в выгодные. Он пытается шантажировать Щеглова, пугая ответственностью за пощечину.

Есть и еще один аспект исследования темы драматургом и театром... Вина окружающих, в том числе и самого Щеглова, в том, что все же произрос такой вот Скуратов на нашей почве, пусть крайне неблагоприятной для него!.. Секретарь партбюро доктор Огуренкова и сейчас хотела бы замять происшедшее. Дело неприятное, говорит она: Скуратову предстоит диссертацию защищать, Щеглову — отмечать свое шестидесятилетие... Однако же Щеглов дело замалчивать не собирается! Более того, он осуждает себя за то, что, научившись проникать «в самые глубины глазного дна», не научился «заглядывать человеку в душу». Зато пощечиной он «выразил свое отношение к личности Скуратова в прямом и в переносном смысле...».

Г. Менглет, которого с полным на то основанием мы можем особо выделить среди превосходного актерского ансамбля, играет Щеглова человеком мягким, душевным, но в то же время непреклонным. Ценой осуждения своей внутренней слепоты куплено героем право на пощечину. И переубедить его в этом праве невозможно.

Автор и театр далеки от ханжества и дидактизма: они не путают взятку с букетом цветов или коробкой конфет — знаками человеческой признательности. На сцене царит естественная, непринужденная атмосфера доброжелательства, в которой обыденное уживается с высоким, грустное со смешным... Кроме Г. Менглета и В. Васильевой (в роли жены Щеглова), успеху спектакля немало способствуют Р. Ткачук, зло играющий Скуратова, и О. Солюс — Чельцов, искренний друг семьи Щегловых.

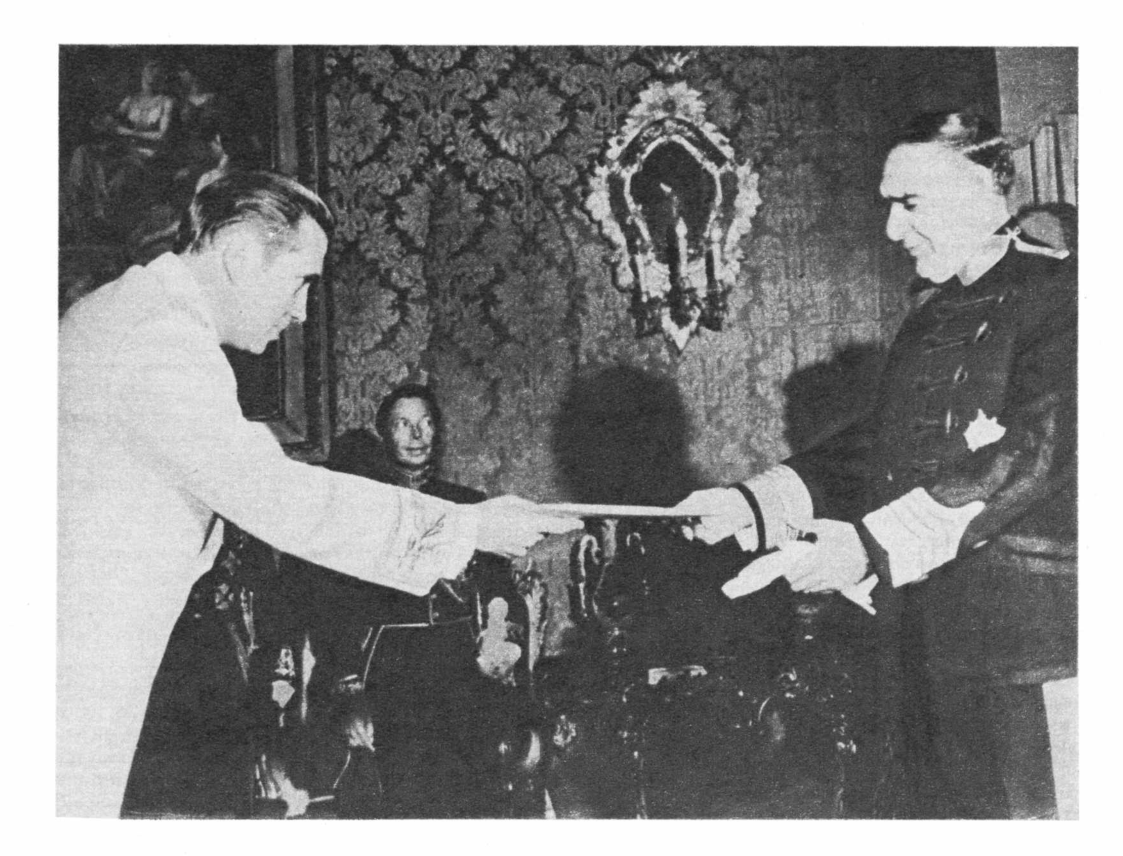
Театр и драматург дают пощечину злу. Пощечину звонкую и умную.

Н. Корниенко и Г. Менглет в спектакле «Пощечина».

Фото В. Петрусовой.

Советский посол А. И. Калинин вручает верительные грамоты президенту Португалии Антонию ди Спиноле.

Николай ПАСТУХОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

ПОРТУГАЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ

Самолет авиакомпании ТАП, совершающий рейсы между Парижем и Лиссабоном, был заполнен в основном португальцами. Все они страстно между собой что-то обсуждали. Причину их взволнованности объяснил мой сосед:

— Мы эмигранты из фашистской Португалии. После апрельских событий с нетерпением ждали августа — месяца отпусков во Франции, где многие из нас живут уже долгие годы. Я, например, не был на родине десять лет.

— Вы собираетесь остаться в Португалии?

— Очень хотелось бы. Но все будет зависеть от того, найду ли я работу и квартиру для семьи. Страна переживает сейчас трудное время. Вот почему мы все сейчас так взволнованы.

— Можно будет с вами повидаться в Лиссабоне и узнать, какое вы примете решение?

— Да, конечно. Позвоните по этому телефону, и вам скажут, где найти Франциско Патричио.

В ВЫСШИХ ИНТЕРЕСАХ

«Боинг-727» зашел на Лиссабон с Атлантики, резко пошел на снижение и, перепрыгнув через дельту реки Тежу, побежал по дорожке, остановившись прямо у стеклянного аэровокзала. Меня встретил корреспондент ТАСС Эдуард Ковалев — первый советский журналист, аккредитованный при правительстве демократической Португалии.

— Скорее едем в наше посольство,— сказал он.— Тебе здорово повезло! Сегодня советский посол вручает президенту Республики верительные грамоты. Не опоздать бы!

Лиссабон расположен на холмах. Поэтому наше такси то и дело карабкалось вверх или стремительно спускалось вниз. Проспекты и паутина узких улочек, по которым движутся допотопный трамвай, современные, элегантные даблдеккеры — двухэтажные автобусы, юркие малолитражные автомобили всех марок мира. На центральной авениде Либердаде останавливаемся у гостиницы «Тиволи».

— Здесь в нескольких номерах,— говорит Эдуард Ковалев,— живет и работает наше посольство. Временно, конечно, пока не подыщут соответствующего помещения.

В номер пресс-атташе, где весь пол, стол, кровать и этажерки завалены португальскими газетами, московскими коробками с литературой и канцелярскими принадлежностями, где непрерывно надрывается телефон, входит советский посол Арнольд Иванович Калинин. Молодой, энергичный дипломат, проработавший много лет на Кубе, впервые в своей жизни назначен послом, да еще в такую неведомую страну, как Португалия.

— Мы здесь,— сказал он,— чувствуем себя примерно так же, как первые советские дипломаты в Генуе. Ведь после Великой Октябрьской социалистической революции между СССР и Португалией не существовало дипломатических отношений. Сегодня открывается первая страница в истории советско-португальских отношений.

Ритуал вручения верительных грамот проходил красочно и торжественно. Вечером вся Португалия смотрела это историческое событие по телевидению, а на следующее утро газеты отвели ему видные места.

Через несколько дней помощник премьер-министра Португалии сообщил мне, что Васку Гонсалвиш согласился принять корреспондента журнала «Огонек».

...Пока премьер-министр заканчивал свои неотложные дела, я беседовал с одним из сотрудников его аппарата в приемной.

— Васку Гонсалвиш,— рассказывал он,— родился 3 мая 1921 года. В 1942 году окончил инженерный факультет военной академии. В звании полковника стал премьер-министром второго временного правительства. Один из руководителей координационной комиссии «Движения вооруженных сил» и Государственного совета, состоящего из 21 члена. Именно этот совет отказался удовлетворить требование предыдущего премьер-министра Карлуша, который хотел перенести президентские выборы на более ранний срок.

— Как сложилась судьба Карлуша?

— После того, как он был смещен с поста, Карлуш возглавил новую партию. Но через некоторое время за его правые убеждения члены этой партии сместили Карлуша с руководства и вообще убрали из своих рядов.

В комнату вошел Васку Гонсалвиш и сказал, что готов выполнить две неприятные миссии — позировать перед фотоаппаратом и отвечать на вопросы журналиста. Затем, улыбнувшись, добавил: надо решать много дел, и очень важных дел. Сказал, что напишет короткое послание читателям нашего журнала, которое можно будет получить у его помощника.

Через несколько дней мне вручили послание Васку Гонсалвиша читателям журнала «Огонек»:

«В момент, когда впервые установлены дипломатические отношения между Португалией и Советским Союзом, я приветствую советский народ и желаю, чтобы между нашими странами развивались во всех областях узы доброго сотрудничества и дружбы на основе взаимности и высших интересов обоих народов и мира во всем мире.

Васку душ Сантуш Гонсалвиш
24.8.74».

В длинном тихом коридоре второго этажа правительственной резиденции, неподалеку от кабинета премьер-министра, находятся кабинеты его заместителей. Один из них принадлежит Генеральному секретарю Португальской коммунистической партии Алваро Куньялу. Имя этого легендарного человека хорошо известно в Португалии. До сих пор всем памятен его смелый побег из салазаровской тюрьмы — крепости Пенише, совершенный 3 января 1960 года.

За всю историю португальского фашизма никому еще не удавалось совершить побег из Пенише. Защищенная огромной каменной стеной и рвом, мрачная крепость высится на берегу океана у ры-

бацкого поселка. Побег был назначен на воскресенье. Куньял и его товарищи находились на третьем этаже крепости. Им помогал молодой стражник. Лил дождь. Надо было соскользнуть вдоль первой стены высотой в шесть метров, перейти из одной галереи в другую, двигаться по-пластунски, затем преодолеть внешнюю стену. Любой промах грозил смертью. Первым преодолел препятствие Алваро Куньял, а затем все десять его товарищей. В рыбацком поселке все было готово для того, чтобы скрыть и вывезти из Пенише героев-коммунистов. Фашистский диктатор Салазар, узнав о побеге, пришел в ярость и жестоко наказал директора ПИДЕ — (португальская тайная полиция). После побега Куньял по приказу партии оставался еще два года в португальском подполье. Попытки ПИДЕ напасть на его след оказались тщетными. Коммунистам Португалии всегда помогал народ.

Алваро Куньял окончил юридический факультет Лиссабонского университета. Впервые он оказался в тюрьме, когда сдавал свои последние экзамены. Профессором, принимавшим экзамен (такова ирония судьбы), был Марселу Каэтану, сменивший позднее Салазара на диктаторском посту в Португалии. Во время гражданской войны в Испании Алваро Куньял сражался в рядах интернациональной бригады.

Португальская коммунистическая партия была создана в 1921 году. С 1926 года по 25 апреля 1974 года находилась в подполье. С 1931 года также в подполье начала выходить газета «Аванте» — орган ЦК ПКП. В марте 1949 года, когда Португалия форсировала военные приготовления,— газета «Аванте» опубликовала заявление ЦК ПКП. В нем говорилось: «Португальский народ не поднимет оружия против СССР и Советской Армии. Португальский народ видит в СССР и в странах народной демократии своих великих союзников».

Шло время, 25 апреля 1974 года португальский фашизм был выброшен на свалку истории «Движением вооруженных сил». Коммунистическая партия, социалистическая и другие политические партии вышли из подполья. В состав коалиционного временного правительства были включены руководители всех ведущих политических партий Португалии.

...И вот я сижу в кабинете товарища Алваро Куньяла. Он встает из-за стола в светло-голубой с расстегнутым воротом рубахе. Его лицо с орлиным профилем, будто высеченное из гранита, светится молодой, совсем юношеской улыбкой, и только густая копна седых волос говорит о прожитом и пережитом.

В кабинете заместителя премьер-министра тоже каждая минута на учете. Непрерывно звонят телефоны. В приемной посетители. График различных заседаний. По вечерам выступления на митингах в Лиссабоне и других городах Португалии.

Товарищ Алваро Куньял также пожелал написать несколько слов советским людям через журнал «Огонек». Он сосредоточенно правит уже написанное и, обращаясь ко мне, говорит по-русски: «Не так просто написать коротко, когда хочешь сказать многое». Наконец послание готово. Вот его текст:

«Пламенный привет от португальских коммунистов и всего португальского народа советскому народу, другу и брату, который в течение всех долгих лет фашизма постоянно оказывал нам и продолжает оказывать сейчас в сложный период становления демократии активную, горячую солидарность.

Искренне желаю, чтобы в новых условиях успешно развивались и крепли узы дружбы и сотрудничества между Португалией и Советским Союзом.

Алваро Куньял.
19.8.74 г.»

В конце авениды Либердаде — шумном торговом центре Лиссабона — в светло-желтом здании расположилось министерство информации Португалии. На первом этаже — международный пресс-центр. У телефонов и телексов журналисты разных стран передают в редакции газет и агентств свои сообщения из Лиссабона. Вслушиваешься в их слова и понимаешь, как по-разному освещаются события в этой маленькой стране, пережившей пятидесятилетнее иго фашизма, искалечившего умы людей, экономику и жизнь всей страны. Можно подумать, судя по некоторым сообщениям западных журналистов, что в Португалии нет «страшнее зла», чем трудящиеся этой страны и их боевая коммунистическая партия. А то, что реакция еще не разбита, что она плетет сеть заговоров и саботажа против молодой страны, которая ищет пути новой жизни,— все это, естественно, замалчивается некоторыми западными журналистами. Но большинство корреспондентов из стран Азии, Африки, ряда газет Европы и Латинской Америки передают из Лиссабона объективные сообщения, свидетельствующие о понимании сложных процессов, которые происходят сейчас в стране.

Генеральный директор департамента информации, капитан военно-морских сил Руи Карлос Фрейе Монтез сказал мне, что Португалия нуждается в объективном освещении политической обстановки в стране. «Движение вооруженных сил» настроено решительно и делает все для того, чтобы вывести страну на путь подлинно демократического развития.

Касаясь отношений между нашими странами и народами, капитан Фрейе Монтез сказал:

— Я приветствую первые официальные контакты по линии информации и культуры, установившиеся между нашими странами, и надеюсь, что они будут дружественными и плодотворными. Пользуюсь случаем, чтобы передать советскому народу выражение своих симпатий.

ЗАНОЗУ МОЖНО ВЫРВАТЬ

Когда бродишь по Лиссабону и встречаешься с рядовыми людьми этой страны, то невольно подмечаешь то пагубное наследие, которое оставил фашизм пробудившейся к новой жизни Республике. На улицах много нищих. Еще сравнительно молодые люди, но уже калеки, слепые. Откуда они? Почему их так много в Лиссабоне? Большинство нищих — это инвалиды колониальных войн, которые на протяжении последних 13 лет вел фашистский режим Португалии.

До знаменательных событий 25 апреля в Португалии был самый низкий жизненный уровень среди европейских стран, детская смертность достигла 58 на тысячу человек, 35 процентов населения не умели ни читать, ни писать. В колониальных войнах за 13 лет страна потеряла 60 тысяч человек убитыми и тяжелоранеными, десятки тысяч людей стали инвалидами. Война поглощала 46 процентов государственного бюджета, что ставило экономику страны на порог полного краха. В 1973 году инфляция португальского эскудо достигла 20 процентов.

Крупная буржуазия Португалии, и особенно ее «шесть семейств», сосредоточившие в своих руках основные капиталы страны, а также компании, имеющие обширные интересы в Африке, естественно, встретили в штыки прогрессивные перемены. Они начали вывозить за границу свои капиталы, закрывать фабрики и заводы, увольнять рабочих. Правительство новой Португалии столкнулось с дополнительными трудностями, которые начали ловко использовать крайне правые элементы, а также троцкистские, маоистские и другие левацкие группировки. Недовольство населения, вызванное повышением цен, они хотели направить в русло борьбы против демократизации португальской жизни. Правительство, возглавляемое Васку Гонсалвишем, предприняло ряд мер для того, чтобы положить конец этой подрывной деятельности. Оно предоставляет независимость бывшим португальским колониям, установило минимальный уровень зарплаты для трудящихся, заморозило цены на продовольственные и промышленные товары, привлекло к сотрудничеству мелкие и средние капиталы, страдавшие в свое время от засилья крупных монополистических объединений, создало благоприятный климат для иностранных вкладчиков капиталов и равноправного, взаимовыгодного сотрудничества со всеми странами.

«Экономические трудности, оставленные в наследство фашизмом,— пишет газета «Аванте»,— угрожают стране серьезным спадом, кризисом во многих областях и массовой безработицей. Экономическим кризисом со всеми его социальными и политическими последствиями может воспользоваться только реакция. Поэтому поддержание экономики — в жизненно важных интересах трудящихся и всех демократических сил. Правительство приняло и принимает ряд мер, направленных на стабилизацию экономического положения в стране».

В настоящее время в стране идет активная подготовка к выборам Учредительного собрания. Выборы должны состояться в марте будущего года. Учредительное собрание выработает новую конституцию демократической Португалии, в соответствии с которой страна начнет строить свое будущее.

Недавно завершила работу специальная правительственная комиссия по подготовке проекта нового избирательного закона. Он предусматривает, что права избирать и быть избранными будут лишены бывшие служащие и руководители фашистского режима, в том числе сотрудники бывшей охранки — ПИДЕ, ее информаторы, члены «португальского легиона», бывшие министры. Право избирать имеют все португальцы, достигшие 18-летнего возраста, отменяется ценз грамотности, который закрывал путь к избирательным урнам миллионам граждан страны.

Демократические силы Португалии уже развернули активную подготовку к мартовским выборам. На митингах подчеркивается необходимость укрепления единства прогрессивных сил, союза народных масс с «Движением вооруженных сил», выдвигается требование лишить контрреволюционные элементы возможности ведения подрывной деятельности.

— Наступило время,— заявил Генеральный секретарь ПКП товарищ А. Куньял на митинге, проходившем недавно в городе Пенише,— принять меры против этой преступной пропаганды. Необходимо защищать завоеванные нами свободы, одновременно следует защищать уважение к демократическому порядку и к правам граждан.

Как бы глубоко заноза фашистского ядовитого наследия ни сидела в теле Португалии, прогрессивные силы страны в состоянии вырвать ее.

В Лиссабоне я побывал в редакции газеты «Република». Ее главный редактор Рауль Рего сказал, что «Република» призывает своих читателей к объединению на самой широкой демократической основе. Ведь в годы фашизма демократы Португалии единым строем боролись против ненавистного режима. Это единство необходимо сохранить и сейчас. Рауль Рего отметил, что он глубоко верит в светлое будущее своей многострадальной родины, верит в развитие добрых отношений между португальским и советским народами, ибо португальцы всегда питали и питают огромное уважение к Стране Советов — маяку социаль-

Лиссабон.

Политический репортер коммунистической газеты «Аванте» Рибейро.

Белые павлины в старом Лиссабоне.

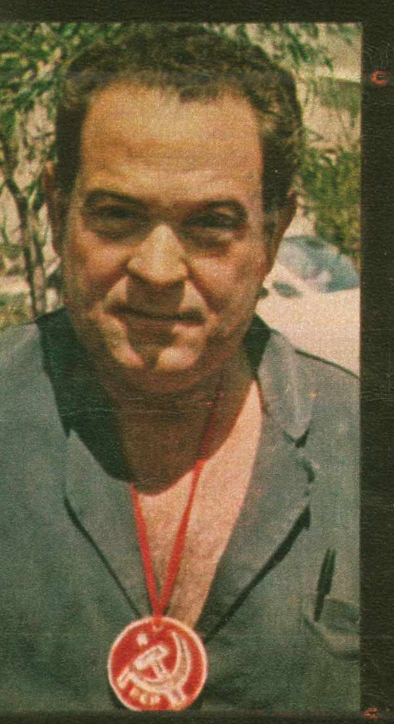
Отсюда, с места этого мемориала, отправлялись в дальние морские плавания каравеллы Васко да Гамы, Магеллана и других великих путешественников Португалии.

Богата красками природа Португалии.

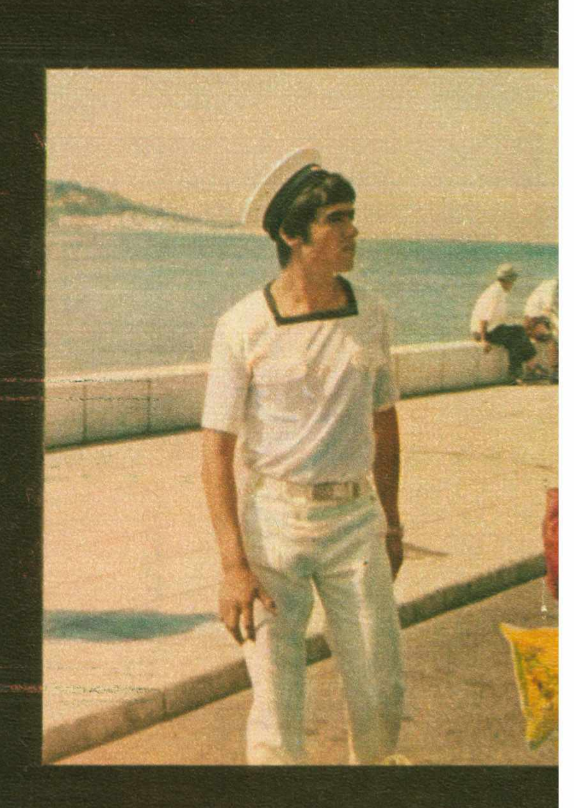

Sumol
Sumol
Sumol

BAZA
Centro

Hertz

ной и интернациональной справедливости.

НА ЗАВОДЕ «КОНСТРУКТУРА МОДЕРНА»

Мы сидели в кабинете редактора новостей газеты «Аванте». Здесь же находилась корреспондентка западногерманской коммунистической газеты «Унзере цайт» Барбара Шиллинг.

— А что, если нам,— сказал репортер «Аванте» Рибейро,— сделать совместный репортаж о заводе металлоизделий «Конструктура модерна», который находится в городе Амора?

— Блестящая идея! — воскликнула Барбара Шиллинг.

— Но когда?— спросил я.

Улыбнувшись, Рибейро сказал, что надо ехать немедленно, так как на заводе нас уже ждут. И вот мы мчимся по узким улочкам Лиссабона, проезжаем удивительно красивый мост через дельту реки Тежу. Лиссабон с его древними замками, дворцами, крепостями, с кое-где появившимися ультрасовременными зданиями остается позади. По другую сторону дельты расположились фабрики и заводы и почерневшие от копоти и пыли небольшие городки, где живут португальские трудящиеся. Наконец Амора. Поворот, и мы на территории завода «Конструктура модерна». «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствуют коммунисты Западной Германии!» — непрерывно скандируют собравшиеся у завода люди. Нас приглашают в административный корпус на заседание комитета заводской профсоюзной организации. Мы задаем нашим хозяевам вопросы.

Барбара Шиллинг. Сколько на заводе работающих?

Секретарь комитета Франциско да Глориа. 800 человек, не считая администрации.

Барбара Шиллинг. Какова квалификация рабочих?

Франциско да Глориа. 65 процентов высококвалифицированных рабочих.

Барбара Шиллинг. Как строятся ваши отношения с предпринимателем?

Франциско да Глориа. Он дальнозоркий человек. С нами после 25 апреля не хочет ссориться. Мы требуем заменить старое оборудование, ввести технику безопасности, улучшить условия труда. Он отвечает, что согласен все это осуществить, как только заключит контракты с социалистическими странами.

Барбара Шиллинг. Представителен ли ваш комитет?

Франциско да Глориа. Вполне. В его состав входят рабочие всех цехов завода.

Барбара Шиллинг. Много ли среди рабочих желающих вступить в ряды ПКП?

Франциско да Глориа. Очень многие хотели бы вступить в ПКП. Но принимаются самые лучшие, достойные и преданные.

Наступает моя очередь. На вопросы отвечает тот же Франциско да Глориа.

— Что вы знали о Советском Союзе до 25 апреля?

— За одно только слово «СССР» можно было сразу угодить за решетку. Но сведения о Стране Советов мы получали. В подполье выходила «Аванте». Она информировала нас обо всем, что происходит в Советском Союзе. Эти сведения доходили даже до людей, находившихся в тюрьмах.

— Нет ли среди вас тех, кто сидел в фашистских тюрьмах?

Франциско да Глориа широко обвел рукой всех присутствующих и сказал:

— Почти все, кто находится за этим столом, включая и меня. Поговорите сначала с Кустодио де Джесус.

— Как и когда вы попали в тюрьму?

— Я служил,— отвечал Кустодио де Джесус,— в военно-морском флоте Португалии. Вступил в компартию. Один негодяй с корабля написал на меня донос в ПИДЕ. В 1969 году меня арестовали.

— Как вас содержали в тюрьме?

— Во-первых, ПИДЕ не удалось заключить меня в свой каземат. Этого не допустили офицеры корабля. Как военного моряка меня препроводили в тюрьму португальского флота... Приближалось 100-летие Ленина. Мы решили в заключении торжественно отметить этот день. По тюрьме тогда дежурил офицер, с которым я когда-то плавал на одном корабле. Он сделал вид, что не заметил нашего собрания, посвященного великой дате, и не сообщил о нас начальству. Недавно я слышал, что этот офицер был одним из активных участников «Движения вооруженных сил».

— Теперь,— предложил Франциско да Глориа,— поговорите с одним из самых популярных у нас коммунистов, Антонию Алемэу. Он сидел не только в тюрьме, но был сослан в концлагерь смерти Таррафал.

— Я,— начал свой рассказ Антонию Алемэу,— служил в армии. Создал в своем подразделении коммунистическую ячейку. Об этом пронюхали агенты ПИДЕ. В 1942 году попал в тюрьму Пенише, куда позднее был заключен товарищ Алваро Куньял. На первом же допросе меня хотели подвергнуть экзекуции «статуя»: голого человека привязывают к стене и избивают плетьми. Недолго думая, я схватил трех охранников, вырвал у них плети и сам подверг их экзекуции. С тех пор я попал в число «особо опасных» заключенных. Чего только со мной не делали! Сначала мне не давали спать. Как только я закрывал глаза, меня били в живот, грудь и по другим частям тела. Особенно сильно били тогда, когда я заявлял, что не признаю ПИДЕ как орган правосудия. Они постоянно угрожали пристрелить; ставили к стенке и стреляли над головой — это тоже психологическая пытка. У меня начались галлюцинации, визуальные и слуховые. Очень часто мне слышались ужасные крики и стук хлыста по телу. Психические пытки и запугивания усилились. В результате этого кошмара я почти потерял представление о времени и месте. Но природа меня наградила огромной силищей. Прошло, кажется, четыре-пять лет — и снова как-то во время пыток я оказал сопротивление. За этим последовала отправка в лагерь смерти Таррафал. С утра до вечера мы работали в тени деревьев, обтачивая камни. У моего товарища пошла кровь из горла. Он попросил охранника на время болезни освободить его от работы. Но охранник закричал: «Освободить от работы?! Будешь работать под открытым солнцем!» Среди заключенных прошел гул. Тогда я встал, подошел к охраннику и сказал: «Можно, я буду работать на солнце вместо него? Ведь он очень болен!» Охранник воскликнул: «И ты пойдешь с ним!» На второй день мой товарищ умер, а я, отбыв свой срок, вернулся к остальным...

После беседы в комитете мы идем по цехам. Завод работает с полным напряжением механических и человеческих сил. На стенах плакаты, лозунги. В сварочном цеху огромный плакат: «Устранить фашистские элементы из администрации завода!» В механическом висит листовка: «Вступайте в ряды Португальской коммунистической партии! Это честь, долг и воля всех, кто желает демократического строя!» Прогудела сирена. Обеденный перерыв. Нас приглашают в рабочую столовую. Франциско да Глориа объявляет, что в столовой находятся гости из СССР и коммунистка из Западной Германии. Сердечные приветствия. Франциско да Глориа зачитывает послания от имени коллектива «Конструктура модерна» рабочему классу Советского Союза и Федеративной Республики Германии, которые просит передать через журнал «Огонек» и газету «Унзере цайт». Вот текст одного из этих посланий:

«Рабочие предприятия «Конструктура модерна» через журнал «Огонек» шлют самый горячий, братский привет всем трудящимся Советского Союза».

Вечером того же дня мы посетили город Алмаду, где в большом спортивном зале школы Дона Антонию да Кошта состоялся митинг, посвященный памяти Алфредо Денижа (партийная кличка «Алекс»), рабочего компании «Пэрри и Сын», члена ЦК ПКП, зверски убитого агентами ПИДЕ в 1945 году. На митинге выступали боевые друзья и соратники Алекса. На трибуне появляется Генеральный секретарь ПКП Алваро Куньял.

— Перед лицом прежнего врага, хотя и вынужденного сменить тактику и применять другие формы и методы борьбы,— сказал Алваро Куньял,— высокие качества бойца, человека и коммуниста, которыми в такой полной мере обладал товарищ Алфредо Дениж, по-прежнему необходимы. Дорога до полной победы демократического строя будет трудной, но, если нам удастся сохранить единство демократических сил, мы построим новую Португалию.

День памяти Алфредо Денижа проходил также и в Лиссабоне, где в его честь состоялась манифестация на кладбище Алту де Сан Жоан, в которой участвовали рабочие-металлурги, его бывшие товарищи по борьбе.

В эти дни в Лиссабоне произошло событие, которое всколыхнуло всю Португалию. Около 600 бывших сотрудников ПИДЕ организовали в тюрьме бунт. Они захватили часть помещения и, забравшись на крышу, через мегафоны потребовали прибытия к тюрьме иностранных журналистов и предоставления им свободы. Позднее населению Лиссабона стало известно, что таинственные покровители ПИДЕ, гуляющие на свободе, посылают в тюрьму ящики с первосортными продуктами, виски, винами и деликатесами. Эти сообщения вызвали широкий протест в португальской столице. ЦК ПКП опубликовал коммюнике, в котором потребовал проведения немедленного расследования обстоятельств, при которых оказался возможным бунт бывших агентов ПИДЕ, ускорения судебного процесса над ними и принятия мер против заговоров и провокаций контрреволюционеров. Еженедельник «Эспресу» выступил со статьей, в которой задает вопросы: кто так тщательно подготовил «бунт» бывших сотрудников ПИДЕ, кто создал условия, чтобы заключенные захватили ключи от помещений тюрьмы и мегафон, использовавшийся ими для ведения пропаганды во время их «бунта»? Ответ на эти вопросы разъяснит все загадки, заключает газета.

Однажды вечером, проезжая мимо лиссабонской тюрьмы, я увидел, что она окружена огромной толпой. На вопрос, что здесь происходит, мне ответила женщина средних лет с бело-голубой повязкой на руке:

— Это добровольный патруль народа, людей самых разных политических направлений, который контролирует, чтобы в тюрьму не поступали никакие передачи агентам ПИДЕ, чтобы они не выкинули еще каких-либо провокаций...

* * *

В день отъезда из Лиссабона я разыскал Франциско Патричио, с которым летел в одном самолете из Парижа.

— Какое же вы приняли решение?

— О,— ответил он,— я сомневался, найду ли работу и жилье, но дело не в этом. За то и другое надо бороться именно здесь, в Португалии.

В моду входит одежда, которая воспроизводит старинные национальные орнаменты.

Сельская прачечная.

Коммунист Антониу Алемэу, томившийся в фашистских застенках до 25 апреля 1974 года.

Так начинается утро в Лиссабоне.

Представители вооруженных сил Португалии — герои дня.

Знаменитые португальские кустарные изделия.

В Лиссабоне очень жарко...

ДЕЛО О ТЕЛЕФОННЫХ ЗВОНКАХ

Руфь ЗЕРНОВА

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. Ушакова.

I

Следователь Всехсвятский смотрел на посетительницу и сердился: какому хулигану понадобилось запугивать эту семью?

В том, что действовал хулиган, у Всехсвятского почти не было сомнений. Преступники даже в романах нечасто предупреждают жертву, а в жизни — и того реже.

Предположить, что действует шайка и кто-то из ее членов имеет по этому поводу свое особое мнение? Неизвестный доброжелатель? Пожелал предупредить, не выдавая никого?

Но тут никто не предупреждал, тут именно запугивали.

— Повторите еще раз, что именно вам говорили,— сказал он.— И держитесь поближе к тексту, пожалуйста.

— Я и так держалась довольно близко к тексту,— сказала посетительница.— За исключением ругательств. Или их тоже необходимо повторить?

— Да нет, необязательно,— сказал Всехсвятский, думая, что мужчину он заставил бы повторить все дословно.

— Вот вам текст,— сказала она.— «Это квартира Соколовского?— Да!— А это кто — его жена?— Нет, его дочь.—Ах, дочь! Так вот, знайте: этому гаду, вашему папаше, недолго осталось гулять на свете. Отжил он.— То есть как?—А так. Отжил он, не жить ему больше: пусть считает дни». Дальше ругательства. Я повесила трубку.

— А во второй раз?

— Во второй раз: а, это опять вы! Ну, мы вашего папашу скоро прикончим. Убьем и фамилии не спросим. И еще один раз... Примерно то же самое.

— Да,— сказал Всехсвятский.— Голос вам незнаком, конечно?

— Незнаком, конечно.

— Может, мальчишки забавлялись? Начитались детективов...

— Они бы ржали. И голоса были бы разные, а тут все время один.

— Да,— сказал Всехсвятский.— Скорее всего хулиганство. Вы сказали отцу?

— Ни ему, ни маме. Зачем я буду их пугать?

— Да-а,— протянул Всехсвятский рассеянно.— Конечно, зачем их пугать?

Они помолчали. Потом он спросил, на всякий случай, потому что так полагалось:

— А нет ли у вас лично персональных каких-нибудь догадок... Ну, скажем, кто-нибудь что-нибудь имеет против отца или против вас...

— Насчет врагов?— она усмехнулась, выговорив это слово. —У меня врагов нет. Слишком я ничтожная величина!

Она вызывающе вздернула голову.

— А у отца... Конечно, могут быть люди, которые на него обижены. Он главный бухгалтер. Но врагов, думаю, у него нет.

Она опять усмехнулась.

— Друзей, впрочем, тоже. Он, знаете, очень замкнутый человек.

— И дома тоже?— спросил Всехсвятский.

— И дома тоже. С тех пор... Ну, после этих звонков, я стала заходить за ним на работу. На всякий случай. Мало ли что? Парадная у нас темная, все время перегорают лампочки, то на одном этаже, то на другом. Мы живем на четвертом.

— А по вечерам он не уходит?

— Нет, читает газеты, смотрит телевизор. По вечерам я практически спокойна. Только уйти никуда не могу из-за этого телефона. Все время кидаюсь на звонки. Родители уже думают невесть что.

Всехсвятский взглянул на ее правую руку, без кольца,— она поймала его взгляд.

— Я разведена. Так вот, я тоже думаю, вообще говоря, что это — телефонное хулиганство. Дайте совет, что сделать, чтобы его прекратить. Если оно еще повторится.

— Обязательно,— сказал Всехсвятский.— А кто вам посоветовал обратиться сюда?

— Никто. Я сама.

— Да. Ну так вот, в следующий раз, если, конечно, будет следующий раз, вы не вешайте трубку. Вы меня поняли?

— Поняла.

— А сами бегите к соседям, у них есть телефон? И звоните вот по этому номеру...

Он написал номер на чистой библиотечной карточке и протянул ей.

— Скажете, что вас беспокоят хулиганы. Потом позвоните мне сюда. Или домой. Вы меня поняли?

— Поняла. Вы их найдете?

— Вероятно.

— И скажете мне, кто звонил?

— Не исключено.

Всехсвятский замолчал. Она поняла, что разговор окончен, поднялась, положила на стол свой пропуск. Всехсвятский сказал:

— Минуточку. Значит, звонили вам три раза. С каким промежутком между звонками примерно?

— Ну... Это продолжается недели три... Первый раз еще в октябре. Я тогда... не то, что не придала значения, но не думала, что это может повториться. Но примерно через неделю был второй звонок. И три дня назад... нет, четыре — в четверг это было — третий.

— И вы никому не говорили про эти звонки?

Она подумала.

— Нет, практически никому.

— Практически,— сказал Всехсвятский.— А фактически?

Она посмотрела на него искоса, чуть исподлобья:

— Фактически — вот, вам рассказала.

«Не только мне ты рассказала, конечно,— подумал Всехсвятский, когда дверь за ней закрылась.— Кто-то ждет тебя, наверное, внизу, или в бюро пропусков, или на улице. Хотя на улице холодно. Наверное, он же и посоветовал тебе сюда обратиться. В общем, мне дела до этого нет».

Он поглядел на свою запись разговора. Там стояло: Соколовская Алла Никодимовна, г. р. 1946, геолог, прож. ул. Мартыновская, дом..., квартира..., телефон... и внизу, мелким почерком: «Телефонное хулиганство».

Зазвонил телефон. Он прижал трубку плечом («Всехсвятский слушает!») и стал тщательно, фигурно зачеркивать последнюю строчку. Звонили из Киева, по делу артиста Ковалева, у которого таинственно исчезла жена. Николай Иванович Грищенко, старый товарищ, еще фронтовой, сообщал, что был или не был Ковалев в Киеве,— самолетом он оттуда не улетал. По крайней мере билета на свое имя не брал. Всехсвятский сказал:

— Был у тебя, был. Информация плохо поставлена у тебя, чтот-ты!

Грищенко стал возмущенно оправдываться. Всехсвятский сказал:

— Конечно, мог и поездом вернуться. Факт тот, что уехал с чемоданом, а вернулся без. Понял? Вот то-то... Да и я так думаю... Ничего не находили? А он мог и в Святошино податься или в Ирпень... Мы на лодочке катались, знаешь?.. Да, пусть пошуруют, пусть. Нюхом чую, что где-то там у вас есть хвост, а поймать — никак! Так ты хоть поддержи морально...

Вернулись с обеда сотрудники, Щавинский и Никулин. Всехсвятский поговорил с ними о деле Ковалева. Потом Щавинский спросил:

— Это что за деловая дама к тебе приходила? Интересный кадр, между прочим. Так что у нее?

— Ерунда,— сказал Всехсвятский.— Кто-то попугать их хочет, звонит по телефону, грозится убить.

— Ее убить?

— Нет, отца.

— А кто отец?

Всехсвятский рассказал. Витя Никулин, погрузившийся в изучение плана местности вокруг склада, где произошло на днях вооруженное ограбление, поднял глаза и фыркнул возмущенно:

— И с такой ерундой сюда ходить? Кто ее надоумил, интересно?

— У дамочек всегда есть кому надоумить,— заметил Щавинский.

— Она не дамочка, она геолог,— сказал Всехсвятский.

— Ишь ты! Сразу видно — деловая. Что ж она в городе сидит, не ищет алмазы в Якутии или что там...

— Зима же!— сказал Всехсвятский.— Зимой они в конторе свои данные обрабатывают.

Вечером дома Всехсвятский думал о «деле об исчезновении жены артиста Ковалева». Туфельки, туфельки, тридцать пятый номер, импортные, английские, новенькие,— откуда они в этой квартире? Жена Ковалева носила тридцать седьмой. Если кто-нибудь из ее подруг их оставил — почему не забирает? А они стоят и стоят, и молчат, и ничего не рассказывают. Надо было, может быть, взять их как вещественное доказательство. Вещественное доказательство — чего?

А Ковалев, между прочим, летал-таки в Киев на один день. Это установлено. Объясняет, что у него идут переговоры со студией Довженко — правильно, они проверили, идут у него переговоры... Только почему раньше он этого не говорил? И зачем брал с собой большой чемодан, если ехал всего на один день? Соседи видели его с большим чемоданом. А в доме у него большого чемодана нет. Нет и нет! Обленился Грищенко, и ребята у него стали какие-то нерасторопные, ничего не находят.

А при чем тут туфельки?

Это Витя Никулин обратил его внимание на туфельки. Говорит: «Гень Иваныч, у меня интуиция». Правильно, бывает интуиция. Интуиция — дело индивидуальное. Вырастает из опыта. У него, Всехсвятского,— из опыта. Шестнадцать лет работы, если считать после перерыва только. А Витя Никулин — новый работник. Однако интуиция есть. Из чего выросла? Из книжек? Из желания выдвинуться? В общем, если эти туфельки что-нибудь значат, надо уходить на преподавательскую работу. Вот так.

Сейчас самое бы время, чтобы постучали в дверь: дорогой, иди ужинать.

Тоска об умершей жене, загнанная в тайники сознания, задавленная повседневностью, мыслями о работе, смутными мечтаниями, вдруг вырывалась в форме вот таких безобидных жалоб; надо же, и ужинать никто не позовет!

Два года прошло с ее нелепой смерти. Около года она болела, потом умерла, и сделать ничего нельзя было. При нынешнем состоянии науки — ничего.

Три года назад они ездили в Грузию. Объездили всю республику, даже в Сванетии побывали... И, наконец, обосновались в Сухуми. В белой гостинице над морем. На моторках плавали в Новый Афон. Не моторки то были, а эти... на подводных крыльях, как они называются... Склероз. Счастливый то был отпуск. На следующий год они решили — в Армению.

При нынешнем состоянии науки ничего нельзя было сделать. И все-таки, когда она стала жаловаться, надо было сразу ее показать этому знаменитому, как его... а не бояться. Чего боялись? И потом она хотела в филармонию, а он ее не повел, боялся, что ей станет там плохо. А она говорила — положительные эмоции... Да не сосчитать всех случаев, когда он должен был или мог бы, но ничего не сделал.

Он привык быть один. Привык, что сын не звонит — у него своя жизнь. То есть как это не звонит? Звонит иногда. И в гости зовет. И периодически советует перейти на преподавательскую работу.

— Охота тебе, папа, болтаться в житейской грязи? Уже пришла пора обобщать опыт. Двигать теорию.

Еще бы! Давно уже пришла пора. Вот только закончит он дело Ковалева и передаст лиру Никулину. Тем более он такой способный. Она у него есть-таки, интуиция.

Вообще же идеи насчет преподавательской работы не Женькины, наверняка. Это Машенька. Это ей надо. Кто ваш свекор? Он в университете преподает... И все. А то — следователь! Старый человек — следователь. Не звучит. А ей надо, чтобы звучало. Без этого ей нет счастья.

Счастье, счастье... Если ты нужен кому-то, кто и тебе нужен,— вот оно, счастье. А все прочее чтоб звучало. Все-то мы приукрашиваем, все-то нам недостаточно красиво. Все утешаем себя, утешаем...

II

Что же это такое? Неужели опять все начнется сначала?

Он шел с ней рядом и говорил:

— Я ведь могу стать другим. Если ты поверишь мне, в самый последний раз, я все могу. И ты знаешь, тебе никого не надо, кроме меня. Ты только мне поверь в самый последний раз.

Год назад — еще только год назад!— она в ответ ему взрывалась словами. Она объясняла ему, что только сейчас поняла, что ей не надо ничего, кроме покоя, что она все забыла, простила, и хочет только, чтобы и он простил и забыл, потому что оба они друг перед другом виноваты, и она понимает, что когда двое расходятся, то не только тот виноват, кто всем кажется виноватым, что и она вины с себя не снимает, что она понимает, что главное было — ее ошибка, нечего было выходить за него замуж, слишком они разные люди, конечно, ребенок, но ведь она разрешает ему видеть Лодьку, и в детский садик он за ним заходит, и только два раза было, что Лодьку ему не отдали: но сам посуди, в каком ты был виде, ты оба раза не спорил даже, и пусть он не думает, что у нее не болит, у нее до сих пор болит, и когда он лежал в больнице, она каждый день узнавала, а не заходила — ты сам понимаешь, почему не могла я тебя тогда видеть, а теперь все прошло, но только не надо больше нам обоим всей этой ерунды, потому что это все чушь, ты сам говорил, и родители только сейчас наконец вздохнули свободно, их тоже надо пожалеть, все-таки они с нами, с тобой сколько возились, если бы не они...

Но это все было год назад, и теперь она уже не испытывала страстной жалости к себе, и во рту у нее не сохло, как раньше, когда она неожиданно встречала его.

— Брось, Алик,— ответила она невпопад,— хватит, Алик! Отчего ты здесь торчал, что у тебя, своих никаких дел нет, что ли?

— Какие у меня могут быть дела!— сказал он горько.

— Ты же говорил — на работу устроился.

— Работа — не бей лежачего. Для кого мне сейчас работать?

Она только плечами пожала. Сколько уже об этом было говорено-переговорено, и с плачем, и с криками, и с клятвами.

— Ты не думай,— сказал он,— я работаю. В багетной мастерской.

— Ты же там летом работал, потом ушел...

— А теперь опять работаю,— сказал он упрямо.— А потом такелажником пойду в Эрмитаж. Или в охрану...

Она прибавила шагу — ей надо было поспеть на автобус. Он шел рядом. Такой высокий, такой красивый. Прохожие, наверное, думают: какая пара! Если у них есть время думать, у прохожих! Она сказала:

— Не провожай. Я за отцом еду на службу.

— Привет передай Никодиму Ефимовичу,— сказал он.— И скажи ему: когда будет известно, кто по телефону хулиганит, я...

— Ты что?— Она даже остановилась.— Откуда ты про это знаешь? Неужели это ты...

— ...Звонил? Ты, значит, думала, что это я?— Он усмехнулся невесело.— Вот до чего, значит, дошло!

— Не думала я этого!— сказала Алла горячо.— Все-таки не настолько ты... И голос твой я бы узнала. Как бы я могла думать?

— Но мне не сказала. Мне не сказала, а Кириллу сказала. Что тебе Кирилл?

— Ах, так это Кирилл тебя поставил в известность?

— А что, он не имел права?

— В общем, не имел. Я ему не поручала.

— Это он, тебя защищая, сказал. Чтобы я к тебе не приставал... Я тебе звонить хотел, а он мне сказал: не приставай к ней сейчас, у нее сейчас такое... и рассказал мне. Слушай, но какая это сволочь звонит вам?

— Не знаю. Вот выясню — скажу тебе.

— Ох, и пересчитаю я ему ребра! Так давно хочется пересчитать кому-нибудь ребра! За тебя, за себя, за все...

— Все виноваты, да?

— Приятнее ведь думать, что все виноваты!

— Может быть.

Подошел автобус, она побежала, он держался с ней рядом, почти не прибавляя шагу. Уже с подножки автобуса она бросила ему:

— Так ты не трепись про это все, помни!

Он поднял руку успокоительно. Таким он и остался на остановке с поднятой рукой: «Не волнуйся, все будет в полном порядке».

Ее тревожило, зачем она рассказала Кириллу про телефонные звонки. Даже не это — ну, рассказала и рассказала!— а то, что этот факт от следователя скрыла. Значит, чувствовала, что сделала неправильно, и на ходу постаралась исправить. Что же она хотела исправить? Ведь

делу-то уже не поможешь. Впечатление о себе она хотела — не исправить, а не испортить вот. Впечатление о себе, о деловитой, спокойной женщине, с ровным характером.

У следователя лицо спокойное, добродушное. Довольный такой, толстый. Моложе отца, но, наверное, тоже был на войне. «Белорусский вокзал». В общем, даже неловко, что она полезла к нему с такой ерундой. И вид у него был такой, что она отнимает у него время.

У всех такой вид. У врача в поликлинике, у продавщицы, у официантки. У научного руководителя. У собственного ее мужа, когда он был ее собственным мужем и она пыталась говорить с ним серьезно.

У нее самой такой вид — когда пристает Лодька, когда мама заводит хозяйственные разговоры, когда научный руководитель допытывается о ходе работы над диссертацией, когда бывший муж, вот как сегодня...

Теперь это носят. Незаинтересованное выражение лица.

Можно подумать, что, помучившись над никому не нужным разговором, все эти люди — и она тоже! — кинутся к каким-то своим страшно интересным делам. Врач — к загадочной истории болезни, продавщица — на склад, куда привезли что-то сверхимпортное, официантка — в местком, где ей обещали однокомнатную квартиру, ученый — к образчикам лунной пыли.

А она сама куда кинется?

Ах, она — на любовное свидание. Куда еще кинуться молодой, разведенной, сравнительно хорошо оплачиваемой?

Никто никуда не кидается. Или это ей кажется, оттого что ей лично ничего не интересно?

Ей интересно: кто это все-таки к ним звонит? Скоро она узнает. Если толстяк займется этим.

В конторе отца уже не было. Бухгалтерша Леонтина Михайловна сказала, что он часа два как ушел — собирался зайти в банк, а оттуда домой. Ему позвонили, он собрался и пошел...

— Аллочка, вы что, он вам был срочно нужен? У вас такое лицо...

— Нет, просто я думала, что его здесь застану. Нет, ничего срочного, просто люблю заходить за ним.

— Традиция,— кивнула Леонтина Михайловна.

Алла приехала домой на такси и по лестнице бежала, не переводя дыхания; на площадке из-за запертой двери услышала, отец говорил:

— ... И все это глупости, дурацкие глупости.

Она открыла дверь и вошла в переднюю.

— ... и нечего, совершенно нечего волноваться.

Наверное, звонил опять этот... Опоздала! Ах, черт!

Но она не опоздала. Просто оказалось, что мать стояла в очереди за индийскими махровыми полотенцами, ей не досталось, и она донесла до дому свое нерастраченное негодование и вылила его с ходу на отца, который пришел раньше, а теперь роли переменились, и негодовал отец.

— Махровые полотенца! Чем плохи вафельные? Это удивительно, как люди сами себе усложняют жизнь. Если хочешь знать, то после бани даже полагается растереться вафельным полотенцем, этому с детства учат. Даже полагается!

— Я же не для себя хотела,— оправдывалась мать, слабея.— Я для Лодиньки.

— Для Лодиньки! — фыркнул отец.— Лодька — мужчина, его надо приучать к холодным обтираниям. То-то он и сидит у тебя дома по неделям. Разве так воспитывают мальчика?!

— Ну, папа! — сказала Алла.

— Ты только посмотри на нее! — сказал отец.— Ноги больные, сердце больное, а она стоит два часа за какой-то тряпкой. И так всю жизнь. Как где что дают — она там. Как будто за самым необходимым кидается. Это предметы роскоши, ясно?

— Роскошь тоже необходима,— сказала мать и подмигнула Алле.

Потом отец, затихая, долго еще бормотал свое обычное: из-за тряпок жизни не видят! ...Ограничивать себя надо. Ограничивать... Есть вещи поважнее... Алла думала о том, что пора идти за Лодькой в детский сад, а как же она пойдет, когда отец дома. Тут как раз и позвонит тот хулиган, а мать тоже не пошлешь после драматического переживания с полотенцами. Все трудно, все сложно. Она сказала:

— Папа, если ты не ложишься отдыхать, может, сходим вместе за Лодькой?

— Сам схожу! — буркнул он ворчливо.— Ты присмотри, чтоб у нее сердечного приступа не было! — Он кивнул в сторону матери и пошел в переднюю. Алла пошла за ним и сказала, что у матери и правда будет приступ, если он так на нее будет накидываться; она и так дома устает больше, чем когда работала в школе, а еще на нее если кричать... Говоря это, она чистила отцу пальто щеткой, искала рожок для обуви, подавала меховую шапку, так что слова ее были необидны, и потом вышла за ним на площадку и смотрела ему вслед, пока он спустился, видела его сутулую спину и думала, что у него никаких радостей в жизни — только семья, а много ли радости от семьи: дочь развелась, внук растет безотцовщиной. Шаги отца еще были слышны на лестнице, когда зазвонил телефон и она кинулась в комнату.

Так и есть.

— Вы не думайте, если ваш папаша еще ходит по нашей земле, что так всегда и будет. Мы с ним... мы ему... он еще у нас...

— Ну, подожди! — сказала она.

Она положила трубку и на минуту задумалась. Мать лежала на диване и смотрела на нее; поймав ее взгляд, она сразу отвернулась с незаинтересованным видом. Трубка лежала на столе и что-то произносила невнятное, но угрожающее. Она подошла совсем близко к дивану.

— Я сейчас пойду к Гольдштейнам, от них позвоню! — сказала она.— Это по работе звонят, пьяный прораб, но по делу. Ты только не клади трубку, ладно?

Она пошла через площадку, думая, что мать может и удивиться ее подробным объяснениям и что-нибудь заподозрить. У Гольдштейнов, к счастью, дома был только мальчишка — он впустил ее и помчался в другую комнату, где работал телевизор. Она набрала номер — ей сразу ответил женский голос. Она сказала:

— Хулиганы звонят, мне велели обратиться к вам.

— У вас трубка снята? Не вешайте, пока мы вам не позвоним.

И все. Отбой. Она еще зачем-то потопталась у телефона, потом крикнула гольдштейнскому мальчишке, что уходит, не получила ответа и вышла. Дома все было по-прежнему — мать лежала на диване, трубка на столе. Мать спросила:

— Ну, что же ты? Вдруг кто-нибудь позвонит, а ты трубку не вешаешь.

Она объяснила, что нельзя еще вешать, потому что тройная связь.

Что она имела в виду под этим странным термином, мать не спросила.

И тут Алле вдруг пришло в голову, что, может быть, и у матери были такие же телефонные разговоры, и она скрывает, и не знает, что делать. Алла бросила на нее испытующий взгляд, и та вдруг забеспокоилась:

— Ты что? Какие-нибудь неприятности по работе?

Нет, не знает ничего, иначе не заговорила бы про неприятности по работе. Довольно странно, между прочим: почему этот человек всегда попадает на нее? Или это не случайно происходит? Она что-то такое читала — преступник наблюдал за своей жертвой из окна. Жил в том же доме, вернее, в том же комплексе домов. И мог наблюдать. За ними, между прочим, тоже можно наблюдать из какой-нибудь квартиры дома 35. Она подошла к окну. Дом 35 «б», розово-желтая стена с окнами, пять этажей. Комнаты второго этажа просматривались довольно хорошо — по всей ближней части фасада, третьего хуже, четвертый параллельный, почти не просматривался в глубину, только пространство у окон. А что? Очень может быть, что сейчас за одним из окон сидит или ходит по комнате человек, который только что звонил сюда. Может быть, он сейчас пытается звонить кому-нибудь другому и удивляется, что его собственная трубка издает короткие гудки: занято, занято, занято... За одним из окон пятого этажа. Человек этот должен быть один. Он приходит домой тогда же, когда она. Он смотрит в их окна — может быть, у него даже есть бинокль. Или подзорная труба. И вся их жизнь в этой комнате для него, как немое кино. Во всяком случае, с той минуты, когда зажигается свет. А шторы всегда задергивает она — это ее обязанность с тех самых пор, как переехали в эту квартиру.

Они так радовались, когда разменялись. Район, конечно... да подумаешь, район! Отдельная квартира, две комнаты, кухня, ванная — и в ванной горячая вода. Две комнаты для их маленькой семьи. Две совершенно изолированные комнаты. Потом из одной семьи стало две — она вышла замуж за Алика. Потом опять одна, но побольше — ушел Алик, родился Лодька. Может, одна радость и была в этой квартире — Лодька. Потому что с Аликом сразу стало...

Трубка на столе сухо затрещала — без звонка.

— Да, я слушаю!

— Все в порядке,— сообщил равнодушный женский голос.— Мы все выяснили, больше вас не будут беспокоить.

— Но... но я хотела бы знать, кто...

— А это мы не сообщаем.

Короткие гудки. Алла набрала служебный номер Всехсвятского, ни на что не рассчитывая: было уже поздно. Но Всехсвятский был на месте.

— Это говорит Соколовская, Алла Соколовская.

Всехсвятский подождал несколько секунд, потом спросил:

— Вы говорите из дому?

— Да.

— Понятно. Значит, звонок повторился?

— Да. И я...

— И вы сделали то, что я вам сказал. Все в порядке?

— Да, но я хотела бы знать...

— Понимаю вас. Думаю, что через некоторое время это можно будет сделать.

Он замолчал, и она сказала:

— Понятно. Спасибо. До свиданья.

Мать была уже на кухне — занялась ужином. Отец с Лодькой вот-вот должны были прийти. Алла вышла на площадку, посмотрела, работает ли лифт. Лампочки горели на всех этажах, кроме третьего. Но это уже не имело значения, лифт подъехал: отец с Лодькой вышли, и Лодька громко считал шаги:

— Семь! Восемь! Девять! Десять!

Почему-то потом, когда Алла вспоминала этот вечер, он казался ей последним. Между тем он вовсе не был последним — было еще несколько таких же вечеров: семья за столом в кухне; мать спрашивает у Лодика, что было в детском саду, и он удивленно отвечает: ничего! А потом начинает рассказывать, что у машин бывает бампер... Каждый вечер они узнают много нового и интересного: марки машин, части машин, правила уличного движения и слова, которые принято считать неприличными. Известен первоисточник всех этих разнообразных сведений — Костя Молодцов, синеокий, ангелоподобный, с высоким, переливчатым голоском.

Бабушка раньше при каждом новом знаке обогащения Лодькиного словаря ахала и всплескивала руками; еле удалось ее от этого отучить. Теперь она только нервно вздрагивает. Но все равно Лодька это замечает и, когда имеет сообщить что-нибудь новое, заранее нацеливается глазами на бабушку. Бабушка напрягается, стискивает пальцы, но Лодька дает залп, и ее передергивает.

В этот вечер все было сравнительно благополучно, и Алле не надо было владеть собой. До чего же ей надоело владеть собой, кто бы знал! С тех пор, как Алика выгнали из дому — так это между ними называлось, и так оно и было,— они всегда ее раздражали: и когда были внимательны к ней, как к больной, и когда делали вид, что ничего не случилось, и когда в самом деле стали считать, что все идет, как должно — Лодька им остался, чужеродный элемент выдворен, дочь опять стала дочерью, а не несчастной женой опустившегося бездельника... А как они вытравляли из Лодьки черты отца — да нет, даже не черты, просто всякое подобие. Ее тоже сходство мальчика с отцом пугало, даже красивое его личико не радовало, но они не должны были говорить при каждой его дурацкой шалости: гены! Не должны каждый раз качать головами с озабоченным видом. Да-да, она, конечно, виновата, она ввела в их дом этого чужого человека, который оказался пьяницей и дебоши-

ром, но в других семьях бывают истории куда хуже, и в конце концов, если бы она жила отдельно, может, она бы и не выгнала мужа, не оставила ребенка без отца, еще поборолась бы, может, что-нибудь бы и получилось. Может, и пить он стал оттого, что попал к ним, в чужую семью, где он был ни при чем, так, приймак, не хозяин, не хозяйский сын. Или не она сама это придумала, а он ей так говорил?

Хулиганские звонки дали ей что-то вроде тайного морального преимущества: вот, я вас ограждаю, а вы и не догадываетесь. Была сладкая горечь сознания: вы не знаете, вы никогда не узнаете, что я для вас делаю, что сделала... И это было вроде бальзама, вроде масла на непросыхающие, незаживающие царапины, ссадины, струпы от подавленных и неподавленных приступов раздражения, от домашних стычек, слов, словечек, взглядов и вздохов. Родители, которые были Папой и Мамой, Властью, всегда направлявшие ее жизнь, которые были иногда Подмогой, чаще Препятствием и олицетворяли незыблемость мира, вдруг стали Тайной Заботой. И это было ново и соответствовало не привычному, но истинному положению вещей; она молода и сильна, они старятся и, пожалуй, больше нуждаются в ней, чем она в них.

В тот вечер это чувство было особенно сильно, а может быть, она впервые сказала себе все это словами, впервые дала название всему сложившемуся. Ей было хорошо дома, на кухне, за чайным столом, как давно уже не бывало хорошо. И когда позвонил Кирилл, сказал, что достал билеты на «Все на продажу», ей даже не захотелось пойти — так уютно было дома. И она даже как бы спросила разрешения: меня зовут в кино... А на что? На «Все на продажу». И мама сказала, что надо идти непременно, что она сама уложит Лодиньку, и папа кивнул головой и хмыкнул что-то утвердительно-разрешающе-советующее. Они уже видели этот фильм и что-то о нем говорили, то есть, как всегда, отец высказал суждение, а мать согласилась. Мать всегда с ним соглашалась, потому в доме и был лад. Алла давно поняла, что соглашается она только для виду, а сама думает и делает по-своему. В этом ей виделось лицемерие: только для того, чтобы был этот самый «лад», видимость покоя и согласия, помалкивать, скрываться и таить... Иногда Алле казалось, что у них в доме все наоборот: всюду матери ворчат, или пилят, или срываются, а отцы, которым не до мелочей, прячутся за газетой, или у телевизора, или идут «на уголок» и остаются там надолго. У них же отец входил во все тонкости, и ему хватало для этого времени, и словесным «воспитанием» занимался он: он и Алика старался воспитывать...

Да, и вот она выходит из дому, идет по лестнице, идет по улице на свидание с Кириллом. Это не любовное свидание, но это свидание, и она это понимает. В кино Кирилл не будет держать ее руку, не будет заглядывать в лицо и прижиматься, а после кино как бы из вежливости предложит: зайдем ко мне? Раза два она соглашалась, но ничего интересного из этого не вышло.

Между тем он не отстает и ухаживает за ней как-то странно — видимо, у него свой метод, бессловесный; и она заходила к нему в первый раз из равнодушного любопытства, второй — чтобы не обидеть. То, что было между ними, не вызвало в ней чувства благодарной признательности, на которое, может быть, было рассчитано. И он это понял и все-таки не отстал и сохранил лицо.

Ну хорошо, а зачем, однако, она идет с ним в кино? Как зачем? Да потому, что не с кем больше пойти, что никто больше ее не зовет, и он ей в конце концов не противен, с ним даже весело, а что он ничего не говорит чувствительного, так это, может быть, лучше всего. Она наслушалась слов, хватит с нее!

Он ничего не расспрашивает об ее отношениях с Аликом, хотя все знает, даже домой его отвозил. Это было уже после их развода, когда она ходила к Иванчихиным, и Алик туда тоже приходил, чтобы доказать, что они остались приятелями и не боятся встреч, что они расстались, как приличные люди. Это отец так говорил: надо расстаться, как приличные люди. И там Алик напился до изумления, и Кирилл отвез его домой. На такси.

Но это было в прошлом году, и наутро она уже была у Алика — удрала с работы, тогда была хорошая шефиня, можно было удрать! — и он клялся и уверял, что если она поверит в самый последний раз, то для них еще возможны и жизнь, и слезы, и любовь, Алик!

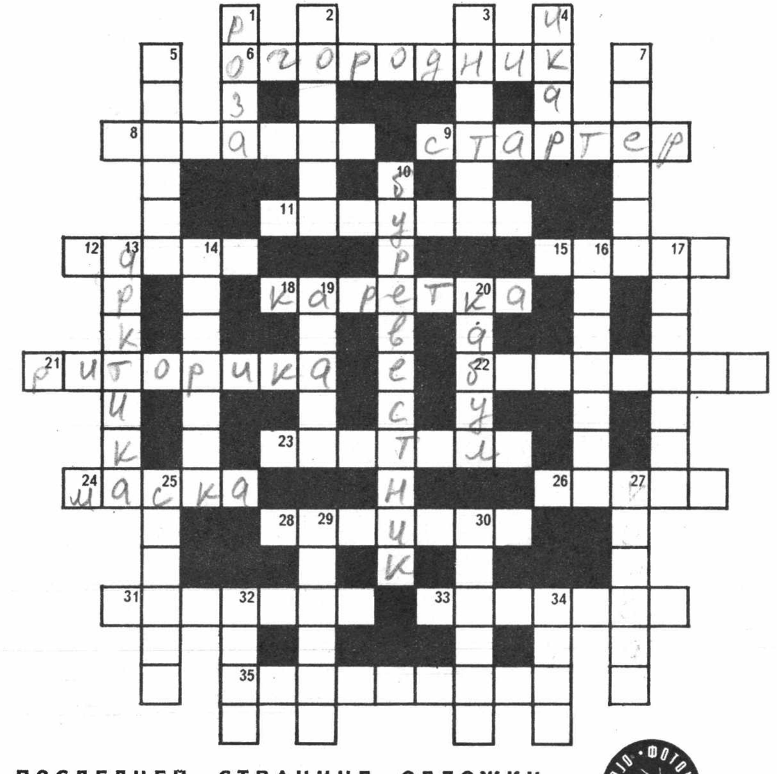
Нет, с нее довольно слов, и Кирилл, который не златоуст, — как раз то, что ей сейчас нужно. Он не будет настаивать, он просто отведет ее после кино домой и по дороге будет рассказывать смешные анекдоты. Правда, в парадной он постоит молча, как бы ожидая чего. Чтобы она кинулась ему на шею, не совладав с собой? Как-то он говорил: теперь первый шаг делают женщины!

Да, не слишком тонок. Но если бы не он, она не пошла бы к этому Всехсвятскому и сегодняшний звонок был бы не последним; он умеет помочь — советом, делом, а не анализировать. Это Алик умел анализировать!

Кирилл ждал на автобусной остановке. В дом к себе после развода она не допускала никого — родители бы сразу насторожились.

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Стихотворение Н. А. Некрасова. 8. Русский архитектор. 9. Устройство для пуска двигателя внутреннего сгорания. 11. Болгарский смычковый инструмент. 12. Хищное млекопитающее семейства кошачьих. 15. Приток Лены. 18. Рамка с валиком в пишущей машинке. 21. Учение об ораторском искусстве и красноречии. 22. Циклический индукционный ускоритель заряженных частиц. 23. Грузинский народный танец. 24. Принадлежность карнавального костюма. 26. Украинский поэт. 28. Южное плодовое дерево. 31. Кондитерское изделие. 33. Озеро на Валдайской возвышенности. 35. Лесная ягода.

По вертикали: 1. Цветок. 2. Басня И. А. Крылова. 3. Мелкая промысловая рыба. 4. Герой древнегреческой мифологии. 5. Лиственное дерево. 7. Спутник планеты Уран. 10. Морская птица. 13. Северная область Земли. 14. Музыкант оркестра. 16. Опера П. И. Чайковского. 17. Созвездие северного полушария неба. 19. Залив Красного моря. 20. Столица Афганистана. 25. Порт в Италии. 27. Балет А. Адана. 29. Ткань, вырабатываемая из крученой пряжи. 30. Персонаж повести Л. Н. Толстого «Казаки». 32. Французский физик XIX века. 34. Река в Приморском крае.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали: 4. Рембрандт. 5. Мефистофель. 9. Климов. 10. Лорнет. 14. Франк. 15. Кассета. 17. Акаси. 18. Ракитник. 19. Новгород. 20. Жокей. 21. Арсенал. 24. Финал. 27. Апрель. 28. Борона. 29. Контрафагот. 31. Тускарора.

По вертикали: 1. Арлекин. 2. Грот. 3. Штольня. 6. Ижора. 7. «Фронт». 8. Терракота. 9. Кантилена. 11. Тектоника. 12. Космонавт. 13. Остужев. 15. Книга. 16. Атолл. 22. Рулет. 23. Айова. 25. Ариосто. 26. Волопас. 30. «Абай».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: И. С. Никитин.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Закат на реке Березайке (Калининская обл.).

Фото В. Матвеева. (На фотоконкурс, г. Москва).

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 9/IX—1974 г. А 00633. Подписано к печ. 24/IX—1974 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2025. Тираж 2 110 000 экз. Заказ № 2747.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Оформление И. К. МИХАЙЛИНА.

ПТИЦЫ-К

А. БОЧИНИН,
Б. СОПЕЛЬНЯК

В лучах заходящего солнца...

...ОНИ

Машины мчались по дороге Николаев — Одесса, и вдруг все шоферы разом нажали на тормоза! Остановились и мы. Да, такое увидишь не часто. Крылатые кони. Представьте: гнедые, рыжие, вороные кони бесшумно возникают из-за пологого холма, взлетают на вершину, перепрыгивают через наполовину срезанный круг закатного солнца и исчезают в степи.

Это были скакуны конноспортивной школы совхоза имени Шмидта. И вот мы в гостях у ее директора—бывшего кавалериста Александра Львовича Зозули и его питомцев.

— В седле я с 1928 года,—рассказывает Александр Львович, поглаживая свои запорожские усы.— Всю Отечественную воевал в кавалерии, командовал полком, поил коня из Эльбы. А когда ушел в отставку, вспомнил слова большого знатока лошадей—писателя Александра Куприна. «Если кто полюбит по-настоящему наше конское дело, то уж это — навсегда, на веки веков. Отстать нельзя... Истинного любителя — прекрасный вид лошади, ее могучее ржание, ее стремительный бег, ее чистое дыхание, ее бодрый запах — будут волновать и тревожить неизменно до глубокой старости, до самой смерти, и я даже полагаю, что и после нее».

Довольно долго ходил я по инстанциям, предлагал создать конноспортивную школу. Все с радостью соглашались, но как только речь заходила о покупке лошадей—а хороший конь стоит гораздо больше автомобиля,— шли на попятный. Но в конце концов на окраине поселка Варваровка мне выделили пять гектаров земли и средства на приобретение шести лошадей.

Тут уж мы развернулись! Построили конюшни, тренировочные поля, крытый манеж и объявили набор в школу. Мальчишки повалили валом. Не отставали и девчонки. Отбор был строгим. Ведь конник должен быть легким, смелым и до самозабвения любить лошадь. А у каждой из них свой характер. Не удивляйтесь, лошади бывают злые и добрые, хитрые и простодушные, льстивые и упрямые...

Был у нас прекрасный жеребец Абрек: сильный, смелый, с отличным прыжком и... ослиным упрямством. К тому же он любил огорчать хозяина именно на соревнованиях: сложные препятствия возьмет играючи, а перед простыми расставит ноги, опустит голову и стоит — бульдозером не сдвинешь. Что же вы думаете, так мы и не нашли спортсмена, который смог бы подчинить Абрека. Пришлось отдать коня в учебную группу.

— А может быть, Абрек именно этого и хотел?— спросил я.— Ведь возить ребятишек легче, чем прыгать через барьеры.

— Все может быть,— без тени улыбки кивнул Александр Львович.— В поведении лошадей немало загадочного. Иногда мне кажется, что они знают нас лучше, чем мы их. Но больше всего меня поражает спортивный темперамент лошади, у настоящего скакуна, если так можно выразиться, он в крови. Хорошая лошадь не может спокойно видеть впереди себя другую, и просто так, без борьбы ни за что не даст себя обогнать.

— Вот и все,— закончил свой рассказ старый кавалерист,— теперь смотрите, фотографируйте, а мне пора на тренировку.

Володя Копылов берет препятствие на красавце Багаже.

Все они хотят быть похожими на перворазрядницу Ларису Панчук.

...Когда из конюшни вырвались пятьдесят оседланных красавцев, мы даже растерялись и сразу не могли различить их, путали клички, а потом познакомились поближе с драчливым Багажом, добросовестным Барвинком, настойчивым Гектаром, строгим Горным, норовистым Сейфом. Познакомились и со всадниками, самозабвенно влюбленными в лошадей парнями и девчатами. Они часами могли говорить о своих питомцах.

Истинные возможности и людей и лошадей можно узнать только на конкурном поле. Всевозможные барьеры, глухие стены, ямы с водой ждут наездников. Володя Копылов явно торопился с посылом: лошадь начинала прыжок раньше времени и задними ногами сбивала жерди. А Коля Малиновский, наоборот, перед барьером придерживал коня, и тот налетал на жерди грудью. Молодые конники нервничали, рвали повод, пускали в ход хлыст и в результате теряли драгоценные секунды. Но вот на дистанцию вышел мастер спорта Виктор Ненов. Он ни разу не дернул повод, не взмахнул хлыстом и, как нам показалось, не использовал даже шпоры. Спокойно, плавно, точно подводил Ненов своего коня к препятствию, и тот будто и не замечал его. А как проходил кроссовую дистанцию член сборной команды СССР Владимир Сорока! На дистанции кросса барьеры посложнее, чем на конкурном поле: сделаны они из массивных бревен, но до чего же легко и азартно прыгал его конь! Он так играючи взмывал над грозными препятствиями, что мы тут же вспомнили поразивших нас крылатых коней.

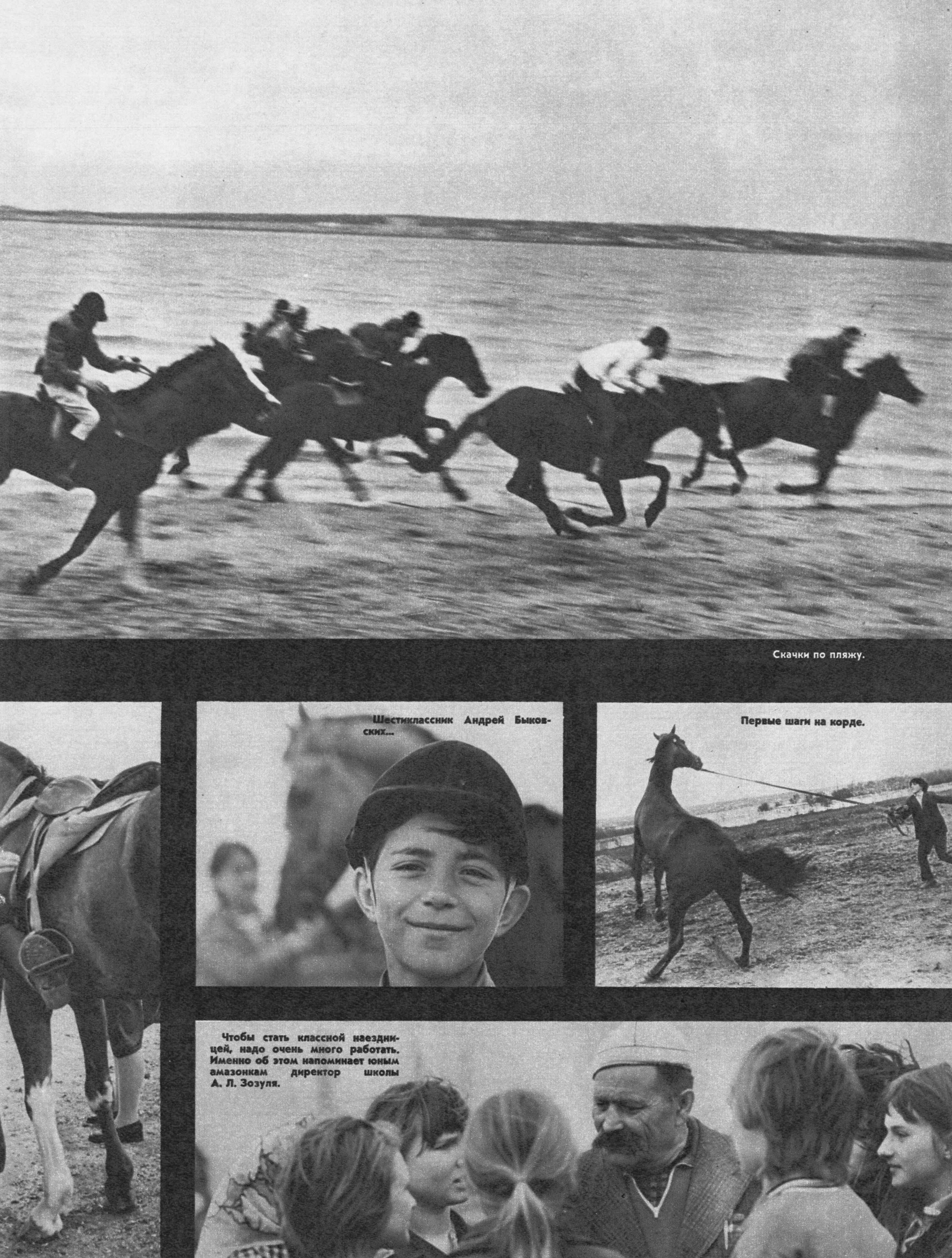
На соседнем поле тренировались мастера выездки. Оля Антоненко и Лариса Панчук внимательно следили за неоднократной чемпионкой УССР Ниной Смирновой.

...Уезжали мы мягким летним вечером. Выехали за ворота и притормозили. Гнедые, рыжие, вороные бесшумно появлялись из-за пологого холма, взлетали на вершину, перепрыгивали через наполовину срезанный солнечный круг и исчезали в степи...

Впервые в седло.

Скачки по пляжу.

Шестиклассник Андрей Быковских...

Первые шаги на корде.

Чтобы стать классной наездницей, надо очень много работать. Именно об этом напоминает юным амазонкам директор школы А. Л. Зозуля.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663